

ПРОЧТИ. ТОВАРИЩ!

АРКАДИЙ САХНИН

ТОВАРИЩ ЧИЛИ

TODO
EL PUEBLO
ESTÁ CON
NOSOTROS.
¡CHILE
VENCERÁ!

АРКАДИЙ САХНИН

ТОВАРИЩ ЧИЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1974

Сахнин Аркадий Яковлевич

Товарищ Чили. М., «Знание», 1974. (Серия «Прочти, товарищ!»). 176 с.

Писатель Аркадий Сахнин побывал во многих городах и районах Чили, встречался с друзьями и врагами правительства Народного единства. О своих впечатлениях он и рассказывает в первой части книги. Вторая часть посвящена борьбе чилийского народа против объединенных сил внутренней и внешней реакции, вплоть до кровавого военного переворота 11 сентября 1973 года и злодейского убийства выдающегося борца за национальное освобождение страны президента Чили Сальвадора Альенде.

С $\frac{10605-072}{073(02)-74}$ БЗ17—5—72

Аркадий Яковлевич Сахнин «Товарищ Чили»

Редактор К. М. Чушкова Художник В. И. Терещенко Худож. редактор Л. С. Морозова Техн. редактор Т. В. Пичугина Корректор Г. К. Храпова

А06720. Индекс заказа 37711. Сдано в набор 8/У1 1973 г. Подписано к печати 4/11 1974 г. Формат бумаги 70x108 1/32 Бумага типографская № 1. Бум. л. 2,75. Печ. л. 5,5. Усл.-печ. л. 7,70. Уч.-изд. л. 9,43. Тираж 60 100 экз. Издательство «Знание», 101835. Москва, Центр, проезд Серова, д. 3/4. Заказ 362. Цена 30 коп.

Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109

© Издательство «Знание», 1974 г.

Прочти, товарищ, этот рассказ о роковых событиях в Чили, о трагедии чилийского народа, о самом жестоком и кровавом военном перевороте, какие знал латиноамериканский континент за последнее столетие.

В 1970 году на президентских выборах в Чили победу одержала коалиция левых партий, образовавших блок Народного единства. Главной и цементирующей его силой были коммунистическая и социалистическая партии. Президентом стал кандидат Народного единства, выходец из семьи трудовой интеллигенции, выдающийся борец за свободу и национальную независимость Чили — Сальвадор Альенде.

В наследство от старых режимов Народному единству достались гигантские внешние долги, засилье иностранных монополий, ужасающая нищета населения и безработица. Каждый четвертый чилиец был бездомным, тысячи и тысячи ютились в шалашах и сараях при керосиновом освещении, болезни и голод косили людей.

С первого же дня прихода к власти правительство Народного единства приступило к реализации своей программы. За три года оно сделало для страны больше, чем все предыдущие правительства за 150 лет после получения Чили так называемой независимости. Все крупные предприятия и банки перешли в руки народа. Были экспроприированы земли латифундистов. Природные богатства — медь, уголь, селитра, нефть, железная руда — все, что таили в себе недра земли, чем завладели монополии США и национальная буржуазия, перешли в собственность нации, которой они и принадлежали по праву. Все иностранные монополии, весь иностранный капитал были выдворены из страны.

Преодолевая трудности, искусственно создаваемые реакцией, Народное единство добилось больших успехов в развитии промышленности, сельского хозяйства, всей экономики в целом. Был разработан и успешно выполнялся чрезвычайный план строительства жилищ, значительно сократилась безработица, повысилась зарплата низкооплачиваемых рабочих и служащих. Каждый чилийский ребенок ежедневно получал бесплатно пол-литра молока.

Может быть, главным достижением Народного единства явилось вовлечение трудящихся в управление хозяйством и политической /3/ жизнью страны во всех областях и на всех уровнях — от крестьянского кооператива и промышленного предприятия до высших государственных и общественных органов. Впервые в истории Чили народ почувствовал себя свободным, впервые не попиралось, а воспитывалось в нем чувство собственного достоинства.

Империалистические силы не могли смириться с потерей для себя Чили, с тем, что перед зависимыми от их капиталов народами появился «чилийский пример». Кровавым террором был проложен путь военной хунте к государственному перевороту, который она и совершила 11 сентября 1973 года, злодейски убив выдающегося деятеля освободительного, антиимпериалистического движения латиноамериканского континента, мужественного борца за свободу и демократию, президента Чили Сальвадора Альенде.

В 1971 году, в момент очередной иступленной кампании реакционной клеветы в связи с предстоявшей национализацией меднорудной промышленности, Сальвадор Альенде объявил «Операцию правда», пригласив представителей различных стран приехать в Чили, посмотреть, что же там происходит в действительности, и рассказать миру правду.

Советский участник «Операции» писатель Аркадий Сахнин посетил многие города и села Чили, Огненную Землю, побывал на медных рудниках и скотоводческих фермах, встречался с друзьями и врагами Народного единства. О своих впечатлениях он рассказал в нескольких номерах «Правды» и «Огонька». Эти материалы, дополненные описанием событий последующего периода борьбы Народного единства против реакции, и легли в основу настоящей книги. Когда она была подписана к печати, в Чили произошли роковые события, возмутившие человечество.

Учитывая, что книга повествует о том, как на протяжении трех лет готовилось свержение правительства, как жил и боролся чилийский народ, издательство решило выпустить ее, ничего в ней не меняя, а лишь дополнив материалами о том, как военная хунта захватила власть, и о ее первых кровавых шагах. По просьбе издательства автор и рассказал об этом в конце данной книги, предлагаемой вниманию читателя. /4/

I. «ОПЕРАЦИЯ ПРАВДА»

Я не знал подробностей. Бурлил Сантьяго, взбудоражилась страна, все сильнее разгорались политические страсти. Они приобретали разные формы. Средством политической борьбы реакции стали организованные ею террор, саботаж и открытая клевета, разносимая массовыми средствами информации. В один и тот же день можно было прочитать или услышать сообщения зарубежных органов печати и радио о близкой и неминуемой гибели всей экономики и нового строя и публикации прогрессивной прессы о том, что перед страной открылся, наконец, широкий путь к прогрессу.

В мотиве «близкой и неминуемой гибели» было что-то знакомое. Нудное, надоевшее. Впервые мы услышали его в семнадцатом году. Он сопровождает нас до сих пор. Идет волнами. То затихая, то нарастая. Апогея достиг в сорок первом. Уже размечалась Красная площадь под исполинскую свастику, где станут для победного парада воинские части, сломавшие нам хребет. Размечалась на бумаге. Хребет тоже на бумаге. И еще в эфире.

Постепенно мотив начал стихать. Он оборвался и, казалось, заглох навсегда в день шествия наших войск по Берлину. Потом снова возник из небытия. На нас он уже не действует. У нас выработался к нему иммунитет.

Аранжировка этого мотива для Чили прозвучала /5/ впервые в день победы Народного единства. Он сопровождал массированное наступление объединенных сил внешней и внутренней реакции, стремившихся посеять панику среди населения, вызвать недовольство, волнения и недоверие к новому правительству и свергнуть его.

Молодой, неокрепший, едва народившийся строй выдерживал удары и готовился к наступлению. Вскоре реакция узнала, как это выглядит на практике. Национализация меднорудной и других областей промышленности, экспроприация земель крупных латифундистов, участие рабочего класса и крестьянства в управлении страной — это были удары в самое сердце бывших хозяев Чили, и смолчать они не смогли. Начался новый этап подрывной деятельности и клеветы. Вот в такой обстановке, когда национализация медных копей — основы всей экономики страны — была предрешена, когда полным ходом осуществлялась аграрная реформа, Сальвадор Альенде и объявил «Операцию правда».

Я отправился в Чили, имея информацию, носившую лишь общий характер. С фактами предстояло ознакомиться на месте.

Первая посадка — Лондон. Самолет подрулил к зданию аэропорта, из которого на высоте нескольких метров пополз, как исполинская растягиваемая гармошка, тоннель и прижался к уже распахнутой двери нашего ИЛ-62. По тоннелю пассажиры, так и не ступив на английскую землю, прошли в здание. Пока это был лишь длинный стеклянный коридор, тоже похожий на тоннель со множеством «гармошек», откуда выходили пассажиры других линий из только что приземлившихся машин.

В густой толпе люди двигались куда-то вниз, /6/ а навстречу поднимались те, чьи самолеты уже подготовились к дальнейшим рейсам, и все это напоминало московское метро на узловых переходах. Наконец мы оказались в густо набитом маленьком зале ожидания с множеством сувенирных ларечков, облепивших стены.

Выход отсюда запрещен. Здесь надо провести час или немного больше и вернуться в свой самолет, когда его заправят горючим и подготовят к перелету через океан, о чем по радио сообщит диктор.

Каждую минуту аэродром принимает самолет. Каждую минуту с его взлетной полосы поднимается самолет. Сто двадцать взлетов и посадок в час. Два бесконечных конвейера на летном поле. Два людских конвейера в стеклянном коридоре и густое беспорядочное и бесцельное движение в зале ожидания. Гул на летном поле не смолкает. Гул в зале затихает, когда говорит диктор. Он говорит почти все время, делая лишь короткие перерывы. Люди вслушиваются. Не пропустить бы сообщения о своем рейсе, хотя время отлета известно. Но надо слушать. Возможны любые изменения.

Следующая посадка — Нью-Йорк, где предстоит провести день и пересесть на «Боинг». На обратном пути из Чили здесь пришлось задержаться на пять дней. Но в обоих случаях не было и признаков того одиночества, какое я почувствовал на лондонском аэродроме.

...Мне понятна деятельность специальных корреспондентов. Человек получает задание и едет в определенное место, чтобы осветить определенную тему. Здесь все просто и ясно. Но вот деятельность собственных корреспондентов меня всегда поражала. Скажем, собкор центральной /7/ газеты в Сибири. Как можно уследить за бесчисленным количеством событий, ежедневно происходящих в этом огромном районе страны? И не только уследить, но и разобраться в них, проконсультироваться со специалистами, своевременно написать корреспонденцию, своевременно получить «провод» для передачи по телеграфу или телефону и одновременно думать о том, как бы не упустить новых событий, пока всем этим занимаешься.

Каждый собкор находится под постоянным автоматическим контролем. Если он допустит «зевок» и не сообщит своей редакции о чем-то интересном, происшедшем сегодня, об этом завтра же узнают из других газет. По сообщениям тех, кто не прозевал. И качество работы собкора находится под таким же контролем. Ведь в редакциях читают сообщения не только своих представителей. Смотрят, как другие газеты осветили тот же вопрос. Смотрят, насколько полно, глубоко и образно выступил собкор.

Все это касается лишь информации. Но информация только малая частичка работы собкора. Надо разрабатывать глубинные темы. Надо показать жизнь всего края, его рабочего класса, широко разветвленного научно-исследовательского комплекса, необъятных районов сельского хозяйства, своевременно одернуть зарвавшегося или нарушителя законов, защитить обиженного и рассказать о бесчисленном количестве других важных дел.

Собкор должен обладать большими знаниями, огромной трудоспособностью, особым чутьем и тактом, высокой журналистской квалификацией.

Несоответствие работника занимаемой должности в ряде областей не обнаруживается /8/ порой годами. Несоответствие собкора выявится с первых же дней пребывания на этом посту. Каждый день для него — проверка. Каждый день — экзамен. Потому и нет у него ни одной минуты свободной.

Ну, а советский собкор в капиталистической стране? Это намного труднее. Там ведь не пойдешь в обком или исполком проинформироваться, посоветоваться. Как, например, в Нью-Йорке, вздыбленном, немыслимом городе, где советского журналиста отнюдь не всегда примут с открытой душой, уследить за важнейшими событиями, раскрыть их подлинный смысл, не ошибиться в оценках? Как разобраться в оглушительном водовороте политических сделок, голого чистогана, грабежей банков и поездов, забастовок и социальных сдвигов, биржевых и валютных потрясений — как узнать обо всем этом, как выбрать главное и типичное, не дать увести себя в сторону лживой, отлично поставленной пропагандой, политической рекламой и дезинформацией, не дать возможности спровоцировать себя, на что немало охотников.

Бешеный ритм, бешеный темп сумасшедшего города. Надо не только выдержать их в чуждой среде. Надо быть в центре событий, предвидеть их, предугадать их дальнейший ход.

Встречи с друзьями и маскирующимися врагами, разницу между которыми не сразу увидишь, контакты с официальными лицами и частными, трущобы и дворцы, падения и взлеты, министры и клерки, миллиардеры и бродяги — все должно быть в поле зрения собкора. Как же найти для этого силы и время?

...Генрих Боровик, Томас Колесниченко, Мэлор Стура. Собственные корреспонденты советской /9/ прессы в Нью-Йорке. Люди переднего края идеологической борьбы. Дни и ночи расписаны по часам и минутам. Я их очень давно знаю. По печати. Лично — едва знаком. Но велико братство советских журналистов. Поистине героическим было оно во время войны. Его тепло мы ощущаем всю жизнь. Я видел на примере других и собственном в десятках городов, наших и зарубежных, как совсем незнакомые приезшему журналисту собкоры жертвовали личными интересами, чтобы помочь собрату-новичку справиться с заданием.

И вот — Нью-Йорк. Человек там — песчинка. Иностранец и того меньше. Куда идти, что смотреть? Как не затеряться?

Трое «распределили» меня между собой. Расписали мое время, как свое. По дням, ночам, минутам. Позаботились о гостинице, продлении визы, отыскали, казалось, безнадежно пропавший на «Боинге» чемодан. Показали самое интересное. Щедро отдали то, что, может быть, месяцами добывали сами, о чем сами могли бы и написать. Отдали готовеньким. Надеюсь, еще расскажу об увиденном. А пока, пользуясь случаем, хочу сказать им самые теплые слова благодарности. Равно как и собкору «Правды» в Латинской Америке Владимиру Чернышеву, без помощи которого моя работа в Чили была бы неизмеримо труднее.

Пишу об этом только потому, что помощь собкоров приезшему характеризует не отношение к нему лично, а к любому представителю советской прессы. Пишу, чтобы отметить, как велико братство наших журналистов, о чем, к сожалению, мы очень редко говорим.

...По пути из Нью-Йорка в Сантьяго шесть /10/ посадок—в столицах латиноамериканских стран. Почти все — ночью. Как и в Лондоне, стоянки в пределах часа. И путь пассажира там точно очерчен: самолет — зал ожидания — самолет. Кроме сувенирных ларьков, занимающих львиную долю помещения, ничего не увидишь. Ларьки торгуют без перерывов, без выходных, по двадцать четыре часа в сутки. Таково впечатление: в какое бы время ни приземлился самолет, ларьки открыты. Оказывается, их открывают только на то время, когда прилетают самолеты. Кроме местных изделий, там можно купить и японский или западногерманский транзистор, итальянскую рубашку, и американские джинсы. Это — в ларьках. А контрабанду предлагают шепотом прилично одетые люди, дефилирующие по залу.

По пути из Перу уже начинаешь понимать бытующее в Чили выражение «сумасшедшая география». В самом деле, летишь над пустыней Атакама, с городом Калом в ее горячих песках и не верится, что совсем близко самая высокая гора западного полушария Аконкагуа, покрытая

вечными снегами. В Каломе ни разу в жизни не шел дождь, а во многих районах чилийской Патагонии дожди идут круглый год.

Едва ли не во всех школах мира учат: чтобы на географической карте найти Италию, надо искать сапог. С еще большим основанием можно сказать: хотите найти Чили, ищите хоккейную клюшку. Длинная полоса, загнутая внизу, где Магелланов пролив отсекает от материка Огненную Землю.

От крайнего севера Чили с его субтропической жарой до чилийской Антарктики страну пересекают различные климатические пояса. Нестерпимые январские духота и солнце на севере, /11/ июльская стужа с ее холодными ветрами на юге не только не мешают, но и способствуют выращиванию самых разнообразных сельскохозяйственных культур. Потому и встретишь здесь бескрайние виноградники, апельсиновые плантации, непроходимые, как джунгли, леса и травы, пробивающие себе путь сквозь снега. И в недрах страны — богатства несметные. А прокормить себя она не могла. Но об этом разговор впереди.

Когда летишь над Чили, точнее вдоль Чили, ибо на современном самолете поперек нее некуда летать, можно подумать, будто природа специально создала здесь особые условия для охраны страны и ее границ. С запада—на всем протяжении— океан, который и в самом деле кажется тихим, а с востока, как естественная граница с Боливией и Аргентиной,— неприступные Анды. Параллельно им и берегу — скалистые Кордильеры, а между этими грядами — плодороднейшая долина, так и называемая Продольной.

Сотни и сотни вулканов высятся над страной.

В недрах Чили не прекращаются какие-то страшные процессы. Время от времени вздрагивает земля, чтобы стряхнуть с себя то, что годами воздвигали люди. По количеству землетрясений Чили не уступает Японии, но сила их достигает порой куда больших размеров, чем в Стране восходящего солнца.

Стихия не щадит чилийцев. Время от времени курящийся над вулканами дымок оживает, из кратера появляется пламя, а потом и лавина, заливающая огромные пространства. Нередко и Тихий показывает свой нрав. А в мае шестидесятого года проснулись одновременно три стихии. Колебалась, гудела, раскалывалась чилийская земля. Извергались вулканы. Исполинскими волнами /12/ ринулся на обжитые берега Тихий океан. Рухнули, сгорели и погибли в воде триста тысяч жилищ. А сколько тысяч погибло людей! Сколько сот тысяч пострадало! Кто мог сосчитать!..

...В назначенное время аэродром Сантьяго не принял нашего самолета. Такое, как известно, случается в любых странах. Например, за три дня до этого один из нью-йоркских аэродромов не мог в назначенное время принять самолет с туристами из Европы, и в течение получаса он кружил над городом. Пассажиры, убежденные в том, что это туристическая фирма приготовила для них сюрприз, выразили ей свою благодарность.

Едва ли не все пассажиры нашего самолета радовались тому, что и нас не принимали минут пятнадцать. Именно с высоты видны масштабы Большого Сантьяго, где сосредоточилось около двух с половиной миллионов жителей — более четверти всего населения страны. В самом центре города скалистый холм Санта Лусия, где некогда на его шестидесятиметровой вершине была сооружена военная крепость. Свою родословную город и начал с этого холма, у подножия которого был индейский поселок.

Сантьяго, как и многие города Латинской Америки, планировался в виде прямоугольника, по которому извивается река. Его история, история Чили тоже типична для всего континента. Это— жестокое истребление индейцев — коренных жителей испанскими завоевателями, история войн, а затем борьбы колониальных держав за богатства чилийской земли, за экономическое и политическое господство на этой земле. /13/

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА

Сантьяго-де-Чили. Площадь Конституции. Президентский дворец. Толстые, едва обхватишь рукой, стальные прутья перекрещивают огромные окна недостижимо высокого первого этажа. Они потемнели от времени, слились по цвету с серыми стенами и не воспринимаются как решетки. Их

бесчисленное множество вдоль фасада, на бесконечных боковых стенах, и, кажется, поставлены они для украшения, хотя назначение их не вызывает сомнений.

У арки главного входа — карабинеры. Отглаженные темно-зеленые кители, черные галстуки, зеркально-черные краги, белые перчатки, белые сорочки, белые ремни. У входа застыли двое с автоматическими карабинами, приставленными к ноге, трое — под аркой.

Лица торжественны и строги. Неприступны и величественны фигуры. Они откровенно подчеркивают свою важную миссию и, кажется, несут на себе всю меру ответственности за спокойствие в этом дворце, в столице, в стране и на всей земле. Пройти мимо арки надо в отдалении от них, молча и тихо. Таково впечатление, так кажется. Но только кажется. По одиночке, группами и целыми толпами люди идут в президентский дворец, шумно беседуя, жестикулируя, смеясь. В большом внутреннем дворе растекаются по разным крыльям здания или, миновав фонтан и вторую арку, где тоже стоят карабинеры, выходят на площадь Бульнес, ибо это самый короткий путь сюда с площади Конституции. /14/

Длинная и крутая лестница, прилегающая к одной из внутренних стен дворца, привела нас в зал не то на втором, не то на третьем этаже, где предстояла первая встреча с президентом. Ни фойе, ни холла, ни коридора. С лестничной площадки — прямо в зал. Но дверей в него из глубин дворца много, больше десяти. Те, кто был сюда приглашен, пришли задолго до срока. Это деятели культуры, писатели, журналисты, служители культов из многих стран. Одни приветствуют коренные социальные преобразования, охватившие Чили, другие осторожно присматриваются и прислушиваются к тому, что происходит, третьи — открытые враги зарождающейся новой жизни.

В креслах, расставленных амфитеатром, пока еще никто не сидит. Но каждый припас себе местечко, положив на кресло пепельницу. Собираются группами, шумно разговаривают, бродят по залу, спорят. Смешиваются английский, чешский, французский, немецкий, итальянский, но слова этих языков заглушаются одним, господствующим повсюду. И не потому, что он энергичен, ярок, выразителен. И не потому, что испанский — это родной язык чилийцев. Просто широко представлены здесь Перу, Эквадор, Аргентина и другие страны Латинской Америки. Для них события в Чили имеют особое значение. Они говорят на одном языке, живут на одном континенте, их истории и судьбы схожи, они закабалены одним и тем же капиталом — США, которого не желают больше терпеть, и после Кубы Чили первая страна в этом районе земного шара, где народ не только объявил свою волю, но и сделал решительный шаг на пути к полному освобождению от иностранной зависимости.

...Время приближается к шести. Все быстро рассаживаются. Только бесцеремонно суетятся, что-то кричат друг другу люди с кинокамерами, фотоаппаратами, магнитофонами, беспорядочно переплетая шнурами проходы между креслами.

Появление Сальвадора Альенде и его министров встречают аплодисментами. Он обходит ряды, знакомясь с присутствующими, и кажется, что с особой теплотой и улыбкой пожимает руки нам, представителям великой и могучей державы, впервые в мире утвердившей свободу на земле. /15/

Президент произносит короткую речь. Объясняет, чем вызвана «Операция правда». Но иностранные представители и сами уже успели кое-что увидеть.

...Одна из полос газеты «Меркурио», вышедшей незадолго до этого дня, была похожа на плакатную рекламу. Всю страницу занимали только четыре строки. Впрочем, такого рода реклама не редкость. Так призывает покупать ботинки небезызвестный Батя, так рекламируется зубная паста, так тратил огромные деньги для привлечения покупателей сбежавший ныне из Чили текстильный магнат Ярур.

На этот раз газетная полоса рекламировала нечто иное. Это был яростный крик, рассчитанный на то, чтобы его слышали все. Это открытый и прямой призыв к сопротивлению правительству Народного единства. «Мы не будем покорными статистами», — провозглашала газета, подбивая на антиправительственные действия. А на другой странице того же номера — новая атака: «Хватит уступок! Чилийской революции — да! Диктатуре коммунистов — нет!»

Единство — главная и решающая сила трудящихся. Только единство левых партий может сохранить и упрочить завоевания народа. В этом содружестве коммунисты являются цементирующей силой. Изолировать коммунистов — значит разбить единство, распылить

революционные силы, разорвать их союз. С таким призывом и выступила на рекламной полосе газеты национальная партия.

Бесстыдное название! Эта партия служит промышленным магнатам, финансовым воротилам США и крупным латифундистам. Их интересы защищает, на их деньги кормится, их реакционное знамя несет. Газета «Меркурио» принадлежит могущественному клану банкиров Эдвардсов. Это их рупор. И они щедро платят.

Эдвардсы знают, что такое пресса. Они знают, какая пресса им нужна. Потому и заняли далеко не последнее место в межамериканской ассоциации печати, где командуют газетные концерны Соединенных Штатов. Именно эти концерны кричат об «угрозе свободе печати в Чили», о «наступлении левых партий на демократические права чилийцев», о «коммунистической опасности», нависшей над Чили.

Так переплетаются действия внутренней и внешней реакции /16/. И там и здесь один почерк, одна цель — скомпрометировать, опорочить движение Народного единства и входящие в него партии.

Западные информационные агентства, финансируемые из тех же источников, разносят по миру ложь чилийской реакции, а такие газеты, как «Меркурио», подхватывают и распространяют любые провокационные измышления своих североамериканских собратьев. Вот история фальшивки под названием «О подрывной деятельности Чили в Латинской Америке».

На закрытом заседании палаты депутатов представитель национальной партии Оскар Шлейер заявил, будто в одном из районов Чили создан партизанский лагерь, готовящий «революционеров» для заброски в латиноамериканские страны. Его собратья по партии — депутаты Монкеберг и Кармино сразу же после закрытого заседания отправились в контору американского информационного агентства Юнайтед Пресс Интернэйшнл, которое и распространило фальшивку. По сотням радиоканалов эта лживая информация понеслась по свету, и прежде всего по странам Латинской Америки.

Одновременно реакционная газета «Пренса» опубликовала «документ, якобы доказывающий, что новые кадры, пришедшие, к управлению национальными предприятиями, установили для себя зарплату, значительно превышающую ставки прежних директоров компаний. Левая печать разоблачила эту ложь, рассчитанную на то, чтобы вызвать недоверие к новому руководству заводами и фирмами, перешедшими под контроль государства.

Страницы правой чилийской печати заполнялись провокационными измышлениями ежедневно. Это и обвинения в нарушении конституции, выдвигаемые против министров народного правительства, и «достоверные сведения» о неминуемой экспроприации всех без исключения крестьянских хозяйств, и смакование трудностей в ликвидации безработицы и решении жилищной проблемы, и крик об ущемлении свободы печати... Ни один шаг, предпринятый новым правительством в интересах народа, не обошелся без того, чтобы его не Полгала, не извратила правая пресса, чтобы она не увидела в нем «нарушения демократии» и «коммунистической опасности». Реакция создает хаос в стране, распространяет ложь о непопулярности новой власти и росте сопротивления политике Народного единства. /17/

В этой кампании тон задают реакционные газеты Соединенных Штатов, такие, как «Нью-Йорк дейли ньюс», которая призывала принять «жесткие меры» против правительства Народного единства, как «Чикаго дейли ньюс», предсказывавшая, будто «национализация медных рудников вызовет кризис», как «Нейшнл обсервер», намекавшая на возможность решить «чилийскую проблему» путем насильственного устранения руководителей Народного единства.

Выступая на пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Чили, Сальвадор Альенде говорил:

«Я располагаю комментариями зарубежной печати и вижу, как с каждым днем усиливаются атаки на то, что делает народное правительство и народ Чили. Несомненно это делается для того, чтобы разжечь античилийскую кампанию. Мы прекрасно знаем это. Мы знаем также, что те, кто потерпел поражение и кто замешан в убийстве командующего чилийской армией генерала Шнейдера, еще продолжают скрытно свою деятельность. Правительство знает это. Оно сохраняет бдительность и опирается на единство народа».

Сальвадор Альенде говорил о том, что правительство Народного единства в полной мере представляет и трезво оценивает огромные трудности, которые предстоит преодолеть. Но оно отчетливо видит успехи своих первых шагов. И желает, чтобы обо всем этом знали чилийцы и весь мир.

Вот почему была объявлена «Операция правда». Всем участникам «Операции» независимо от их политических взглядов и социальной принадлежности была предоставлена возможность посетить любые города и села страны, любые предприятия и сельскохозяйственные имения, встретиться и побеседовать с любым из государственных, политических и общественных деятелей Чили.

«Все, кто приехал в Чили, — сказал Сальвадор Альенде на пресс-конференции, — имеют самую широкую и абсолютную свободу для разговоров, встреч и дискуссий со сторонниками и противниками правительства, с поддерживающей нас печатью и оппозиционной прессой. Никто из вас не будет иметь препятствий и никто из нас не думает их создавать из уважения к вам и к самим себе».

Разговор шел на встрече откровенный и затрагивал самые различные /18/ стороны жизни чилийского народа. Отвечая на вопросы, президент говорил о международных отношениях Чили со странами мира и, в частности, с государствами Латинской Америки, о позиции христианских демократов в Национальном конгрессе и значении состоявшихся муниципальных выборов, о свободе печати и позиции чилийской церкви в эти бурные для страны дни.

Отвечая на вопрос об отношениях с Кубой, президент заявил: «Мы всегда были и будем солидарны с Кубой. Мы будем вместе со всеми народами, которые борются против империалистического засилья, против гнета колониализма и неоколониализма, будем вместе со всеми народами, борющимися за свое достоинство».

— Как представляет Народное единство облик нового человека? Как понять заявления о том, что Чили намерена воспитывать новых людей? Чем же они будут отличаться от обычных? — задает вопрос журналист из Аргентины.

— Мы исходим из того, — отвечает президент, — что природа капитализма античеловечна, что капитализм целиком базируется на эксплуатации человека человеком. Мы уверены, что при капитализме главная ценность — деньги, этот строй сохраняет классовое неравенство, эксплуататоров и эксплуатируемых. Он зиждется на угнетении и подавлении. Мы верим в другие ценности. Под новым человеком мы понимаем продукт нового общества.

Отвечая на вопросы, Сальвадор Альенде рассказал о тяжелом наследии, с которым сталкивается новое правительство, о положении трудящихся и, в частности, о жилищной проблеме. «Когда я был министром в правительстве Педро Агирре Серда в 1939 году, мы организовали первую выставку, посвященную жилищному строительству, — сказал он. — Устроена она была на проспекте Аламеда напротив клуба «Ла Унион», в котором собиралась чилийская олигархия. На этой выставке левые архитекторы и инженеры продемонстрировали, что Чили не хватает 320 тысяч жилищ. Прошел 31 год, и сейчас в Чили не хватает 440 тысяч жилищ. Эта проблема — одна из труднейших, — отметил президент. — Три миллиона чилийцев не имеют воды, три миллиона 700 тысяч лишены канализации. Во многих домах люди живут по шесть-семь человек в комнатухе и по трое спят а кровати. Мы понимаем, что покончить с этим в короткий /19/ срок невозможно, но правительство предпринимает все меры, чтобы эта проблема решалась как можно быстрее».

Так президент изложил собравшимся трудности и проблемы, стоящие перед правительством Народного единства, где объединились социалисты, коммунисты, представители других левых партий и движений, наметивших генеральный план решения стоящих перед страной задач.

На следующий день участники «Операции правда» разъехались по стране.

За месяц пребывания в Чили я тоже повидал многое. Но прежде всего тщательнейшим образом изучил историю Рене Шнейдера, из которой следуют весьма существенные выводы.

КАК СОВЕРШИЛОСЬ УБИЙСТВО

Сначала главнокомандующего сухопутными войсками чилийской армии генерала Рене Шнейдера хотели похитить. Но, должно быть, потом в последнюю минуту решили, что лучше все же убить. Возможно, потому что несколько попыток были неудачными и проваливались, а может быть, версия с похищением вовсе придумана обвиняемыми по этому делу, чтобы смягчить свою вину. Их — человек тридцать, и почти по всем вопросам они дали противоречивые, а порой исключающие друг друга ответы. Но вот насчет способа устранения главнокомандующего будто сговорились. Все утверждают, что ни во время многочисленных подготовительных совещаний, где распределялись роли и разрабатывались планы, ни на репетициях /20/ нападения на генерала ни разу не шла речь об убийстве. Только о похищении. И на вопрос: «Что такое «Операция Альфа?» отвечали единодушно: «Похищение генерала Рене Шнейдера». И почему вдруг в него стреляли, никто понять якобы не может. Но в конце концов не в этом главное.

Как два «пежо» и «додж» прижали к тротуару генеральский «мерседес», как ударил его сзади «джип», как побежали к «мерседесу» люди, на ходу вытаскивая «кольты», я не видел. Но путь от дома № 551 по улице Себастьян Элькано в Сантьяго, где жил генерал и откуда выехал в свой последний рейс, я повторил. И побывал в тех переулках и на тех местах, где стояли машины заговорщиков, ожидая сигнала, где останавливалась полицейская машина, снявшая с постов двух карабинеров, которые, конечно же, могли помешать покушению. И разобрался в том, кто как действовал, кто какие машины вел, когда был получен сигнал о приближении генерала, кто стрелял и что произошло дальше. Поэтому всю историю с убийством мог бы описать подробно. Но поскольку эта история, вернее техника убийства, интересовала главным образом тем, что позволяла отчетливее представить роль различных людей в этом деле, с них я и начну.

Когда стало ясно, кто убил главнокомандующего и для чего это убийство понадобилось, я пошел к председателю Верховного суда Чили сеньору Рамиро Мендесу, чтобы задать вопросы, оставшиеся неясными. Таких вопросов было несколько, о них тоже придется еще говорить, но прежде всего хотелось получить авторитетное разъяснение, почему не судят главных преступников. Ведь от каждого из участников заговора тянутся ниточки, и где-то они переплетаются так, что распутать их трудно, хотя и возможно, а где-то отчетливо видно, в каком месте они берут начало, куда идут и кто именно их так все гремя запутывает.

Председатель Верховного суда Рамиро Мендес — это один из правофланговых чилийской реакции. Беседовали мы два часа, и хотя общего языка не нашли и ясных ответов я не получил, но его взгляд на это дело оказался интересным с точки зрения расстановки политических сил. Значит, и к беседе с Рамиро Мендесом надо будет вернуться. /21/

А пока, чтобы яснее стала вся история, разберемся, кто же такой генерал Шнейдер, кому он мешал и кто его убил. И одни ли и те же это люди, у которых он стоял на пути и кто в него стрелял.

Генерал Рене Шнейдер Черо был человеком образованным и весьма разносторонним. Еще в молодости увлекался историей, изучал искусства и религии. Стремился постичь мир шире, чем он виделся из стен военной академии, где служил, с вышек горного полка или дивизии, которыми командовал. Хорошо разбирался в живописи (сам ею занимался), музыке, литературе, изучал философию. Последняя книга, которую он прочитал, вернее, оставшаяся недочитанной на его столе, была посвящена идеям Маркузе. При всех этих качествах он прежде всего был солдатом. Да и внешне походил на солдата. Коренастый, сильный, с большими солдатскими руками.

Рене Шнейдер не был сторонником левого демократического движения, хотя весь ход событий в Чили неумолимо приблизил его к идеям этого движения. Тем более не был он на стороне правых. Он любил армию и, искренне заблуждаясь, считал ее орудием надклассовым. Роль армии, заявил он, — «защита от внешней агрессии и обеспечение внутренней безопасности и порядка, узаконенного конституцией». Он защищал ту конституцию, которая существовала. И своей доктрине был верен до конца дней. Генерал Шнейдер защищал это порождение национальной буржуазии и капитала США с удивительной настойчивостью и мужеством. Может быть, в силу того что был солдатом и точно соблюдал закон, а возможно... возможно, далеко смотрел генерал и увидел новую ситуацию, созданную демократическими силами, при которой оружие буржуазии может быть направлено против нее. Теперь уже никогда не добиться ясности в этом вопросе.

Впрочем, не станем навязывать никаких точек зрения. Пусть каждый сам разберется в фактах и сделает свои выводы.

На пост главнокомандующего армией Рене Шнейдер был назначен неожиданно, при обстоятельствах чрезвычайных. В мае 1968 г. среди офицеров вооруженных сил началось брожение. Раздавались голоса с том, что правительство Фрея не заботится о своей армии, что офицеры живут в трудных материальных условиях и что дальше так продолжаться не может. /22/

Президент Фрей встревожился. Был смещен министр обороны. Офицерам обещали рассмотреть и решить их проблемы в самом недалеком будущем. И волнения улеглись. Так казалось. Однако никаких изменений в армии не произошло, недовольство вновь стало нарастать, пока не кончилось взрывом.

21 октября 1969 г. генерал Роберто Вио Марамбио, один из организаторов волнений, уволенный за это в отставку, поднял восстание в полку «Такна», находившемся в Сантьяго. Это было сигналом для полка «Юунге» в Сан-Филипе, где тоже поднялся мятеж. Создалась угроза военного переворота. (Кстати, военные перевороты в странах Латинской Америки не такая уж редкость, и они имеют давние традиции. Скажем, в Боливии за последние сто лет было около ста двадцати переворотов.)

Вот в такой критический момент, 24 октября 1969 г., Рене Шнейдер и был назначен главнокомандующим армией. Но это лишь одна сторона дола и при этом — не главная. К тому моменту в Чили происходили куда более глубинные процессы, встревожившие все политические силы. Это был период, когда окончательно сформировался мощный блок левых демократических партий. И не трудно было видеть, что на предстоявших президентских выборах он явится весьма опасным конкурентом для реакции, рвавшейся к власти. Власть она ощущала почти реально, ибо за годы правления христиано-демократов во главе с Фреем его правительство в достаточной мере скомпрометировало себя громкими декларациями, оставшимися на бумаге и в эфире. Поэтому в лице христиано-демократов крайне правые не видели серьезного конкурента. Многочисленные разрозненные левые силы и их партии тоже не представляли опасности, пока каждая из них выставляла своего кандидата. А поначалу так и было: в первый период подготовки к выборам каждая из пяти демократических партий выставила своего кандидата. Но впоследствии левые силы объединились в единый блок и вместо пяти кандидатов выставили одного — Сальвадора Альенде. Так вот, единый блок всех демократических сил и общий кандидат — это уже весьма и весьма серьезно и до крайности опасно. Поэтому реакции было выгодно поддержать военный переворот, который опять-таки поставил бы ее у кормила. /23/

Создавшаяся ситуация была ясна и демократическим силам и они подняли трудящихся на подавление военного мятежа. Коммунистическая партия Чили разоблачала связи генерала Роберто Вио с реакционной национальной партией, разъясняла, что военный мятеж это не конфликт между Фреем и армией, а угроза редине, попытка преградить путь народу к власти. Единый профсоюзный центр (КУТ) призвал население не поддерживать заговорщиков, разъясняя, что они действуют в интересах реакции. Все демократические партии и организации вступили в борьбу против заговора Вио. Начались массовые демонстрации и забастовки протеста против мятежа.

Этому натиску реакция нашла что противопоставить. Немало честных людей были сбиты с толку ее демагогическим лозунгом: «Бороться против генерала Вио — значит защищать правительство Фрея». Генерал Вио через реакционную печать кричал о том, что восстание носит локальный характер и восставшие остаются верны президенту и конституции, что военные никогда не пойдут против профсоюзов. Нам нет дела до борьбы правых и левых, которые представляют лишь отдельные категории населения, говорил Вио, Мы — армия, представляющая весь народ, и за его интересы боремся.

Рупор реакции — широко распространенная газета «Меркурио» и другие ее органы настойчиво подменяли слова «бунт», «мятеж» словом «забастовка».

Коммунистическая и социалистическая партии, все силы Народного единства не уставая разоблачали лживость враждебной пропаганды. В своем интервью по радио генеральный секретарь ЦК Компартии Луис Корвалан вскрыл все корни антинародного мятежа.

Это был острейший момент борьбы объединенных демократических сил против наступления и маневров реакции. В этой борьбе победил блок Народного единства, профсоюзы, все трудящиеся. Восставшие полки сдались на милость правительству, а организаторы мятежа во главе с генералом Вио были отданы под суд.

Поскольку на этом деятельность Роберто Вио не заканчивается, а в последующих событиях он будет играть решающую роль, видимо, следует представить его. /24/

Генерал Роберто Вио, сын генерала Аброси Вио, мечтал не только о большой военной карьере. Властолюбивый, злой, мятущийся, слабохарактерный, он не мог скрыть, что в мечтах своих уходил далеко за пределы военных полигонов. Этому способствовало и то обстоятельство, что он довольно успешно продвигался по служебной лестнице. С должности командира полка президент Фрей назначает его на пост губернатора департамента Лао. Вио получает возможность установить тесные контакты с американскими хозяевами «Чили эксплорейшн компани». (Не с их ли помощью были получены генералом крупные суммы накануне восстания в «Такна», о чем сообщала чилийская печать.) Затем новое назначение — военный советник в Колумбии. В 1969 г. его производят в генералы, и он становится командиром дивизии в Антофагасте — важном экономическом и стратегическом районе страны. Здесь и начал он будоражить офицерство и, получив отставку, отправился в Сантьяго, где и поднял бунт в полку «Такна».

Далее происходят вещи более чем странные, в обычные понятия не укладывающиеся. Мятежный генерал, которого должны судить, становится одной из популярнейших фигур в стране. Он дает интервью, выступает с призывами, его портреты воспроизводятся в реакционной печати. А после того как блок Народного единства выставил кандидатуру Альенде, генерал Вио на многочисленном митинге совсем недвусмысленно намекает на то, что он готов стать президентом и «послужить родине». И не постеснялся при этом сообщить, как собирается править страной. «Я думаю,— сказал он,— что вновь будет утверждено Право Силы».

Конечно, и американские, и чилийские владельцы медных рудников, селитры, заводов понимали, что этот недалекий и надутый чувством собственного величия генерал — фигура весьма неимпозантная и никаких шансов на успех не имеющая. Зато на любую провокацию, какой бы подлости она ни требовала, пойдет по первой указке. А положение реакционных сил складывалось так, что выбирать не приходилось. Они готовы были идти на самые крайние меры, только бы предотвратить катастрофу, которая станет для них неотвратимой, если к власти придет Народное единство.

Именно катастрофа. Вдумайтесь! Буржуазные конституции /25/ обычно провозглашают равные права для всех слоев общества, всех политических течений, для магната и рабочего. Так выглядит их показная конституция. Но в чистом виде она бывает только на политической рекламе. Пути народа к реализации предоставленных ему прав ограждены непреодолимыми кордонами. И вот впервые в истории мира левые демократические силы зависимой от американского империализма страны создали условия, чтобы, не нарушая конституции, взорвать эти кордоны и строго на ее основе, пользуясь ею как незыблемым законом, созданным национальной буржуазией и ее зарубежными партнерами для защиты своих интересов, вырвать у нее власть и освободиться от иностранного гнета.

Это нечто невиданное и неслыханное оглушило реакцию, напугало умеренно правых и многих центристов, привело в смятение одураченных жупелом коммунизма. Все они еще не верили в нависшую угрозу, еще как-то надеялись, что не может же это случиться на самом деле, и вот-вот развеется наваждение, когда грянуло четвертое сентября. В мировой эфир понеслись слова «На выборах победил Альенде».

Эти слова объединили все антинародные слои общества в мощный кулак. Начался крестовый поход объединенных сил внутренней и внешней реакции, началось массированное наступление на все жизненные центры народного блока под девизом: «Не допустить Альенде к власти».

Но позвольте! Ведь голосование закончено, ведь он получил уже больше голосов, чем кандидат правых Хорхе Алессандри, чем представитель христиано-демократов Радомир Томич. А других конкурентов не было.

Все это верно. И тем не менее у реакции оставалось много возможностей продолжать борьбу за президентское кресло. Дело в том, что абсолютного большинства, то есть больше половины голосов избирателей, не получил ни один кандидат. По конституции в таких случаях окончательное решение — кому быть президентом — выносит сессия Национального конгресса (парламент).

Практически у парламента не было иного выхода, как утвердить кандидата, набравшего наибольшее количество голосов. В истории Чили не было случая, чтобы парламент поступил бы иначе. Любое /26/ решение не в пользу Альенде при данных обстоятельствах объяснению не поддавалось бы. Однако за этот сомнительный стерильности шанс уцепились.

До заседания Национального конгресса, где должен был окончательно решиться вопрос, оставалось семь недель. Этого времени, как полагала реакция, вполне достаточно для того, чтобы реализовать план, состоявший из двух разделов. Первый — найти хоть какую-нибудь возможность, хоть какой-нибудь повод, чтобы дать отвод Сальвадору Альенде. И второй — если даже такой повод и найдется, но не будет гарантии, что это принесет победу,— совершить военный переворот до заседания конгресса.

Первый вариант, как весьма ненадежный, был вскоре отвергнут. Остался второй. Единственный и последний шанс. И вот тут-то фигура мятежного генерала Роберто Вио Марамбио выплыла на первый план. Для реакции это была удивительно подходящая кандидатура. Во-первых, с его помощью можно будет совершить переворот, и, во-вторых, он удовлетворится местом в правительстве, а в президентское кресло сядет более подходящий представитель капитала. Главной преградой на пути к цели был Рене Шнейдер, который и в создавшейся сложнейшей обстановке подтвердил свою доктрину и заявил, что армия будет твердо стоять на защите конституции, обеспечит законное проведение Национального конгресса, который и решит, кому быть президентом.

Это был патриотический шаг, требовавший от генерала большого мужества и личной храбрости, ибо он отчетливо видел обстановку в стране, в полной мере понимал, против каких вероломных и жестоких сил поднялся. Позицию Шнейдера разделяли генерал Карлос Пратс и некоторые другие военачальники. Военный переворот при таких условиях затруднялся чрезвычайно. Но слишком велики были силы, готовившие его. Ловкий политический трюк реакции дал возможность доживающему последние дни в президентском дворце Эдуардо Фрею сместить командующего военно-морским флотом. Вместо него Фрей назначил одного из реакционнейших представителей вооруженных сил, участника заговора адмирала Уго Тирадо Барроса.

На пути к осуществлению заговора оставалась главная сила — /27/ Рене Шнейдер. Попытки подобным же образом убрать и его окончились провалом. Тогда и приступили к «Операции «Альфа». Первый ее этап — шантажировать, запугать непокорного, создать ему невыносимые условия и заставить добровольно уйти со сцены. И невыносимое началось. В его квартире непрестанно звонили телефоны, грозные голоса угрожали расправой. Вокруг его дома бродили подозрительные, которые исчезали в темноте, как только появлялись карабинеры охраны. Жену генерала осаждали какие-то женщины, умолявшие повлиять на мужа. Приходили латифундисты, промышленники, уговаривали командующего не допустить к власти «марксистские» силы. Шли анонимные и не анонимные письма с угрозами и оскорблениями. Раздавались звонки с требованием ответить, где в данный момент находится генерал. Ни минуты покоя, ни днем, ни ночью.

Бурлил Сантьяго-де-Чили. Гремели плакаты: «Не спи, чилиец,— на пороге русские». Надрывались репродукторы: «Остановить нашествие коммунистов». Тянулись очереди оформлявших свое бегство за границу. На площадях, в зданиях рвались бомбы. Началась финансовая паника. Саботаж на медных рудниках. Захлебывалась «Меркурио»: «Нация накануне гибели». Трагические фигуры женщин в черном, точно траурные процессии, опоясывали президентский дворец «Ла Монеда».

Хаоса и паники в стране добивалась реакция, как верных союзников и оправдания военного переворота. И первый шаг на пути к нему — ликвидация Рене Шнейдера.

Роберто Вио Марамбио лихорадочно готовил главный удар. В сговор с ним вступили начальник гарнизона Сантьяго генерал Камилио Валенсуэла, начальник корпуса карабинеров генерал Висенте Уэрта Селис, знали о заговоре президент Фрей и даже министр внутренних дел, именно тот человек, чей пост и долг повелевали ему бороться против любых беспорядков и заговоров.

Заранее были распределены будущие портфели, заранее знали участники заговора, кто какие места займет после переворота в правительстве, в государственном и военном аппаратах. А ненавистный им генерал Рене Шнейдер, словно отвечая заговорщикам, не уставая повторял свою доктрину о том, что армия не даст нарушить /28/ конституцию. С подобными заявлениями он выступал в печати, на официальных встречах и приемах, перед офицерами, среди друзей и знакомых. И не только выступал. В кругах высшего командования как в Сантьяго, так и в других городах он нашел надежную опору. Он окружил себя верными долгу людьми, цементировал армию, объезжая войска, призывал верно служить родине.

Деятельность Рене Шнейдера подстегивала мятежного Вио к тому, чтобы быстрее убрать главнокомандующего. К этому делу он привлек около тридцати человек, главным образом молодежь из зажиточных и аристократических семей. Впрочем, весьма разношерстной была эта группа — от профессионального уголовника Мельгосы, недавно вышедшего из тюрьмы, до сенатора Рауля Моралеса. Заговорщики имели в своем распоряжении более десяти автомобилей, автоматические револьверы, карабины, гранаты, взрывчатку, бомбы, баллоны с одурманивающими и слезоточивыми газами, противогазовые маски, холодное оружие.

Все участники были разбиты на группы, каждая из которых выполняла строго определенные функции с точным распределением обязанностей внутри групп.

Наиболее деятельным участником заговора был адвокат Гильермо Карей — сын адвоката, обслуживавшего высшие слои аристократического общества, — связанный с американским капиталом через меднорудную компанию «Анаконда». Этот тридцатилетний, весьма пробивной адвокат состоял в личной дружбе со многими влиятельными лицами, в том числе с президентом Эдуардом Фреем. Политические контакты заговорщиков с главарями внутренней и внешней реакции и легли, кроме Вио, на Гильермо Карей, впоследствии сумевшего удрать к своим покровителям в Штаты.

«Группу террористов», которая сеяла панику среди населения, взрывая бомбы в разных районах города, возглавил отпрыск весьма зажиточных родителей Энрике Арансибиа. На «группу снабжения» возлагалось обеспечение заговорщиков оружием и автотранспортом. Переправкой оружия из-за границы занимались Гильермо Карей и сенатор Рауль Моралес. Задача «особой группы», как показали на следствии ее участники, — похищение Рене Шнейдера, а в действительности — убийство его, ибо и сам факт убийства, и показания /29/ шофера командующего, и все материалы дела — это неопровержимое доказательство того, что даже попытки к похищению не было.

В «особую группу» входили уже названный выше уголовник Мельгоса, выходцы из семей крупной аристократии Аллан Лесли Коопер и братья Искиедро — Диего и Хулио, являвшиеся студентами католического университета, активный сотрудник ультраправой газеты «Тисониа» Андрее Годфрей Видой, коммерсант Сильва Доносо и другие. Участникам этой группы были присвоены клички, и далеко не все знали друг друга по имени.

Было проведено несколько репетиций покушения на командующего. Для этого одну из машин, на которой условно считалось находится генерал Шнейдер, пускали по тому же маршруту, по которому обычно следует генерал. Последняя «генеральная» репетиция вполне удовлетворила Роберто Вио. Она проводилась глубокой ночью в районе Лос-Доминикос под командованием молодого фанатика из реакционного Алессандрийского легиона Луиса Гальярдо. Предоставленный отставным генералом Эктором Мартинесом Амаро «оппель», управляемый опытным водителем, мчался по городу, имея задание без остановок проехать до определенного пункта. С разных мест в погоню за ним пошли десять машин. «Оппель» был прижат к тротуару задолго до того, как достиг цели.

Настала пора действовать. Нападение на генерала назначили на 19 октября, в день годовщины мятежа в полку «Такна». Однако не это обстоятельство определило дату покушения. Просто случай представился в высшей степени подходящий, и Роберто Вио не упустил его. Дело в том, что 24 октября исполнился год, как Рене Шнейдер занял пост главнокомандующего. По традиции, в этот день генералитет решил устроить ужин. Рене Шнейдер не мог отказаться от этой встречи, хотя решительно воспротивился против двадцать четвертого, ибо именно в этот день предстояла сессия Национального конгресса, где окончательно утверждалась кандидатура президента. Генералы решили собраться девятнадцатого.

Это был довольно интимный ужин, где присутствовали только узкий круг генералов и их жены, но затянулся он до двух ночи. О вечере никто, кроме его участников, не знал. Однако о давней традиции знал Вио. И знал дату встречи... /30/

...Семь машин заговорщиков находились в различных местах в; засаде. Как только появится «мерседес» Шнейдера, одна из них должна была фарами дать сигнал остальным. Все было рассчитано. Другой дороги у генерала не было. Он проедет только здесь.

В два тридцать на почти пустынной улице показался автомобиль. На семи машинах включили стартеры. Но сигнала не последовало, хотя он проехал мимо «сторожевой» машины. И, действительно, то был не генеральский «мерседес», а «оппель». А то, что именно в нем сидел Рене Шнейдер, спохватились слишком поздно.

На этот раз генерал избежал покушения только благодаря чистой случайности. Все сводилось к тому, что незадолго до ужина: Шнейдер дал свой «мерседес» сыну для какой-то поездки, а тот задержался. И генерал сам сел за руль собственного «оппеля».

Роберто Вио был взбешен не только провалом, но главным образом тем, что до сессии Национального конгресса оставалось всего трое суток. Если к этому времени не убрать Шнейдера, рухнет все, что столько времени готовилось. И он ни минуты не дает передышки своим подручным. К исходу ночи, вернее к шести утра, направляет в район, где жил главнокомандующий, девять машин с тем, чтобы заговорщики проникли в особняк генерала.

План этот, конечно, был сумасбродным и абсолютно нереальным. Дом охранялся карабинерами, имел надежную связь со штабом армии, за стенами ограды была собака. Даже не совершив попытки проникнуть за ограду, заговорщики вернулись ни с чем.

Поскольку медлить Вио не мог и рассчитывая на безнаказанность, он предпринимает новую весьма рискованную попытку. К пяти часам вечера в тот же день машины террористов сосредотачиваются на площади Бульнес, где находится министерство обороны. Идет зоркое наблюдение за главным входом. Нельзя повторить ошибки, какая произошла из-за «оппеля». Надо точно проследить, на какой машине поедет главнокомандующий.

И они выследили. В семь часов к подъезду министерства подкатил «мерседес», и тут же вышел Рене Шнейдер. Машины заговорщиков тронулись одновременно с его автомобилем. В этот час «пик» центральные улицы забиты транспортом. Все движется очень медленно, подолгу задерживаясь у перекрестков. Однако генеральский /31/ «мерседес» идет на большой скорости, обходя весь транспорт по осевой. Регулировщики беспрепятственно пропускают его под красный свет. И преследователи, лишённые такой возможности, вскоре теряют его из виду.

Во всей этой истории в голове не укладывается многое. Но особенно одно обстоятельство. О том, что плетется заговор, как уже говорилось, знали многие. Одни молчали, ибо являлись его вдохновителями или имели к нему прямое отношение. Другие внутренне поддерживали его, делая вид, будто ничего не знают, хотя по зову долга обязаны были вмешаться. Ведь бесчисленные репетиции, сборища большого количества заговорщиков, добыча оружия, транспорта, вся эта возня и шумиха, которую они даже не пытались скрывать, не могли не обратить на себя внимания блюстителей порядка. Да и разговоров об этом в правительственных кругах было немало. Но президент Фрей и министр внутренних дел никаких шагов против заговора не предпринимали.

Вся обстановка была ясна и Рене Шнейдеру, Но он не оценил в должной степени ни меры подлости Роберто Вио Марамбио, ни того обстоятельства, что мятежному отставному генералу предоставлены огромные возможности. Конечно, Шнейдер не знал о неудавшихся ка него покушениях, но бесспорно предвидел их. Убедительным доказательством служит тот факт, что он

рекомендовал своим помощникам ежедневно менять маршруты следования на службу и домой. Его информация президенту Фрею и министру внутренних дел о шантаже и угрозах, о готовящемся заговоре не побудила их к мерам по охране жизни главнокомандующего. Сам же он ограничился тем, что стал постоянно носить с собой пистолет. К сожалению, этого было слишком мало.

22 октября рано утром Рене Шнейдер выехал на службу и, точно предчувствуя роковую минуту, положил рядом портфель с пистолетом. На одной из улиц «додж» заговорщиков ринулся в бок генеральскому «мерседесу», и шофер рванул руль к тротуару, едва увернувшись от удара. Но тут же перед самым его радиатором неожиданно и резко затормозили два «пежо», а сзади налетел на него и стукнул «джип». Вываться из этого кольца было невозможно. Генерал выхватил револьвер, но Сильва Доносо уже успел разбить /32/ молотком стекла, а Коопер, Мельгоса и другие – разрядить в него автоматы и пистолеты.

Так свершилось убийство. Оно всколыхнуло всю страну. Восприняли его по-разному. Кое-кто из высших чинов, кому и надлежало в этот момент свершить переворот, пришли в замешательство, ибо они все-таки ожидали похищения главнокомандующего, а не убийства, поднявшего на ноги страну. Именно вот это последнее обстоятельство — страх за собственную шкуру — и остановило тех, кто готовил уже для себя большие портфели. А бояться было чего. Во-первых, весьма решительную позицию заняли такие люди, как ближайший помощник Рене Шнейдера генерал Карлос Пратс. Было заявлено, что «доктрина Шнейдера» остается в силе, гарантируется нормальное проведение сессии Национального конгресса, где должен быть утвержден президент. В эти напряженнейшие минуты жизни Чили трудящиеся в полной мере восприняли широкие разъяснения всех демократических партий и профсоюзного центра о подлинных целях убийства главнокомандующего. Всеобщая двухчасовая национальная забастовка против действий заговорщиков и мягкотелости к ним правительства явилась внушительным предупреждением реакции о том, что захватить власть ей не дадут.

В стране было объявлено чрезвычайное положение. Движение людей и всех видов транспорта тщательно контролировалось, а в ночное время запрещалось.

До заседания парламента оставался один день. Большинство в парламенте принадлежало группе партий, не входящих в Народное единство. По предварительному сговору все они, попирая извечные традиции, должны были проголосовать не за кандидата, набравшего наибольшее количество голосов, а за представителя правых Хорхе Алессандри (идущего по списку вторым) под тем предлогом, будто победа на выборах Альенде вызвала в стране панику и террор.

Однако реакция видела, как поднялся против нее народ в связи с убийством Шнейдера. И поняла, что это значит. Она не могла не видеть, что при создавшейся обстановке любой ее трюк, направленный против Народного единства, неизбежно вызовет взрыв, который может смести ее с лица чилийской земли. /33/

Что касается империализма, отмечал Луис Корвалан, прежде всего американского, то ему, разумеется, претит то, что происходит в нашей стране. Победа, одержанная чилийским народом, застряла в горле американского империализма, как кость, которую он не может проглотить. Дело в том, подчеркивал генеральный секретарь Чилийской компартии, что представители Народного единства пришли к власти, если так можно выразиться, на законном основании, то есть путем демократических выборов. Конечно, сам этот факт не остановил бы империалистов, но они боятся реакции общественности, прежде всего международной, на такое поправление ими же восхваляемой буржуазной демократии. Кроме того, победа Народного единства была достигнута в момент, когда в Латинской Америке происходил новый подъем революционной борьбы. В подобных условиях, указывал Луис Корвалан, непросто открыто выступить против нашей страны. Такой шаг создал бы угрозу подрыва позиций империализма в других странах, кто знает, во скольких. На такой риск международный империализм идти не мог. В такой обстановке чилийской реакции оставалось спасти хотя бы мощную оппозицию в парламенте, сохранить там реакционных и правых депутатов, которые в дальнейшем не дали бы возможности новому правительству провести ни одного мероприятия, начиная с национализации медных рудников. И Хорхе Алессандри призвал

своих единомышленников в парламенте не голосовать за него, а руководство христианских демократов повелело своим представителям отдать голоса Сальвадору Альенде.

Власти действовали решительно. Были арестованы почти все участники заговора. Высшие судебные органы с той же оперативностью и энергией мешали установлению истины. Апелляционный суд, не имея на то никаких оснований, повелел освободить нескольких обвиняемых, и они тут же сбежали за пределы страны. Верховный суд запретил привлечь к ответственности некое высокопоставленное лицо, хотя его участие в заговоре сомнений не вызывало.

Почему? С этим вопросом мне и хотелось обратиться к председателю Верховного суда сеньору Рамиро Мендесу. /34/

В ВЕРХОВНОМ СУДЕ

Вблизи гостиницы «Карера», где остановилось большинство участников «Операции правда», находился Центр «Операции», наделенный большими полномочиями. По его планам министерства, ведомства, предприятия знакомили приехавших с жизнью Чили. Нам было предложено несколько программ и маршрутов поездок по стране, было предусмотрено много пресс-конференций и встреч с государственными деятелями и официальными лицами. В полном соответствии с заявлением президента, из намеченных мероприятий каждый сам выбирал наиболее подходящие для себя. Если же вопросы, интересовавшие того или иного участника «Операции», выходили за пределы программ Центра, они разрешались в индивидуальном порядке.

Таким образом, обеспечивались возможности самого полного и широкого ознакомления со всеми областями жизни страны. Предложенные программы были обширными, охватывали политическую, экономическую и культурную сферы, но, естественно, заранее предусмотреть абсолютно все запросы участников «Операции» не могли. В частности, не намечалось встречи с председателем Верховного суда. А мне, повторяю, хотелось поговорить с ним, выяснить некоторые обстоятельства, связанные с убийством генерала Рене Шнейдера. Хотелось также поговорить с кардиналом, узнать, как относится церковь к мероприятиям нового правительства.

Дело в том, что церковь владела земельными угодьями в десятки и десятки тысяч гектаров, А такие огромные угодья, согласно аграрной реформе, подлежали национализации. Кроме того, хотелось /35/ побывать на медном руднике «Теньенте», посещение которого, как и встреча с кардиналом, программой не предусматривалось.

Почему именно медный рудник? Медь – основа экономики Чили. «Теньенте» — это целый комплекс, удельный вес которого в общей добыче чилийской меди довольно высок.

В Центре «Операции правда» обещали выполнить мои просьбы. Однако опасения у меня вызывала возможность встречи с Рамиро Мендесом. Дело в том, что он был ярким сторонником реакции, откровенно поддерживал ее провокационные действия и, как я думал, мог не согласиться на беседу с советским представителем. Опасения оказались напрасными. Видимо, Мендес не мог демонстративно проявить свое враждебное отношение к совершению объективной акции правительства, какой и являлась «Операция правда». На телефонный звонок из Центра ответил, что готов к беседе в любое время.

Серая громада здания суда, почерневшего от времени, производила странное впечатление. Будто исполинский склеп: красиво и гнетуще. Тяжелые высоченные колонны, тяжелые кованые медью врата высотой в два этажа вместо обычных дверей, а высоко-высоко под самой крышей гигантскими буквами, не то высеченными из камня, не то выложенными камнем, слова: «Суд справедливости». Близ входа — изваяние Фемиды и отлитое в бронзе грозное «Lex» — закон. Это же слово метровыми буквами из травы выложено внизу. И еще в нескольких местах внутри здания — тот же «Lex». Довольно настойчиво убеждают вас в том, что все здесь подчинено закону.

Длинные галереи направо и налево от входа, образованные железной колоннадой, тускло освещены застекленным куполом, железные переплеты которого держатся тоже на десятках металлических колонн. Широкие, словно предназначенные для массивных шествий ступени ведут на второй и третий этажи. Черные колонны, черные переплеты, могучие стены высотой во все здание, тяжелые, глухие, незыблемые. Возможно, так и должен выглядеть суд. Что-то

неприступное, неумолимое, вечное. А может быть, это впечатление создавалось или, по меньшей мере, усиливалось той правдой, которая уже была мне известна. /36/

Дело в том, что все до единого преобразования в стране, все мероприятия — от аграрной реформы до национализации меднорудной промышленности — правительство Народного единства проводит только на конституционной основе, только в соответствии с существующими законами. И в бессилии реакция стремится изолгать эти действия правительства, представить их так, будто совершается нарушение законов. А в глухом здании суда человек, к которому я шел, и являлся одним из представителей чилийской реакции. Может быть, сознание этого и вызывало определенные эмоции.

В его приемной, как в картинной галерее, стены увешаны огромными портретами, написанными маслом. И под каждым — фамилия и две даты — рождения и смерти. Это предшественники сеньора Рамиро Мендеса за последние столетия. И каждый из них провел в этом здании долгие годы.

Рамиро Мендесу без малого семьдесят. Поначалу он показался подтянутым и бодрым. Но очень скоро я увидел, что передо мной суевающийся, полный неожиданных эмоций старичок, то и дело повторяющий только что уже сказанное им. Он курил, вернее, посасывал погасшую сигару, ежеминутно откладывая ее и как только снова брал, спрашивал: «Не хотите ли сигару?». Не дав ответить, спохватываясь: «Ах, да, не хотите» и, теряя мысль, нетерпеливо щупал пальцами воздух, точно пытаясь извлечь ее оттуда.

Ему хорошо в своем огромном кабинете, еще более тяжелом, чем все в этом здании, и не только из-за мебели, которую не сдвинуть с места, но и от толстенных сводов законов, какими уставлены стены. Мендесу уютно здесь, ибо кабинет этот предоставлен ему на всю жизнь и практически нет силы, которая могла бы его сместить. Так думает Мендес.

— И знаете, хи-хи-хи,— тоненько, совсем по-детски смеется он,— в учреждениях люди стремятся поскорее на пенсию (конечно, если у них есть деньги), а у нас, ну, решительно никто. Вот члену Верховного суда Армандо Сильва семьдесят четыре. Но дело даже не в годах. На заседаниях он дремлет, а на пенсию не идет... Хи-хи-хи...— И он хлопает ладошками по коленкам.

— До какого же возраста служат члены Верховного суда? /37/

— Станный вопрос,— удивился Мендес.— Вам, видимо, непонятна вся наша независимая демократическая система. В стране три самостоятельных, независимых друг от друга взаимоконтролируемых начала: парламент, президент и Верховный суд. На этих трех китах держится государство. Суд — это пирамида. Целая система судов, охватывающая все области жизни народа. На самой вершине — Верховный суд, состоящий из тринадцати человек и возглавляемый председателем, в данном случае — мною.

При этих словах Мендес улыбается радостно, искренне, непосредственно, как ребенок, получивший красивую заводную игрушку, которую может пускать, куда ему вздумается.

Все судьи, объяснил Мендес, во-первых, не избираются, а назначаются, а во-вторых,— на всю жизнь, то есть согласно закону «до тех пор, пока хватает сил».

Когда иссякают силы, определяет только сам член Верховного суда, но что-то Мендес не мог припомнить случая, чтобы кто-нибудь из его коллег заявил об этом.

Новых членов Верховного суда формально назначает президент, фактически же сам суд, ибо президент не волен предложить свою кандидатуру. Он может лишь выбрать из числа рекомендуемых судом.

Эта «независимая демократическая» система была мне действительно непонятна. Я сказал: «Тринадцать членов Верховного суда остаются на своих постах десятилетиями. За такое время кто-либо из них может отстать от требований жизни, потерять объективность, наконец, не оправдать доверия, да мало ли что может случиться. Как же назначать на всю жизнь!»

Пока я говорил, Мендес все более радостно улыбался. И лицо его выражало: «Боже мой, какие наивные еще есть люди».

— Все предусмотрено! — победно сказал он. Оказывается парламент вправе отозвать судью, «не выполняющего своего долга». Но это теоретически. Практически же отзыв невозможен. Не только из-за сложнейших и длительных процедур, какими должна сопровождаться подобная акция,

но главным образом потому, что члены Верховного суда подбираются из могущественной касты, /38/ верно служащей капиталу. Потому никогда и не возникал вопрос об отзыве судей с любой ступени пирамиды.

А формально демократия соблюдается. Существует даже квалификационная комиссия, ежегодно определяющая служебное соответствие судей.

— А кто назначает комиссию? Из кого она формируется?

— Кто же компетентен судить о члене Верховного суда? — снова удивился Мендес моему вопросу. — Только Верховный суд. Он и назначает из своей среды комиссию.

А я и в самом деле не мог понять, как это люди сами себя назначают и сами себя проверяют. Потому так убедительно звучали для меня слова Луиса Корвалана, который сказал: «Мы предлагаем также существенное изменение в системе судебных органов. В настоящее время действует реакционная система самоназначения судей — членов Верховного суда. Ее следует заменить выбором этих судей единой палатой Национального конгресса... Мы за государство, основанное на праве, на законах, на более демократических законах, чем те, которые действуют сейчас в нашей стране».

Мендес еще долго и с упоением говорил о «пирамиде», на вершине которой сидел, и я начал постепенно переходить к делу, по которому пришел.

В одной из провинций произошли волнения на землях латифундистов. Были они результатом и загибов сверхлевацких элементов, и искренних заблуждений одних, поддавшихся провокационным лозунгам, и правильных действий вторых, вызванных обстановкой. Но так или иначе, во время этих событий погибли люди от рук латифундистов. Виновники убийств были арестованы. Однако по указанию Верховного суда их немедленно освободили. Так вот, не может ли сеньор председатель разъяснить, какими мотивами он при этом руководствовался.

— Вот видите! — торжествующе сказал Мендес — Вы живете эмоциями, а я — законом. Поинтересовались ли вы, где именно были убиты люди?.. Вот видите! — повторил он так, будто уличил меня в преступлении. — А ведь хозяева латифундий стреляли в крестьян на своей собственной земле, — поднял он вверх ладонь.

— Значит, латифундист может стрелять в человека, если увидит /39/ его на своей земле, скажем, площадью в сто тысяч гектаров?

— А как же! — поразился Мендес — Собственность неприкосновенна и охраняется законом.

Вот так сеньор Рамиро Мендес толкует закон. Что-либо доказывать ему было бесполезно, и я перешел к делу генерала Шнейдера. Почему Верховный суд запретил не только судить, но и допрашивать одного из сенаторов, который участвовал в заговоре и обеспечивал доставку оружия из-за границы?

— Конечно, убийство Рене Шнейдера глупое, жестокое преступление. Но судить за это сенатора противозаконно, хотя к такому выводу Верховный суд пришел не единодушно.

И дальше шли длинные и путанные объяснения, а которых ясна была лишь их реакционная сущность: то, что одни считают заговором, другие — прогрессивным движением. И судить за это нельзя. Выходит, можно убивать, бросать бомбы, совершать поджоги, только бы своевременно прикрыться ширмой прогресса.

Как ни старался Мендес опираться на закон, он не мог скрыть, что верно стоит на защите интересов реакционных сил. Это бесспорно являлось стимулом для их дальнейших вылазок. Потому и свершались все новые провокации и покушения на государственных и общественных деятелей, что заговорщики были уверены в безнаказанности, в том, что высший судебный орган, как и его глава, на их стороне. /40/

В ЧРЕВЕ МЕДНОЙ ГОРЫ

Трудности появились там, где я их не ждал. В Центре «Операции правда» объяснили, что по техническим причинам поездка на медный рудник «Теньенте» откладывается на день-два. Потом снова откладывалась. Сообщая об этом, сотрудник Центра чувствовал себя неловко. Казалось, и

сам он не очень верит в «технические причины». Но именно такую причину выставляли ему в управлении внешних сношений «Теньенте», находящемся в Сантьяго.

Это управление обязано было незамедлительно выполнить просьбу Центра, наделенного, как уже говорилось, большими полномочиями. Тем более, что ссылка на технические причины выглядела несостоятельной. В самом деле, меднорудный комплекс «Теньенте» действовал на полную мощность, каждый день на работу выходили тысячи людей, почему же нельзя побывать там еще одному человеку, если производство не секретное? Мне особенно хотелось побывать в шахтерском поселке, расположенном у шахты, где проживало двенадцать тысяч человек. Но поездка и туда лимитировалась техническими причинами.

Чилийские друзья объяснили мне создавшуюся ситуацию.

В Кордильерах, внутри исполинской каменной горы на высоте около трех тысяч метров находится самый большой в мире медный рудник под землей. А снаружи, на крутом склоне горы в скалах — жилища шахтеров.

Это и есть знаменитые чилийские медные копи «Теньенте». Чилийские /41/ в том смысле, что они находятся в Чили и добывают медь чилийцы. А хозяева здесь другие. В Нью-Йорке я видел их главный штаб. А в Чили — только поставленных ими администраторов. Администраторы живут и отдыхают не в скалах, а в другом месте. В этом другом месте я тоже был и немножечко отдохнул, как они. Я расскажу об этом потом.

Хозяев в «Теньенте» было много, начиная с испанцев. Потом были англичане, немцы, французы, итальянцы, конкурировавшие ДРУ с другом в борьбе за чилийскую медь. Чилийцев к этому делу они не допускали. Постепенно всех вытеснили американцы. Первым, кто пустил чилийскую медь в американское русло, был Вильям Брейден. Его большой портрет, писанный маслом, в золоченой раме я видел в Сантьяго в управлении внешних сношений «Теньенте».

Около семидесяти лет на руднике безраздельно господствовал иностранный капитал. Потом пришлось поделиться. Контрольный пакет оказался в руках чилийского государства — 51 процент акций. Так в «Теньенте» прекратила свое существование могущественная «Кеннекот купер корпорейшн» и появилась «Сосиедад минера эль Теньенте». Внешне все выглядело хорошо, красиво. В действительности это был маневр медных магнатов, чтобы в условиях нарастающей борьбы народов за независимость не упустить чилийскую медь. В их руках осталось около половины акций, новая компания осталась, как и была, частной, а не государственной, а главное — остался поставленный ими административный аппарат. Поэтому остался на стене и портрет человека в золоченой раме.

Правительство Народного единства во главе с президентом Сальвадором Альенде не желало мириться с полумерой. Прежние владельцы понимали, что скоро у них выкупят все сорок девять процентов акций. Но пока что не отдавали. Говорили, что это противоречит чилийской конституции. И верно, противоречило. Ничего не скажешь. Они ведь большие специалисты по чилийской конституции. Не без их участия она создавалась. И заботятся не о себе, а о справедливости и чилийцах, чтобы конституция свято выполнялась. Не зря же они были столь дальновидными, что при создании конституции предусмотрели возможность нынешней ситуации. Правда, не догадались — ведь в конституцию жизнь может внести поправки. /42/

Именно те, какие уже были к тому времени внесены на утверждение парламента.

Для монополий США потеря чилийской меди — удар чувствительный. Один миллион долларов в день вывозили они из Чили в виде чистого дохода от эксплуатации медных рудников. Впрочем, не будем подсчитывать их потери и не будем убиваться. У них ведь остались богатейшие рудники и заводы в США, Канаде и других странах. А для Чили медь — это семьдесят процентов всей ее экономики. Это восемьдесят процентов ее экспорта. Из 21 страны мира, добывающих медь, Чили отстает лишь от США и СССР. Она производит меди больше, чем двенадцать других стран, вместе взятых.

На «Теньенте» американцы обычно не пускали посторонних. В крайних случаях показывали «Чукикамату», где добыча ведется открытым способом, а шахтерский поселок вообще доступен для посетителей. А вот путь в «Теньенте» был перекрыт уже за одиннадцать километров до поселка. И хотя к моменту, о котором идет речь, в руках монополий США оставалось лишь 49

процентов акций, они пытались безраздельно командовать копиями. Видимо, они и не желали допустить на шахту советского представителя, используя для этого поставленный ими административный аппарат. Настойчивые требования Центра «Операции» привели к тому, что разрешение в конце концов было получено.

Вместе с переводчиком Перето и представителем управления внешних сношений «Теньенте» мы выехали из Сантьяго рано утром. Перето — коммунист, партийная принадлежность представителя фирмы мне не была известна. Знал лишь, что образование он получил в Калифорнийском университете и около двадцати лет прослужил на американских предприятиях по добыче меди. Это один из тех администраторов, которых сохранила медная корпорация после потери контрольного пакета акций, кому щедро платят.

До шахтерского центра — города Ранкагуа — девяносто километров. А до рудника оттуда еще километров пятьдесят. Дорога широкая, асфальтированная, едем быстро. Спустя минут двадцать увидели поперек нее сооружение из трех арок. У каждой выглядывает из окошечка служащий или стоит у порожка с квитанционной книжкой. Наша, как и другие машины, притормаживает, и на ходу /43/ шофер вручает служащему десять эскудо, одновременно получая приготовленные заранее квитанцию и три эскудо сдачи.

Оказывается дорога платная. Подобных арок на ней немало. Перед ними, вытянувшись в длинную цепочку, на высоких столбах надписи с крупными цифрами: три, пять, семь, двенадцать. Это стоимость проезда в зависимости от вида транспорта. Справа и слева от дороги — бедные поселки и деревушки. То и дело следы уже полгода назад прошедших президентских выборов. Надписи на стенах, на камнях, на крышах... Альенде... Алессандри... Томич..., Никто не стирает фамилий кандидатов, добивавшихся президентского поста. Приятно удивляет огромный серп и молот на скале. Чуть дальше крупно: «Альенде».

В самом начале пути на редкие вопросы представитель фирмы отвечал не сразу, медленно, демонстрируя свое величие. И я не стал больше задавать ему вопросы. Всю дорогу мы разговаривали с Перето, а наш спутник хранил гордое молчание. Я спросил Пере-то, не пытались ли враги Народного единства использовать против Альенде эмблему труда, которую я не раз встречал в Сантьяго и вот сейчас здесь, у шоссе.

— Еще как! — улыбнулся Перето. — В Сантьяго на огромном щите был изображен в красках стреляющий советский танк, а над ним надпись: «Чилиец! Если хочешь увидеть это на наших улицах, голосуй за Альенде». В реакционной печати была уйма рисунков, карикатур, наподобие следующей. В центре восседают русские офицеры и генералы, а Альенде приютился в уголке. Надпись гласила: «Вот что произойдет в Чили при правительстве Альенде».

Конечно, говорит Перето, враги народной власти пытались серп и молот обернуть против нее, и кое на кого их пропаганда оказывала влияние. Но, думаю, символ Союзотского Союзе рядом с фамилией Альенде дал ему немало голосов.

На сороковом километре второй раз заплатили за проезд по шоссе. И тут же начались хжины из травы. Вернее, из снопов.

— Как живут эти люди? — спрашиваю переводчика.

— Не живут. Существуют.

Движение на шоссе не густое, многие машины обращают на себя внимание. На маленькой легковушке нарисован огромный кувшин. /44/ Почему кувшин? Захотел и нарисовал. Огромные цистерны, не меньше железнодорожных, ярко раскрашенные, мчатся с большой скоростью. В них — вино. К слову, чилийское вино, как утверждают знатоки, не уступает лучшим винам, завоевавшим мировую популярность, и оно все увереннее пробивает себе дорогу на мировом рынке.

Величественно следуют гигантские тягачи с тридцатитонными прицепами, груженными чушками красной меди. Это уже с «Теньенте». Незаметно въезжаем в Ранкагуа, где расположено несколько управлений медных копей и городок шахтеров. Почти все домики одноэтажные, маленькие, красивые, покрашенные в разные цвета.

От Ранкагуа сворачиваем с главной магистрали. Едем по отлично асфальтированной дороге, недавно построенной фирмой «Теньенте». Горы, то покрытые кустарником, то голые, вдоль и

поперек пересечены колючей проволокой. Такие преграды переполосовали всю страну, и возведены они владельцами земли. Каждый ограждал свои тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч гектаров. Сейчас значительная часть земли национализирована. Но ограды остались, как границы сельскохозяйственных кооперативов, государственных и частных владений. Впрочем, «национализировано», можно сказать, условно, ибо государство не отбирает землю, а выкупает. Правда, выплачивается лишь десять процентов ее стоимости, а остальная сумма — с рассрочкой на двадцать лет.

Постепенно горы становятся выше, исчезла растительность. Неожиданно за поворотом мы увидели дым. Очень много дыма. Густой, тяжелый, он двигался, расползался, накрывая огромную территорию. Дым не уходил вверх, а оседал, и от него темнело на дороге. Было противоестественно. Горы, совершенно дикие, только голые горы со всех сторон, исполинские, обрывистые, и не может быть здесь ни жизни, ни дыма. Но это не мираж, Где-то далеко внизу из ущелья показались трубы. Только верхушки труб, из которых валил дым. Трубы медеплавильного завода.

Мы поднимаемся выше и едем по дороге, каких мне не приходилось видеть. Обычно горная дорога идет «серпантинном». С самолета она кажется извилистой ступенькой. По одну ее сторону — гора, по другую — пологий спуск или обрыв. А тут либо она разрезает /45/ гору и едешь в образовавшемся ущелье, либо обрывы с обеих сторон. Машина движется, как по дамбе. Но все равно вокруг только горы. На них уже никакой растительности. Ни деревца, ни кустика, ни травы, ни земли. Сплошной камень.

Исполинские массивы, что высятся со всех сторон, не назовешь И скалами. Скалы предполагают выступы, углы, плоскости. Ничего подобного здесь нет. Это и не гладкий камень, обветренный, обмытый, как валун. Будто плавился исполин, оплывал при сильном ветре, образовавшем морщины или рябь, и так все это и застыло. Что-то от сотворения мира. Безмолвное, безжизненное, вечное... Кордильеры...

Машина петляет в горах одинокая, маленькая, точно муравей среди небоскребов, и трудно оторвать от них глаз, и на глазах они меняют цвет. Это поражает до суеверия. Значит, не безжизненные, значит, что-то таинственное, фантастическое происходит в этих немыслимых горах.

Мчится машина, часто меняя направление, солнце оказывается то справа от нас, то слева, и не сразу понимаешь, что это его лучи так преображают горы.

Неожиданно, совсем близко открываются промышленные здания и узкоколейка с длинным составом непривычно высоких хопров, перегораживающих нам путь. Это обогатительная фабрика меднорудного комплекса «Теньенте». Сверхсовременное предприятие. Где-то под землей в одиннадцати километрах отсюда по крутым трубопроводам несется с шахты руда, там же под землей попадает в бункеры, под которыми движутся составы, автоматически нагружаемые и идущие по подземной электрорельсовой дороге сюда на обогатительную фабрику. Руда дробится, мелется, смешивается с водой, автоматически переходит с одного агрегата на другой, движется по конвейерным лентам, по трубам, через гигантские бассейны, и всюду происходят какие-то процессы, химические или механические, пока не отделятся от нее восемнадцать примесей меди, тоже представляющих ценность. А медный концентрат потечет на медеплавильный завод.

Главный цех обогатительной фабрики — это здание из стекла, батона и металлических конструкций, разделенное на резных уровнях /46/ железными решетками этажей на десять, где сосредоточены сотни и сотни машин и механизмов. Стоя у одной стены, разглядишь противоположную разве что в сильный морской бинокль. Вращаются гигантские барабаны шаровых мельниц, жужжат маховики и зубчатки, щелкают рычаги и клапаны в агрегатах, где пенится, вот-вот выплеснется через край, но не выплескивается густая масса медного концентрата. И на всем необозримом пространстве цеха — ни одного рабочего. Впрочем, у какой-то машины возятся двое. Но она отключена от общей линии и ремонтируется. Где-то высоко-высоко, будто стеклянный скворечник — пульт электронного управления фабрикой.

Мы долго осматривали это совершенное производство, слушая объяснения инженера и редкие реплики представителя фирмы, с которым приехали. Потом, взглянув на часы и официально улыбнувшись, он сказал:

— А теперь пора обедать.
— На рудник поедem после обеда?
— На какой рудник?— удивился он.— После обеда, если останется, конечно, время, взглянем на медеплавильный завод, потом — домой.

Он был официален и тверд. Никаких других поручений у него нет, к кому нам обращаться, не знает. Он обязан показать лишь то(что назвал, затем доставить уважаемого гостя в Сантьяго, а точнее, в гостиницу «Карера». Стало ясно, что здесь недоразумения не разрешить. Но хоть завод посмотреть до обеда можно? Ведь не исключено, что потом «не останется времени».

Пожав плечами, он согласился. До завода, расположенного на высоте более двух тысяч метров, ехали минут десять. Может быть, потому, что с фабрики, построенной на основе последних достижений техники, сразу попали на старый завод, он произвел удручающее впечатление. Стиснутый скалами бескрайний навес с изломанным профилем — это и есть завод.

Конверторные печи в черных наростах, окутаны дымом, гарью, копотью. Черные бесформенные глыбы шлака то и дело преграждают путь. Вся площадь вокруг печей, должно быть, при строительстве не была выровнена, поэтому повсюду много каких-то /47/ мостков, переходов из кирпича и железобетона, обваливающихся, осыпавшихся под ногами. Из печей под куполом бьется обуглившееся несгоревшее топливо. Глубокий слой пыли и гари, в котором утопают ноги, перемешай с кусками шлака. Повсюду валяются вышедшие из строя или отслужившие срок части машин, куски металла, какой-то хлам. Пыль поднимается, а копоть и несгоревшее топливо оседают, и воздух заполнен этой смесью. Хотя стен нет, дышать нечем. По сторонам от навеса — накалинные скалы, а под ним шевелящийся черно-сизый туман. Он движется медленно, пластами, совершая какой-то круговорот то вверх, то вниз, то в стороны, но никуда не уплывает из-под навеса. Люди ходят с твердыми, похоже непроницаемыми повязками, закрывающими нос и рот. Уже через несколько минут машинально ощупываешь затылок, лезешь за воротник и тщетно пытаешься стряхнуть кристаллики гари с мокрого тела. Пыль и гарь заползают в нос, хрустят на зубах.

По одну сторону от навеса — подсобные здания и жилые дома с окошечками под самой крышей. Они тоже точно черной коростой покрыты толстым бесформенным слоем из грязи и копоты. И кажется, не пятьдесят лет этому заводу, как сказал представитель фирмы, а тысячелетия. И наросты эти образовывались тысячелетиями.

При нас начали чистить одну из печей, и стало ясно, откуда здесь столько шлака и заводских отходов. Гигантский крюк, спущенный с крана в лещ, ворочал там раскаленные глыбы, вытаскивал наверх, и они рушились, дымя и быстро остывая. От едкого запаха першило в горле. Потом те, что не разбивались на кусочки, оттащат в сторону, и, видимо, на том дело и кончится.

На соседней печи медь поспела. Тонкой струйкой она течет а изложницы карусельного конвейера. Изложниц, расположенных по кругу,—штук пятьдесят.. Струйка течет в них безостановочно, заполняя одну за другой расплавленным металлом. Его охлаждают водой. Сначала только капли воды попадают на металл, потом душ сильнее, гуще, и вот уже струя воды окатывает отвердевшую чушку. Вздываются клубы пара, и окутанный паром рабочий с двумя крюками выковыривает чушку, вернее, отрывает от места. Чуть дальше изложница опрокидывается в узкую ванну с проточной водой, по дну которой движется конвейер, вытаскивающий наверх охлажденную /48/ чушку. Ее подхватывают крюками двое рабочих, бросают на тележку и третий рабочий бежит с ней, грузит на платформу, к которой через несколько минут подойдет тягач.

Ни одной лишней минуты не лежит здесь готовая медь. Высшего качества красная медь, приносившая американским капиталистам один миллион долларов прибыли в день.

Работать на этом заводе тяжело. Только очень здоровым и сильным она по плечу. Только таких и брали сюда. Благо, безработица давала все возможности большого выбора. Но и сильные держались не долго. Здоровье терялось, таяло, и уже не мог стоять человек у печей, стоять часами, окутанный паром. Тогда его увольняли, он вливался в армию безработных. Найти применение теперь уже слабым своим силам становилось почти невозможно. Как и руда, перемалывались здесь люди и растекались по чилийской земле.

В Центре «Операции правда», когда я туда приехал, уже знали о том, что на рудник меня не пустили. Это вызвало недовольство Центра. Мне сказали, что тем не менее поездка состоится обязательно. Помимо воли я становился чуть ли не участником конфликта. Мне не хотелось этого. Сказал, на поездке не настаиваю, еще осталось многое, что надо увидеть. Из дальнейшего разговора понял: теперь дело уже не только во мне, но главным образом в престиже Центра, в том, что зарубежные администраторы не имели права менять мою программу. Их объяснения, будто они не поняли просьбы, не удовлетворили Центр.

На следующее утро за мной заехали Перето и представитель администрации. Когда машина тронулась, на всякий случай спросил:

— Значит, мы едем на рудник «Теньенте», где я буду иметь возможность спуститься в шахту, а потом посмотреть поселок?

— Нет,— улыбнулся представитель.— Мы покажем вам нечто куда более интересное.

Мне не хотелось смотреть куда более интересное. Я хотел на рудник, о чем и сказал ему.

— Извините,— развел он руками.— Такого поручения у меня нет. Да и попасть туда мы уже не успеем. Не успеем на поезд узкоколейки, а другого пути на шахту нет. /49/

Я знал: реакция и те, кого ей удастся ввести в заблуждение, пытаются игнорировать мероприятия правительства, дискредитировать его органы. Думал, это относится к серьезным политическим и экономическим акциям. В голову не могло прийти, что даже на такой малости, как вот эта поездка, кто-то может саботировать указание Центра. Но хорошо помнил последний разговор, происшедший там. Поэтому ехать дальше отказался.

В то утро мне довелось побывать и в Центре, и в управлении внешних сношений «Теньенте». Там я и увидел огромный портрет мистера Вильяма Брейдена, в золоченой раме. Он висел в приемной, где уверенно, с чувством собственного достоинства действовала секретарь управления сеньора Сильвия Сарович.

Учитывая, предупредительная, прежде всего попросила не искать в этом недоразумении политической подоплеки, так как поездка на рудник, по ее словам, проблема чисто техническая. Предложила кофе, подарила набор образцов меди «Теньенте» и отлично изданный проспект всего меднорудного комплекса. Не торопясь, тем не менее быстро, куда-то звонила, отвечала на телефонные звонки, принимала и отправляла почту, давала распоряжения. Время от времени обращалась ко мне, объясняя, что делается все возможное, только бы состоялась моя поездка.

Затем явился руководитель отдела информации управления внешних сношений «Теньенте» сеньор Уго Шиллинг. Он тоже был вежлив и тоже говорил, что посещение рудника проблема не политическая, а техническая. Спросил, ясно ли мне это? Я сказал: «Ясно». Вместе с Перето мы ожидали, чем все это кончится, и он тихонько переводил мне красочный проспект. В нем дана экономическая характеристика медных копей «Теньенте» и подробнейшим образом рассказано, какое великое благо для народа Чили совершили в прошлом и совершают сейчас североамериканцы, разрабатывая чилийскую медь, как много груд и долларов вкладывали и вкладывают в это дело руководители медной корпорации на чилийской земле.

И подумалось: как же цепко они держатся за эту землю, сколько еще усилий народа потребуется, чтобы обрубить их корни, проникшие во все ее поры. /50/

Поездка состоялась. В Ранкагуа к нам присоединился инженер из управления рудником. Мы ехали уже по знакомой дороге, пока где-то в районе обогатительной фабрики не уперлись в закрытый шлагбаум. Дальше ни шоссейной, ни грунтовой дороги нет. На узеньких рельсах стоял поезд из нескольких вагончиков, раскрашенных в разные цвета. Не будь они такими старыми и невзрачными, с облупившейся краской, ничем бы его не отличить от поездов детской железной дороги. И еще одно отличие, бросающееся в глаза. В голове поезда стояло два тепловоза, хотя, как я подсчитал, вагончиков было всего шесть. Какие же препятствия надо преодолевать, если такой крошечный состав пускают на двойной тяге!

Вагон, куда мы вошли, был полон. Женщины, мужчины, дети. До поселка Севель, где находится рудник,— одиннадцать километров. Весь путь в диких скалах. И все время подъем. С каждым километром в среднем поднимались на сто метров. Конечно, на такую крутизну один тепловоз не вытянет состава. По склону горы вьется вырубленная в скалах ступенька, на которой

едва умещаются узенькие рельсы. С одной стороны — отвесная стена, с другой — пропасть. Поэтому в дождь и снегопад узкоколейка не работает. Опасно. А непогода здесь восемь-девять месяцев в году. Значит, на это время шахтерский поселок в скалах отрезан от всего мира. Да и в хорошую погоду спускаются с гор немногие. Во-первых, эти вагончики ходят один-два раза в сутки, а во-вторых, погода в горах капризна, может измениться неожиданно. Как потом попадешь на шахту?

Одиннадцать километров мы поднимались в сплошных скалах. Временами скорость не превышала двух-трех километров в час. Это в тех местах, где особенно круты повороты и не исключена опасность свалиться. Даже если у окна сидишь, земли не увидишь. Едешь, будто по канатной дороге.

Для руды построен более надежный путь—подземный, или вернее подскальный, трубопровод. Ему не страшна непогода. Круглыми сутками безостановочно течет руда на старую обогатительную фабрику и на новую, о которой речь шла выше. Ну, а люди пока пользуются узкоколейкой. /51/

Чем выше поднимаемся, тем страшнее и красивее. Ползет крошечный составчик в исполинских скалах, карабкается, вот-вот соскользнет и рухнет. Снеговые вершины залиты солнцем. Но кажется, будто они подсвечены изнутри. Будто хрустальные они. Хрусталь переливается, грани сверкают. Брызгами искрятся водопады. Ни одна капля воды не пропадает. Сложная система водосбора соединяет дождевые капли в ручейки, потоки, направляет в железобетонные хранилища. Горы обильно снабжают водой и шахту, и поселок.

Миновали вырубленный в цельном массиве камня тоннель и неожиданно вдруг увидели снег. Им было покрыто полотно железной дороги и маленькая станция, где мы остановились, с вокзалом, похожим на вагончик наших строителей, и буквально игрушечный снегоочиститель, стоявший тут же, и вся земля или камень вокруг. Все это было неправдоподобно, похоже на декорацию, и только мальчики, игравшие в снежки, делали картину реальной.

Поезд стоял минуту. Мы продолжали карабкаться вверх, куда-то на небо, медленно, тяжело, в полном одиночестве, среди исполинских нагромождений, и почему-то думалось о космосе.

Одиннадцать километров до станции Севель, где расположены шахта и поселок, мы преодолели за час. Высота — около трех тысяч метров. Все в снегу. Снег падает, и хотя тает, его много. И только на очень крутых склонах он не удерживается, и они выдаются огромными черными пятнами.

Прямо от платформы начиналась крутая, как трап, лестница. И весь поселок в таких лестницах. Здесь нет улиц, переулков, площадей. Вместо улиц и переулков — лестницы. Вместо площадей — лестничные площадки. Здесь просто дома в скалах. Каждый дом имеет только номер. Почтовый адрес так и пишется: Севель, дом номер такой-то. А в Севеле этом живут двенадцать тысяч человек.

В отличие от всех населенных пунктов дома здесь стоят не рядами, а в зависимости от местности: то один над другим, то под разными углами, то перпендикулярно друг к другу. Есть одиночные дома, удаленные от других, есть группы домов, и все они разбросаны в самом хаотическом беспорядке. Между домами сообщения только по лестницам, по очень добротным железобетонным лестницам /52/, которые кроме обычной для них функции несут дополнительную: укрепляют скалистый грунт, чтобы не осыпался.

Дома высокие, один даже тринадцатизэтажный. Но только с фасада он тринадцатизэтажный. Как и все остальные, он прилепился к склону горы, поэтому с тыльной стороны только два этажа — двенадцатый и тринадцатый. Но хода отсюда нет, мешает гора. Вход по железному трапу — сбоку на узкую террасу, идущую вдоль всего дома со стороны фасада. С этой террасы ведет трап на следующую, и так до тринадцатого этажа. А с террас — вход в квартиры, как в каюты с палубы. Лифтов нет.

Лестницы, трапы, железные, железобетонные, деревянные, идущие в дома, куда-то вверх вдоль домов, проходящие где-то над крышами, огражденные решетками, сетками, перилами, беспорядочно переплетаются, и уже не поймешь, куда они ведут. Но чем выше поднимаешься по

этим лестницам и трапам, тем яснее становится, что все они, в конечном счете, сходятся у главной проходной в рудник.

Мы поднялись ступенек на сто пятьдесят, а до входа было еще далеко. Остановились передохнуть на большой площадке, где изогнутый дугой по форме горы стоял длиннющий барак — какие-то механические мастерские.

Без тренировки и практики до рудника добраться трудно. Представители фирмы куда-то ходили, кому-то звонили и вернулись довольными: надо подняться еще немного, и за нами пришлют тележку грузового фуникулера.

Тележка двигалась по шести рельсам, расстояние между крайними — метров пятнадцать. Ее тянули шесть толстых стальных тросов. Рельсы были и на самой тележке, куда при необходимости загоняли один-два вагона. Тележка несколько раз останавливалась возле производственных помещений для разгрузки или погрузки каких-то тюков и деталей механизмов.

И вот, наконец, мы в главном тоннеле. Здесь какие-то конторки, склады, ламповые, подсобные помещения. Надеваем резиновые плащи, тяжелые резиновые сапоги с застежками, каски. Вежливо улыбаясь, прощаются с нами представители фирмы. Дальше нас будет /53/ сопровождать инженер шахты. Он же потом проведет до дрезины к узкоколейке.

Маленький электровоз под непрерывный грохот колокола и вой сирены несется по тоннелю, сворачивая то вправо, то влево, и люди, которых мы обгоняем, жмутся к стенам. От главного тоннеля масса ответвлений. Они низкие, узенькие, как норы. Проехав километра три, останавливаемся на ярко освещенной площадке. Здесь тоже какие-то подсобные помещения. Идем а ламповую, привьючиваем к поясу аккумуляторы, на каски насаживаем лампочки. Снова долго едем, пока не упираемся в тупик. Оказывается, мы точно под вершиной горы. И в шахту надо не спускаться, а подниматься. Огромная, скоростная клеть несется вверх, и штреки мелькают, как этажи в высотном доме, когда поднимаешься в лифте. И вот, наконец, последний. Вернее, первый. Номера штреков идут сверху вниз.

Сколько же осталось до вершины этого каменного исполина? Кто знает! Известно лишь, что медную гору начали разрабатывать еще инки и запасов руды осталось на двести лет.

В бесчисленных штреках, которые мы исходили, было темно и тихо. Но в чреве каменного гиганта находились две тысячи человек. Рассеявшись по одному и привязавшись канатом над горловинами пропасти, они вгрызались изнутри в его тело.

У каждого — лом, кувалда, да этот канат на поясе. Где-то внутри горы руду взрывают динамитом, крошат отбойными молотками, а местами она залегает так, что забойщик лишь отодвигает заслонки и она рушится в бездонную горловину, как горный поток. Далеко-далеко внизу попадает в многокилометровый трубопровод, в саморазгружающиеся хопры, на ленты транспортеров.

Стоя на доске на краю пропасти, шахтер управляет потоком. Жизни это не угрожает. Если он оступится или затянет его поток, канат удержит. Если ударит его камнем, он отцепит канат и побредет в медпункт. Хороший, с большой пропускной способностью медпункт. Это совсем рядом, в штреке. Правда, чтобы попасть в штрек, надо еще выбраться из узенького коридорчика, темного и душного, где трудно дышать от жары и рудной пыли, похожей на цемент, надо еще пройти в этом коридорчике, похожем на нору, по мосткам, вернее доскам, наполовину покрывающим горловину /54/ пропасти, у которых с ломом и кувалдой стоят привязанные за столбы креплений шахтеры. Но это и хорошо, что здесь люди, потому что в случае беды любой бросит работу и поможет выбраться. В каждом штреке таких коридорчиков или ходов великое множество и штреков много на разных уровнях, но все ходы закрыты дверями и звук падающей руды доносится не отчетливо, а как далекий, заглушённый горами гул.

Один из первых ударов реакция направила на самый жизненный центр Чили — медную промышленность, и прежде всего на копи «Теньенте», играющие в экономике страны весьма важную роль. Едва ли не главным исполнителем экономической диверсии явилась реакционнейшая газета «Меркурио». На ее страницах была поднята кампания, призывающая специалистов к саботажу. Указывались фирмы США и других стран, где их примут на работу. Будто по воинской команде, как по сигналу из одного пункта управления, медные копи покинули

около двухсот специалистов. Одни уехали за границу, другие стали искать работу в частных фирмах, третьи просто ушли, выжидая, что произойдет дальше,

Саботаж. Это не саботаж одиночек. Это продуманный, тщательно подготовленный и осуществленный массированный удар. Он был ощутимым, но не смертельным. Добыча меди по стране не только не уменьшилась, но увеличилась.

— А копи «Теньенте» немного полихорадило,— сказал наш спутник,— но они оправились и уверенно набирают темпы. Опытных людей у нас много, почти все опустевшие после саботажников места уже заполнены.

Забегая вперед, добавлю к словам инженера, что после национализации копи «Теньенте» стали давать больше меди, чем когда бы то ни было.

На обратном пути он пригласил нас к себе. У него квартира из трех комнат, хорошо обставленная, но какая-то не настоящая. Будто смотровая площадка. К какому окну ни подойдешь — внизу пропасть, перетянутая лестницами и прижатыми к скалам домами, похожими на стены, на каменные укрепления гор. Впрочем, одна стена без окон, она тоже прилегает к горе. /55/

Жена инженера Лучия угостила нас вкусными лепешками, устала стол множеством закусок, свежими овощами и фруктами, раскрыла дверцы бара, забитого самыми различными винами и коньяками.

Гостей здесь не ждали, значит, не специально все это готовили. Удивляться, собственно говоря, нечему, инженер получает двадцать одну тысячу эскудо, что составляет примерно 1500 долларов. Значительно больше министра, в восемь-девять раз больше шахтера высшей квалификации.

Эта ставка была установлена прежними владельцами. Расчет простой — администраторам надо платить так, чтобы эти опытейшие инженеры, обладающие большими организаторскими способностями, не только с радостью соглашались жить, как отверженные, в скалах, но и выжимали бы из рабочих максимум возможного, были бы бездумно преданы хозяевам фирмы. Иначе на такой должности держать не будут.

После прихода к власти правительства Народного единства эти ставки были снижены на шесть тысяч эскудо, а зарплата рабочим повышена на тридцать пять процентов.

... Спустя полчаса мы отправились в дома шахтеров. Поднялись на третий этаж пятиэтажного дома. С тыльной стороны он — двухэтажный. В отличие от многих домов лестницы здесь внутренние. Длинный коридор, много дверей. Серые, облезлые, с плесенью стены, мусор, грязь.

Сопровождающий нас инженер постучал в первую попавшуюся дверь. Вышел высокий широкоплечий шахтер. Зовут его Диего.

— Да, да, заходите,— охотно пригласил он в комнату, узнав, кто мы и зачем приехали.

В комнате живут шесть человек. Железные двухъярусные нары. Сбитый из досок стол, две табуретки, один стул. Пол и стены, как в коридоре и умывальнике. Неубранные постели. Простыни только на двух, на остальных — грязные одеяла поверх матрасов. Из них сыплется не то истертая солома, не то опилки. Простыни темно-серые, как и грязные одеяла. На столе остатки еды, пустые консервные банки, рубаха. Грязная одежда, носки лежат на постелях и под ними. На полу двумя горками спецодежда. /56/

В комнате был только Диего. Трое его соседей ушли в клуб, двое на работу. Диего жаловался: жить трудно, хотя заработки приличные. Семья в одном месте, он в другом, и родителям надо помогать.

Отвечая на вопрос, как шахтеры используют свободное время, Диего сказал:

— Да не так уж много свободного времени. Восемь часов это только в шахте, да еще перерыв на обед двадцать минут. Ну, а дойти до шахты? Сколько, вы думаете, это занимает?

Диего рассказал подробно об их жизни. От дома до шахты не больше пятисот метров. Но взбираться туда надо долго и подолгу отдыхать на площадках. Иначе не хватит сил работать. Да и по тоннелям рудника надо пройти не один километр, пока доберешься до рабочего места. Возвращаются с работы усталыми и зачастую, не раздеваясь, валятся в постель. Иногда спускаются на первый этаж, где какая-то женщина содержит столовую. Готовых обедов или ужинов там нет. Если принесешь свои продукты, она поможет приготовить. Кое-какие запасы и у нее есть, может и из них что-нибудь состряпать. Но на все это надо много времени. Поэтому чаще

едят всухомятку то, что принесут из магазина. На эти покупки тоже требуется время. Да и помыться надо, белье постирать, одним словом, дел хватает. Если работаешь в первую смену, вечером можно сходить в клуб.

Я попросил инженера проводить нас в дом, где живут семейные рабочие.

— Туда не стоит ходить,— сказал он смущенно.— Там очень плохо живут.

— А здесь?

— Ну, все-таки лучше. Пойдемте, я покажу вам клуб.

В Сезеле несколько клубов, один принадлежит шахте, остальные частные. Мы пошли в первый. Огромная комната была уставлена круглыми столами. За каждым играли в карты, и тесным кольцом позади играющих стояли болельщики. От густого дыма трудно было дышать. Впрочем, дышать трудно и вне помещения. И не только потому, что на такой высоте разрежен воздух. Круглые сутки на поселок оседает дым. Он идет из труб нескольких подсобных предприятий /57/ и старой обогатительной фабрики, расположенных в Севеле, видимо, дотягивается и с медеплавильного завода. Кроме комнаты, где играли в карты, нам показали еще зал. Крошечный пустой зал с помостом вместо сцены и лавками с облупившейся краской.

В частном клубе стояло несколько маленьких бильярдных столов, а по соседству что-то вроде кафе, где можно выпить. Здесь чисто, светло. Но почти все столики были свободными. Так же примерно выглядел и второй частный клуб. Есть еще в поселке кинотеатр, где показывают американские боевики и порнографические фильмы.

Обедать мы поехали в местечко Коя. На автомотрисе спустились к шоссе, а потом на машине проехали километров десять. Здесь знойное лето. А дальше такое, чему поверить нельзя. Будто в дикие неприступные скалы спустили на парашютах сказочный оазис. В центре большое красивое здание, вокруг которого на огромной территории разбит парк. Аккуратно подстриженная трава, деревья, точно в дендрарии, самых различных пород. Ивы, образующие совершенно закрытые беседки. Их ветки, спускающиеся с вершин, сливаются со следующими, и так до самой земли. Раздвинешь их, и попадешь в шатер—просторный, прохладный. Сюда не только солнце, но и дождь не пробьется.

Несметное количество цветов. Розы — не обхватишь в две ладони. Большой красивый бассейн с отделением для детей. Лесенки, увитые цветами, мостики, гроты. И будто не талантливые люди создали этот огромный парк, а сама природа. И маленькие уютные полянки, и мостики, и смотровые площадки, будто все это сотворила природа.

Теннисные корты, площадки для бейсбола, крокетные, волейбольные, велотрек и еще множество спортивных площадок и сооружений рассеяно по всему парку. А над ним, в центре его возвышается здание клуба. Здесь огромный холл, ресторан, комнаты отдыха, а под ними — спортивные залы, помещения для игр — от детских до рулетки.

Метрдотель встретил нас в холле. Кроме диванов, кресел, столиков и люстр, здесь ничего нет. Но расставлял мебель, подбирал цвета обивки мебели и краски на стенах, бесспорно, художник. Несмотря /58/ на огромные размеры холла, в нем по-домашнему уютно и тепло.

Ресторан был почти пуст. Две стены из стекла. Перед глазами дикие, безмолвные, величественные горы, и этот противоестественный здесь оазис. Отсюда он кажется вообще ненастоящим. Так на лубочных картинках изображают рай.

Это клуб для хозяев и высшей администрации шахты «Теньенте» и медеплавильного завода.

Едва приступили к обеду, как за соседний стол сели трое американцев. Муж, жена и парень лет двадцати, должно быть, их сын. Глава семейства толстый, обрюзгший, с лицом, трясущимся, как незастывший студень. Пальцы — даже не сосиски — сардельки. Он чем-то недоволен, что-то бормочет, брюзжит. Два официанта несколько раз бегали в буфет, показывая ему все новые бутылки вина, пока, наконец, он не остановился на одной из них.

Только после этого успокоился, снял пиджак, бросил его на свободный стул. Сзади из брюк вылезла рубашка. Не немножко, а вся. Он видел это, но, не заправив ее, грузно сел.

Мы подняли тост за Народное единство. Представитель фирмы, улыбаясь, сказал:

— Всю дорогу вы задавали нам вопросы. Позвольте и мне спросить вас о жизни вашей страны.

Мы говорили тихо, я рассказывал о Советском Союзе, а Перето переводил. Американец, сидевший к нам боком, несколько раз оборачивался, и вдруг у него вырвалось:

— Да это— русский! Откуда здесь русский, что здесь делает русский?!

Я отвечал на какой-то вопрос представителя фирмы. Неожиданно Перето смущенно попросил.

— Позвольте мне в переводе немного подробнее осветить тему.

Откровенно говоря, его слова меня удивили. Перето человек очень скромный, стеснительный, говорит тихо. За три недели нашей работы, стараясь быть совершенно незаметным, ни разу даже своего отношения к разговорам не проявил. Решительно ни во что не /59/ вмешивался, хотя человек он образованный, быстро схватывающий суть всякого дела.

— Мой ответ не ясен?

— Нет, нет, что вы, - быстро заговорил Перето,— но все же, прошу вас...

Я согласился.

Теперь в отличие от обычного Перето стал говорить громко, решительно, все более воспаляясь. Это был не перевод, он словно произносил речь, в которой я понимал лишь одно, часто повторявшееся слово «советико». Но смысл его выступления был ясен. Он говорил для американца. Он чувствовал себя хозяином своей страны, своей земли, и той, что была здесь, и которую навезли, чтобы посадить этот сказочный парк, и самого парка, и ресторана, хотел, чтобы американец это понял. И тот понял. Не фигурально, а буквально завертелся на месте. Ругаясь и бесцеремонно отплеываясь, швырнул на стол деньги, вскочил и пошел к выходу. За ним последовали его спутники.

По пути в Сантьяго Перето сказал:

— Вынесено решение разрушить поселок Севель как непригодный для жизни человека и построить городок шахтеров в Ранкагуа, где они будут жить с семьями, а ездить на работу в специальных автобусах.

Я заметил, что подобное решение было вынесено давно, когда президентом был еще Фрей.

— Это верно,— ответил Перето,— но и земельную реформу объявил Фрей. Но за шесть лет его президентства было экспроприировано меньше земли, чем за шесть месяцев при Альенде. Конечно, трудных проблем много, решить их сразу невозможно, но народ видит, что слова нашего правительства не расходятся с делом.

Перето оказался прав. На законном основании во всех инстанциях были приняты поправки к конституции, предложенные Сальвадором Альенде, и это дало возможность национализировать всю меднорудную промышленность. Вся крупная промышленность, полностью или частично находившаяся в руках капитала США, перешла чилийскому государству. /60/

И поселок шахтеров в Ранкагуа начал строиться быстрыми темпами. Самые большие дома в Севеле, где условия жизни были особенно невыносимы, уже опустели. Их жители получили дома в Ранкагуа.

Пройдет время, и опустеют дома во всем Севеле, и изгладится из памяти людей имя американского предпринимателя Севела, которым назвал он поселок.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ

Победа Народного единства — это результат совместных действий всех прогрессивных слоев чилийского общества. Это результат героической борьбы Чилийской компартии, недавно отметившей свое пятидесятилетие. В долгие годы господства в Чили иностранного капитала компартия наращивала силы для решительных штурмов и одновременно стремилась даже в тех условиях улучшить жизнь людей, особенно бездомных, казалось, обреченных на вечную нищету. Вот один из примеров.

* * *

На окраине Сантьяго я видел больше тысячи сараев. В них живут люди. Есть сараи добротные, сделанные из досок, без щелей, крытые не кусочками битого шифера, а целыми листами, и никакой дождь им не страшен. А иные сооружены из разнообразных /61/ картонных ящиков, крепкой упаковочной бумаги, обрезков фанеры и жести, поржавевшей в тех местах, где облупилась краска.

Педро Кабесас живет в хорошем сарае. Таких во всем поселке не найдешь и сотни. Стены — из узких досточек в паз, даже пол не земляной, а деревянный, даже электрическое освещение есть.

Поселок из сараев называется Бандера, и он входит в крупнейший район столицы — Гранха, насчитывающий двести двадцать тысяч жителей. При желании Педро Кабесас мог бы иметь еще лучшее жилье. Он мог бы жить в каменном доме, где есть отопление, канализация и другие удобства, ибо он — алькальд, то есть глава всего муниципалитета Гранха, фактически целого города, и не маленького. Но сарай в жизни Кабесаса занимает особое место, это этап в его жизни, это страница истории борьбы коммунистов Сантьяго и других чилийских городов.

* * *

Это было давно. Задолго до победы Народного единства...

...Во главе организации стоял плотник с мебельной фабрики Педро Кабесас. Он и его соратники решили, что операция пройдет успешно, если удастся осуществить ее внезапно, одним ударом. Начать часа в два ночи и закончить на рассвете. Если так и получится, полиция уже ничего не сможет сделать. Если же о ней пронюхают раньше времени, провал неизбежен. Ведь точно такая операция, какую задумали они, провалилась в Пуэрто-Монте только потому, что люди не сумели сохранить тайну. В результате — девять убитых, а остальные ушли ни с чем.

На окраине столицы Педро и его товарищи присмотрели пустырь. И хотя он никем не охранялся, дело было не из легких. «Пустырь» — так только говорится, потому что никто никогда его не использовал, и сквозь его каменистую почву пробился чертополох, и нанесло сюда всякого мусора и отбросов, но пустырь — это земля. Пусть каменистая, пусть ни к чему не пригодная, но земля. Значит, есть и ее полноправный владелец, которому она принадлежит вместе со всем, что на ней есть, — и этим чертополохом, и камнями, что валяются сверху или торчат из нее, и теми, что скрыты под внешним покровом и всем, что в ней есть на любой глубине. /62/

Пустырь принадлежал династии Костабалов. И это вполне устраивало Педро. Будь здесь человек не очень богатый, имеющий всего гектаров сто, они не стали бы трогать его землю. А у Костабалов тысячи и тысячи гектаров. Не обеднеют.

Осваивать решили, конечно, не весь пустырь. Действуя осмотрительно, чтобы не вызвать подозрений, наметили участок, на котором можно будет разместить триста семей — примерно, полторы тысячи человек. Количество участников операции не должно быть маленьким, чтобы полиция не могла с ними легко расправиться. Но и не настолько большим, чтобы потерять управление огромной массой совершенно не организованных людей. А полторы тысячи — цифра вполне подходящая. Рассчитали, чтобы каждой семье достался участок метров десять на двенадцать,

Конечно, на первый взгляд многовато. Ведь каждый должен соорудить только шалаш или палатку. Для этого нужен просто клочок земли. Но ведь и о перспективе надо думать, если уж идти на такое рискованное дело. Если все пройдет хорошо, постепенно раздобудут доски и построят большие сараи, перегородят их картоном или мешковиной, чтобы, как у людей, отдельно была кухня, отдельно широкий топчан для детей, а если их много, то и два топчана, и отдельно для главы семьи и стариков, если они есть.

На это надо тридцать пять — сорок квадратных метров земли. Но Педро взял широкий размах. Ему хотелось, чтобы осталось еще вдвое больше места для двора, где люди смогут развести кур или другую живность, где свободно играли бы дети, которых немало давили или калечили машины, пока они жили под мостами и на улицах.

Педро Кабесас и его товарищи (их было человек двадцать) — все коммунисты — условились, что в целях конспирации ни один из тех, кто будет строиться, не должен об этом знать до самого последнего момента. Так вернее. Но подобное решение накладывало на них большую ответственность. Надо никого не обидеть. Из четырехсот тысяч бездомных Сантьяго надо отобрать только полторы тысячи. При отборе решили исходить из количества детей у бездомного и степени бездомности. Если, скажем, небольшая семья прилично устроилась где-либо под скалой, да еще сумела кусками /63/ жести прикрыться от дождя и солнца, ее учитывали в последнюю очередь.

Составить список поручили самым справедливым. Механику по линотипам Эрасмо Майорике предстояло подобрать пятьдесят семей, плотнику Нельсону Хофре — тоже пятьдесят и еще четверым коммунистам — по пятьдесят. Им разрешили включать в список семей по десять резервных, чтобы потом уже сообща точно все решить.

Руководители полусоток, как их называли, обязаны были постоянно консультироваться друг с другом, чтобы их группы были одинаковыми. В каждой примерно одинаковое количество детей, одинаковое количество безработных, стариков и равное количество коммунистов, чтобы в трудную минуту на них можно было опереться.

Немало времени требовала разметка пустыря. Ведь в момент, когда полторы тысячи людей ринутся туда, определять, кому где строиться, будет поздно. Если заранее пойти с рулеткой, — значит, наверняка провалить дело. Заметят. Поэтому на пустыре появлялись парочки влюбленных, которые бродили по нему, то и дело целуясь или сядясь отдохнуть, и никому не могло прийти в голову, что они считают шаги, что, сядясь, будто для забавы, собирают в кучку камни или закрепляют на булыжнике цветную тряпочку, словно занесло ее сюда ветром, зацепилась она за колючку и просто лежит. Или вдруг пьяный забредет на пустырь и, покачиваясь, вышагивает медленно, старательно, как и положено пьяному, но все равно, на ногах держаться трудно, он падает и поворочавшись немного, с трудом поднимается, снова идет и снова падает.

Так ставились первые вешки, делалась первая разбивка пустыря, еще не точная, но хоть примерно определявшая границы полусоток, а по возможности и отдельных участков.

А руководители полусоток и их помощники бродили по городу, беседовали с бездомными, будто от нечего делать, но точно выведывали необходимые им данные, а отойдя, заносили их в блокноты. Опасаться, что бездомного в нужный момент не окажется на месте, не приходилось, потому что таких, кто спят там, где их застала ночь, было очень мало, как правило, холостяки. Остальные имели /64/ точный адрес. Каждая семья все-таки как-то устраивалась на постоянное жилье. Одни под мостами или у глухих складских стен, другие у вокзала, у подножья гор, а немало их снимали угол в ветхих домиках или навес во дворе, принадлежавших таким же беднякам, как и сами бездомные.

Долго пришлось повозиться и с национальными флагами. Их требовалось триста штук, чтобы каждая семья могла вонзить древко в землю на своем участке во время операции, а потом водрузить на шалаше, ибо сорвать национальный флаг не всякий карабинер решится. А сделать чилийский флаг не просто.

К концу подготовки, на которую ушло около трех месяцев, круг посвященных в это дело расширился. Сначала руководители полусоток сообщили о предстоящей операции коммунистам своей группы, а за два дня до назначенного срока с их помощью — всем остальным.

Бездомных предупредили, что с собой они должны иметь запас воды и пищи хотя бы на три дня, ибо скорее всего полиция блокирует пустырь и выйти оттуда удастся не сразу.

Педро Кабесас и его штаб понимали: если полторы тысячи людей одновременно ринутся из города со своим скарбом в одном направлении к пустырю, их обязательно заметят. Поэтому задолго до назначенного срока бездомные уходили в самых разных направлениях по одиночке, совершали большие обходы только по маршрутам, указанным руководителями, не подозревая, что они окружают пустырь.

Операция была назначена на два часа ночи. Командиры полусоток сверили часы и разошлись в разные стороны, где рассредоточились их люди.

В час ночи пошел дождь. К двум он превратился в ливень. Люди радовались этому. Ровно в два ринулись на пустырь, как в атаку. Бежали, стараясь не выпустить из виду своего руководителя, ибо куда именно надо бежать, никто не знал. Бежали с тюками, рюкзаками, детьми, знаменами, рейками, картонными и фанерными листами. В мокрой одежде с мокрыми вещами по размокшей земле пустыря в сплошной темноте бежали, задыхаясь, люди, и у всех /65/ хватало сил, потому что убегали они от проклятой бездомной жизни, с великой верой и надеждой.

На месте их ждали организаторы операции и члены комитетов полусоток, созданных заранее и состоявших из шести человек каждый. А каждый член комитета отвечал за свою группу из восьми семей.

Дождь не утихал, темнота не рассеивалась. Под плач детей началась стройка, как штурм. Первый этап — воткнуть в землю древко знамени, вбить колья, накинуть на них тряпье, создать хоть подобие шалаша, чтобы на нем водрузить национальное знамя.

Люди строили жилье для себя, но по указанию членов комитета безропотно оставляли свои участки, чтобы помочь немощным. Жилье, пусть самое примитивное, пусть только контуры его, едва прикрытые, должны быть готовы на всей территории одновременно, иначе ее не удержать.

И вместе с поселком рождалось нечто иное, куда более важное, что каждый ощущал, не отдавая себе в том отчета. Те, кто имели работу, знали, что у ворот фабрик и заводов ходят толпами безработные, готовые в любую минуту заменить их. Им казалось, будто те, что у ворот, только и ждут, чтобы кого-либо выгнали, чтобы покалечился кто-нибудь, все что угодно, только бы освободилось место. Те, кто не имел ночлега, завидовал хорошо устроившимся под мостами или навесами, успевшим захватить лучшие места.

Всю свою жизнь каждый из них в одиночку боролся за это место под мостом, за место на медных рудниках, на скотоводческих фермах. И в каждом, кто так же в одиночку боролся за свое место в жизни, видел конкурента. Всю свою жизнь эти люди, будучи незнакомыми, неприязненно, а то и с ненавистью относились друг к другу.

Строя шалашный поселок, впервые ощутили, что они — люди одного класса, один коллектив, и интересы у них общие и главный их враг — Костабалы и им подобные. Впервые ощутили великую гордость и ответственность за общее дело, ибо десятки и десятки бездомных вошли в комитеты матерей, безработных, молодежных, бытовых и еще нескольких, организованных в каждой полусотке коммунистами, которые уже в первый час стройки создали свою /66/ территориальную организацию в этом новом поселке, названном Бандера, что значит — знамя.

А стройка продолжалась. Уже заканчивали натягивать палатку для медпункта, когда налетели карабинеры, оцепившие поселок.

Слишком поздно. Светило раннее солнце, сушились во «дворах» вещи, бегали возбужденные ночным происшествием дети, а на всех шалашах и палатках висели национальные флаги.

Карабинеров встретил коммунист — депутат парламента. Лицо официальное и неприкосновенное. Прибыли и другие прогрессивные деятели — опытные юристы, заранее подготовившие петиции к властям от имени застройщиков, которые, оказывается, делали какие-то взносы в строительную корпорацию, и хотя деньги небольшие, даже смешно называть их деньгами, но все-таки это взносы, и надо еще разобраться, действительно ли их мало, чтобы занять участок. Правда, без ведома Костабалов пустырь вообще занимать нельзя, но и тут надо разобраться, кто это все так напутал. В петициях было дано множество ссылок на законы, поправки к законам, и становилось ясно: просто сгонять сейчас людей с пустыря нельзя. Вопрос может решить только суд.

Это и объяснил депутат парламента полицейскому начальнику. И тот охотно принял подобное объяснение. Он хорошо знал характер чилийцев, видел, что их здесь полторы тысячи, а откуда полетит в голову камень, не увидишь. И перед начальством есть оправдание: не разрешил сносить шалаша депутат парламента.

Блокада поселка длилась пять дней. За эти дни многие наголодались, многие лишились работы, но утвердились на пустыре прочно. Судебная тяжба — дело долгое, и платить судебные пошлины должен тот, кто в суд обращается. Впрочем, на этот раз вопрос решился быстро. Спустя полгода правительство Фрея не то выплатило Костабалам стоимость земли, не то предоставило им другой участок.

А еще через полгода очередные триста семей бездомных заселили по соседству еще часть пустыря. Операция прошла более успешно. Во-первых, потому, что уже имелся опыт, а во-вторых, люди первого поселка, состоявшего теперь не из шалашей, а сараев, вышли ночью на помощь вновь прибывшим» /67/

К 1970 г. был «освоен» весь пустырь. Теперь здесь больше тысячи сараев. Это и есть поселок Бандера, входящий в столичный район Гранха, где алькальдом — коммунист, бывший плотник с мебельной фабрики Педро Кабесас. На последних муниципальных выборах он получил больше всех голосов. И вообще коммунисты в этом районе пользуются огромным авторитетом. Но и

ответственность на них, на социалистов, на представителей других партий Народного единства легла огромная. Жить в сарае, конечно, лучше, чем под мостом. Но сарай остается сараем. Керосиновое освещение, земляные полы, отсутствие канализации не могут не тревожить алькальда и весь муниципалитет.

Сегодня жилищная проблема в Чили едва ли не самая острая. В стране не хватает четырехсот тысяч жилищ для трех миллионов жителей. Каждый третий чилиец либо не имеет жилья, либо оно непригодно для жилья. Сто тысяч домов не имеют воды. По восемь человек живут в одной комнате. Это наследие прошлых режимов тягчайшим грузом легло на правительство Народного единства. И оно приняло «Чрезвычайный план строительства ста тысяч жилищ». Уже первое полугодие показало, что план будет перевыполнен.

Немалое место в плане отведено району Гранха. Я осматривал этот район, особенно поселок Бандера, и меня поражало одно обстоятельство. Поселки нищеты в разных странах разные. В Сингапуре, например, они сосредоточены на старых баржах. Перепрыгивая с одной на другую, рыщут там голодные собаки, но чаек не увидишь: ничто съедобное не летит за борт. По дну барж ползают дети. Здесь они рождаются, здесь умирают. В Индии жилье нищеты чаще всего сделано из упаковочного материала, и их карликовые картонно-фанерные домики лепятся друг к другу, как ячейки в сотах. Совсем по-другому выглядят трущобы Парижа. Но есть одно общее для всех поселков нищеты: лица и фигуры людей. Они выражают безнадежность. Полное безразличие ко всему окружающему. Кажется, людям совсем неважно, будут они жить или нет.

Поселок Бандера, особенно та его часть, где еще не успели соорудить сараев,— одна из разновидностей поселков нищеты. Но вот лица людей не могут не удивлять. Жизнерадостные, веселые. Чему же радоваться? /68/

— Поедьте, посмотрите,— сказал секретарь райкома Коммунистической партии Оскар Рамос

Мы поехали вчетвером — Оскар Рамос, Педро Кабесас и архитектор района коммунист Франциско Эйхо. В глубине поселка Рамос сказал:

— Остановите машину, где вам хочется.

— Ну, хотя бы здесь.

У ограды какая-то женщина кричала:

— Реже, Реже, сейчас же домой!

Мы вышли из машины, и Кабесас спросил, можно ли войти в ее дом. Она радостно заулыбалась. Видно, хорошо знала своего алькальда. Конечно, можно.

В доме две комнаты, одна из них — детская, и кухня. Всего тридцать два квадратных метра. Три кровати. Здесь живут восемь человек. Рабочий лесопильного завода Филимер Арамед, его жена Гирея и их шестеро детей. Филимер и Гирея имеют отдельную кровать, а дети спят по трое на одной. В земляной пол вбиты четыре кола, на них щит. Это единственный стол в доме. Три самодельных стула, лавка. Стены и потолок сделаны из горбыля. Повсюду щели. В детской много тряпичных кукол. Они аккуратно рассажены на постелях.

— Когда идет дождь,— радостно говорит Гирея,— нам все равно где находиться — на улице или в доме. Здесь все заливают.

Она улыбается, улыбаются и мои спутники.

— Ну, хватит,— говорит Педро Кабесас,— пошли во двор. Позади жилища Гирей на ее участке строится кирпичный дом.

Еще немного, и подведут под крышу. А готов он будет через три месяца. И переедет сюда Гирея со своей семьей.

Темнело. Но вдоль всей улицы, по обе ее стороны, были отчетливо видны позади сараев кирпичные остовы будущих коттеджей.

Вот почему улыбались люди поселка нищеты. И еще потому, что теперь Гирея получает бесплатно три литра молока в день. По пол-литра на ребенка, как получает каждый ребенок Чили.

Стены огромного сарая, где помещается контора строительства городка, заклеены списками, в которых точно указано, кто и когда Получит новую квартиру. А на большом плакате дана таблица, /69/ по которой определялась очередность. Здесь два главных критерия: зарплата и количество детей. Чем меньше зарплата и больше детей, тем быстрее семья получит квартиру.

Как же не радоваться простому люду из поселка нищеты!

НА ОГНЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Летом на Огненной Земле ветры не дуют. Но лето короткое — самый конец декабря и январь. И зимние месяцы — июнь, июль, август — почти безветренны. А в остальное время года стихия бушует. Ее выдерживают только самые устойчивые сорта красного дуба. На нем незарастаемые следы тягчайшей борьбы. Листьев почти нет. Каждую ветку будто крутили вдоль оси, а потом заламывали назад, пытаясь завязать петлю, но так и оставили, и торчат они в неестественно согнутом состоянии. И ствол скручен, он весь в узлах и наростах, будто исполинская сила выжимала из него соки, как выжимают белье, а скрутив до отказа, еще и выгибала то вниз, то вверх, то в стороны. Волокна в стволе идут не прямо, а загнуты в клубки, и колоть его почти невозможно. Так и стоит на Огненной Земле красный дуб, страшный и великолепный в своем уродстве.

Я смотрел на деревья, слушал скотоводов, тех, кто всю жизнь разводил овец в степях Огненной Земли, и тех, кто, охваченный золотой лихорадкой, пересекал материки и океаны, чтобы достичь Магелланова пролива, готовый хоть вплавь перебраться на заветный берег Огненной Земли.

Здесь они жаждали бури. Жаждали увидеть вздыбленный штормовой океан. В такие дни проклинали все на свете моряки, они гибли в обломках разбитых о скалы кораблей, а игроки удачи в /70/ безумной радости и сами, точно обезумевшие, метались по берегу. Бывший золотоискатель, а ныне скотовод Натали Масло рассказал мне, что в тихие дни он намывал не больше двух граммов золота, а в сильную бурю — до пятидесяти, а иной раз и до ста граммов.

Но и большая удача страшна. Ни отдыхать, ни спать не придется, пока не выберется удачник куда-нибудь подальше от свидетелей своего богатства. Нередко на добычу уходили двое, а возвращался один. И этот один с двойной добычей страшился не суда. Какие там суды! Страшился, что в любую минуту может стать добычей третьего. А у тысяч тех, кто шел на Огненную Землю за золотом и не находил его, кто, отчаявшись, проклинал жизнь, не имея средств выбраться оттуда, оставался единственный выход — идти пеоном в могущественную компанию латифундистов «Огненная Земля». Компания имела миллион гектаров земли, миллион овец, сотни мясокомбинатов, заводов по переработке шерсти и кожи. Ее владения распластались по обе стороны Магелланова пролива, захватив почти всю Огненную Землю, включая и ту часть острова, что принадлежит Аргентине, и просторы чилийской Патагонии с обширным районом Последней Надежды, и всей провинции Магальянес.

Компания насчитывала семь тысяч акционеров. За этой цифрой маскировалось меньше двух десятков подлинных хозяев «Огненной Земли», в руках которых находилось до восьмидесяти процентов акций. Среди владельцев — Педро Подкленович, Кампос Менендес, бывший президент Виделла, церковь, представители иностранного капитала.

«Огненная Земля» торговала со многими странами, то и дело тесня на международном рынке шерсти таких сильных конкурентов, как Австралия и Англия. И чем больше были ее доходы, тем сильнее гнула и скручивала людей, отбирая самых сильных из множества жаждущих работы. Ее могущество росло и, казалось, как невозможно укротить стихию, уродующую красный дуб Огненной Земли, так и найти силы, способной обуздать «Огненную Землю», и она вечно будет властвовать над людьми.

Победа Народного единства обезглавила «Огненную Землю», экспроприировав все ее владения.

Мне предстояло посмотреть, как управляют ими те, кто был у /71/ компании пеонами, пастухами, рабочими. Именно в их руки перешли земли, стада, предприятия компании.

С тревогой пересекал я Магелланов пролив, ибо до этого имел немало встреч с открытыми и замаскированными врагами нового строя, немало перелистал страниц «Меркурио» — самой крупной, самой многотиражной и сомой реакционной газеты Чили, щедро финансируемой банковской корпорацией Эдвардсов, еще находился под впечатлением беседы с правофланговым чилийской реакции — председателем Верховного суда. И все они в разной форме, то откровенно злобно, то пряча злобу за слюнявой пеленой демагогии о благе народа, рисовали мрачную перспективу для экономики, что принесет аграрная реформа.

Тихим и ласковым, трогательно заботящемся о людях выглядел беспощадный и жестокий Николас Симунович, один из крупнейших латифундистов страны. Он принял меня в своем особняке в центре провинции Магальянес городе Пунта-Аренасе на берегу Магелланова пролива.

— Я родился и вырос на Огненной Земле,— сказал он.— Начал свою карьеру на голом месте, и все, чего достиг, это только вот этими руками,— и поднял ладонями вверх, развел в стороны свои большие и сильные руки.— ...И головой,— добавил помолчав.

На вопрос, чего же он достиг, Симунович отвечал задумчиво, как бы оглядываясь на всю свою жизнь. Не так уж и много, другие добиваются большего, но все-таки не стыдно ему перед людьми. Кое-что, конечно, сделал.

В его рассказах несколько пропусков, поэтому приводя их, я тоже в соответствующих местах буду делать пропуски.

Восемьдесят лет назад его отец отправился на Огненную Землю искать золото (пропуск). Когда Николасу исполнилось двадцать лет, отец послал его в Европу изучать шерсть. Несколько лет провел в Англии, Австрии, Бельгии, Югославии... На какие деньги?., (пропуск). Затем вернулся на Огненную Землю и поступил в качестве рядового служащего на фирму по перепродаже шерсти, принадлежавшую англичанину, французу и немцу. Вскоре стал их компаньоном на разных началах (пропуск). Потом выкупил их паи (пропуск) и стал единственным владельцем фирмы. Чтобы заниматься /72/ не перепродажей, а продавать кожу и шерсть собственного производства, пришлось купить около тридцати тысяч овец (пропуск). По местным условиям, чтобы прокормить овцу, нужен гектар земли. Купил (пропуск) тридцать три тысячи гектаров земли. Обработкой шерсти и кожи, производством мяса, естественно, выгоднее заниматься самому. Купил (пропуск) и построил мясокомбинат и кожевенный завод в Пунта-Аренасе, мясокомбинат и фабрику по переработке шерсти в Сантьяго (пропуск), ну, еще на паях с компаньонами банк (пропуск), вскоре открывший отделения в других городах.

Вот и все, чего он достиг собственными руками. Дальше Симунович говорил так, как пишут у нас в фельетонах, если хотят карикатурно изобразить капиталиста. Но говорил серьезно, убежденно, прижимая руку к груди:

— Поймите, мне ведь два обеда в день не надо. И два костюма одновременно я не надену. Для того чтобы хорошо жить, достаточно одного маленького предприятия. А я постоянно увеличиваю свое хозяйство. Во имя чего? Только для того, чтобы дать людям работу, чтобы сделать их счастливыми. Это приносит мне огромное удовлетворение, во имя этого я живу.

Спустя несколько дней мы поехали с Симуновичем на его предприятия. Ему хотелось показать, как умело организовал он производство, а мне хотелось посмотреть на осчастливленных им людей. Не стану подробно описывать технологический процесс убоя овец и разделки туш. Неэстетично. Скажу лишь о необходимом. Именно на производстве я убедился, что в главном Симунович прав: чтобы увеличить богатство, он работает головой. Я не видел, как он работает собственными руками. А вот головой... Судите сами.

Огромное стадо медленно движется в загон сквозь узкую дверь. Здесь двое рабочих хватают по овце, забивают их и туши бросают на конвейер. В нескольких шагах еще двое навешивают туши на движущиеся крюки и совершают первую операцию по разделке. Туши движутся, переходя из рук в руки, пока освежеванные, выпотрошенные, вымытые не попадают в холодильное помещение. По другим конвейерным путям идут шкуры, потроха, отбросы. /73/

Чтобы увеличить производительность, Симунович не стал ускорять ход конвейера. Может быть, потому, что это было уже невозможно. Он увеличил штат. На убое овец стоял, один человек, а Симунович поставил двоих. И на разделку стало поступать ровно вдвое больше туш. И ровно вдвое быстрее пришлось работать всем остальным. Казалось бы, пустяк—увеличил штат только на одного человека, а производительность всего предприятия удвоилась.

Это результат работы головы Симуновича и рук рабочих. Я видел, как они работают. Это фокусники. Это жонглеры. Движения молниеносны и точно рассчитаны. За их руками невозможно уследить. Их руки с ножами мелькали, как спицы в велосипедном колесе. А два огромных пария все забивали и забивали овец, и туши неумолимо двигались на людей. И стоял человек возле этих двоих, не то надсмотрщик, не то администратор, только затем, чтобы не дать им снизить темпа

убоя. Он стоял-, и тупо смотрел на них, и они, под этим взглядом и включившись в бешеный ритм разделщиков, бросали и бросали на конвейер обезглавленные туши, и казалось, будто они сыплются из необъятного бункера.

Восхищенно смотрел на эту картину Симунович, то и дело подталкивая меня локтем, чтобы и я любовался ею, чтобы в полной мере оценил плоды его труда. Из меланхолично задумчивого, каким он был у себя дома, этот человек превратился в комок энергии. Он полностью включился в темп своего производства. С нестарческой поспешностью бегал от одного агрегата к другому, раздражаясь от того, что я не тороплюсь за ним. В холодильнике поднимал и бросал туши, чтобы я слышал, как они хорошо заморожены, стучал пакетами в целлофане и шептал с придыханием: «Почки, мозги, языки... Это в Европу». Точно полоскал руки в высушенной и распушенной шерсти, растягивал мокрые, обработанные шкуры: «Это тоже в Европу, в Италию...»

Потом, позже, уже без Симуновича я видел, как, отработав смену, шли домой рабочие. Шли молча, тяжело, с упавшими на грудь головами, как идут каторжники. А у ворот с завистью смотрели на них десятка два безработных. Я видел их стоявших у ворот и в тот момент, когда шел вместе с Симуновичем. Они и на него смотрели. С мольбой и надеждой. Он их не заметил. Успокоившись, /74/ объяснял мне, что психологически готовится к трудным дням, которые неизбежно наступят. Ему заплатят лишь десять процентов стоимости, а остальное с рассрочкой на двадцать лет. И он останется ни с чем, даже пенсию не дадут. И плоды его труда не достанутся сыновьям. Впрочем, за сыновей он спокоен. Оба они учатся в университете и будут твердо стоять на ногах.

Главное, что беспокоит, это необразованность тех, в чьи руки попадет его добро. Надо ведь знать, как воспроизводить стада, какой процент молодняка оставлять для потомства. Надо очень много знать. Шерсть на мировом рынке все больше вытесняется синтетикой, и цены на нее падают. В прошлом году он продавал килограмм шерсти за 1,2 доллара, а в этом году—по 0,7 доллара. Надо внимательно следить за конъюнктурой мирового рынка. Как же с этим справятся пастухи и пеоны?

Симунович объяснял мне все это, как бы ища сочувствия и поддержки, подчеркивая, что не о себе заботится, а о людях. Он говорил как-то просяще, словно надеясь, авось я похлопочу за него и останется в его жизни все по-прежнему.

Я не стал хлопотать. Тем более что за его сыновей я тоже спокоен. Ведь едва ли доллары, которые платит ему сегодня Европа, он вложит в производство. Судя по всему, сейчас он только продает, а доллары оседают на его счетах в иностранных банках.

Посмотрев на несметные его стада, на ограды колючей проволоки, за которыми, как тихие волны, колыхались спины овец, я отправился на Огненную Землю. Хотел узнать, как ведется хозяйство на фермах, принадлежавших компании «Огненная Земля». Как, в самом деле, пастухи и пеоны управляют с делом.

Мы отправились вместе с известным чилийским писателем коммунистом Франсиско Колоане и директором КОРИ провинции Магальянес Америко Фонтано Гонсалесом (КОРИ — государственный орган министерства сельского хозяйства по проведению аграрной реформы).

На юге Чили—и в районах Последней Надежды, и на Огненной Земле, и во всей провинции Магальянес Колоане знают не только потому, что он лауреат Национальной премии и его произведения включены в хрестоматии и школьные программы. Его знают лично, /75/ ибо здесь его родные места, где он был и пеоном, и пастухом, и моряком, и рыбаком, где охотился на китов и тюленей, где учился, и пешком исходил эти земли, и знает водные пути в бесчисленных фиордах, и бескрайнюю Патагонию, и дикие Пампы, и индийские поселения острова Чилоэ.

Человек удивительного обаяния и большого писательского дара, горячо любимый людьми, »он не упускал случая, чтобы не рассказать им о политике и делах коммунистической партии и правительства Народного единства. Его слушали то затаив дыхание, то громко смеясь, то с гневными возгласами, когда речь шла о внутренней и внешней реакции. И подобная пропагандистская работа имеет огромное значение, ибо реакция в это тревожное время развивает фантастического размаха провокационную деятельность. Об этом подробно рассказал Америко Фонтано Гонсалес, голубоглазый светлый шатен, молодой и скромный, даже стеснительный,

обладающий огромной волей, возглавляющий один из острейших участков борьбы чилийского народа за свои права. Человек большой эрудиции, получивший специальное образование по технологии животноводства, отлично знающий все изменения в конъюнктуре на мировом рынке шерсти, твердый в решениях и добрый к людям он так же, как и его друг Колоане, радостно встречался со скотоводами Огненной Земли, рабочими-нефтяниками, фермерами, пеонами. Из его рассказов я узнал многое.

Пять миллионов гектаров земли провинции Магальянес, занимающей самую южную часть земного шара, не подлежат обработке. Это камни, скалы, вечные снега, вечные льды. По четыре миллиона занимают леса и пастбища. Из трех с половиной миллионов гектаров пахотной земли два миллиона принадлежит частным лицам. Среди них и такие, как Симунович, и те, кого по нашей терминологии можно назвать бедняками, середняками, кулаками. И как только началась экспроприация крупных хозяйств, сработал заранее подготовленный механизм для контрудара. Началась продуманная, провокационная кампания реакции. Как чума, распространился по всей Патагонии слух, будто землю, даже бедняцкую, отберет государство. Чтобы люди поверили в этот нелепый слух, были организованы налеты свержлевецких элементов на частные земли, были /76/ спровоцированы кровавые столкновения, и все это раздутое, разукрашенное, расцвеченное лихой фантазией «Меркурио» и реакционной печатью Запада распространялось среди чилийских крестьян. И немало владельцев мелких и средних хозяйств, конечно же, не подлежавших экспроприации, поверили. Одни из них заняли выжидательную позицию, другие стали лихорадочно сбывать продукцию своего труда, пусть даже по бросовым ценам, и едва ли кто думал о дальнейшем развитии хозяйства.

Предчувствуя не мнимую, а реальную угрозу, латифундисты бросились было сбывать землю и стада. Да кто же купит в такое смутное время? И от того, что землю можно взять совсем по дешевке, а никто не берет ее, тревога увеличивалась.

Потребовалось немало усилий, чтобы разоблачить провокаторов и заглушить вой реакции.

... На Огненную Землю из Пунта-Аренаса мы летим втроем.. Наняли маленький самолетик, и его владелец, добродушный летчик Леонидас Кобас, в знак особого уважения к советскому человеку предложил без дополнительной оплаты показать с воздуха всю провинцию Магальянес. Нет, не города и поселки, а ее дикую природу.

Фиорды, фиорды, фиорды... Тысячи, тысячи островов, островков, скал. Вулканы, вечные снега, вечные льды, вечное безмолвие. Особенно низко летим над районом плывучих ледников. Величественно течет с гор самый большой глетчер. Пока были на высоте двух тысяч метров, казалось, то он широк, как Волга. Но вот, мы совсем низко, идем на ледник, будто на посадку. Я сижу рядом с Кобасом, который говорит: «Ширина глетчера — пятнадцать километров. Толщина льда — до 15 метров». Лед неповторимо чистой, прозрачной и удивительно нежной голубизны, иссечен и образовались острые, как на исполинской пиле, зубья.

— Удобное для посадки место,— говорит Франсиско, а лихой летчик делает разворот над этим глетчером, и мы летим над озером, где плывут льдины, спустившиеся с гор.

Берем курс на Огненную Землю. Где-то очень далеко снега и льдины создали фантастическую, но воспринимаемую совершенно реально картину. Будто в блеске солнца тянутся могучие крепостные стены, и сама крепость, и нагромождение домов... Это западное побережье /77/ острова, самая его высокая гряда. Вблизи миражи рассеиваются, и кажется, что попал в Антарктиду.

А восточное побережье—степи, холмы. Где-то там и поныне бродят точно отверженные одиночки в поисках золота. Два океана Омывают остров и властвуют там как хотят. От них и льды, и нестерпимая жара.

Пролетев над Портвиниром — столицей Огненной Земли, приземлились далеко на юго-западе от нее на чистом поле, близ поселений скотоводов Камерона и Тимаукеля. Самолет попрыгал на кочках, подрулил к маленькому навесу и встал.

Полное разочарование. Какая же это Огненная Земля? Степь, степь, да невысокие холмы. Прибывшая за нами машина выезжает на грунтовую дорогу, забитую кикенами — дикими гусями. Уступать дорогу они не хотят, поднимаются в воздух тяжело и лениво, буквально перед самым

радиатором. Едем вдоль Магелланова пролива. На большой отмели длинная, полукругом низенькая каменная ограда. Ее построили еще индейцы. Во время отлива Она задерживала рыбу.

Неизменная деталь чилийского пейзажа, как только выедешь за пределы города,— колючая проволока. Ею перегорожены поля, леса, перелески, гористая местность, вся земля. Это границы частных владений. Проволокой расчерчена и Огненная Земля. И еще характерная черта пейзажа. На полевых дорогах обязательно встретишь пастуха на лошади, а за ним — запасную оседланную лошадь и несколько собак. Собаки умные, отлично несущие службу. Они остро чувствуют малейшие нюансы в свисте пастуха, и по его свисту легко управляют многотысячным стадом.

Животноводческая ферма Камерон, куда мы прибыли, лежала в ложбине. Небольшой разбросанный поселок. Изуродованный ветрами красный дуб. Повсюду сушатся овечьи шкуры. На специальных перекладинах, на перилах моста, на деревьях. Раньше ферма Камерон принадлежала компании «Огненная Земля». Теперь — госхоз — государственное хозяйство. Им управляет исполнительный комитет из пяти человек, избранный на общем собрании. Председатель комитета Рауль Казакова, человек солидный, авторитетный. Два года он работал в образцовых фермах Новой Зеландии, изучая скотоводство /78/ и корма. Затем шестнадцать лет на Огненной Земле в качестве администратора маленькой фермы. Теперь ему доверено крупное хозяйство Камерона: 186 тысяч гектаров земли, 130 тысяч овец, 1700 коров, 460 лошадей. Членом исполкома и правой рукой председателя является старший пастух Альберто Баркес. Высокий, красивый, с большими баками сильный человек. Опыта и ему не занимать. Из своих тридцати шести лет он двадцать два в скотоводстве. Член исполкома Мануэль Эляскес — фигура весьма ответственная — мастер по стрижке овец. Мастер высокого класса. Механик Ромон Вильегас ведает в исполкоме тракторами и автомашинами. Пятым членом исполкома является пеон Ромон Баскес, человек энергичный, трудолюбивый, всеми уважаемый.

Мы сидели в здании исполкома фермы и беседовали о ее делах. На вопрос, не упали ли доходы после экспроприации, Альберто Баркес удивленно развел руки:

— Как же они могут упасть? Ведь все хозяйство и раньше мы сами вели. Только доходы в другое место шли.

— Понимаете,— вмешался в разговор Америко Гонсалес.— На этой ферме внешне почти ничего не изменилось. Зарабатывают люди столько же, сколько и раньше. Продукции дают не больше, хотя, конечно же, и не меньше. А по существу, здесь произошла революция. Главное в ней то, что люди стали людьми. Из одиночек, постоянно находившихся под страхом остаться без работы, неуверенных в будущем, они превратились в коллектив, имеющий собственное хозяйство. И весь коллектив о нем заботится. Впервые о жизни люди несут общественные функции. Созданы комитеты, отвечающие за состояние дорог, за бытовые условия, за рост поголовья, и другие. Человеку из Советского Союза, привыкшему к тому, что общественные функции несут сами же трудящиеся, видимо, трудно сразу оценить, как преобразило это людей, как подняло их достоинство и наполнило гордостью. На общее собрание люди идут как на праздник. А когда впервые на него пригласили женщин и предложили им занять первые ряды, это было событие, равное рождению человека.

— Вы хотите видеть новое,— сказал Гонсалес,— поедemте.

Мы поехали. В нескольких километрах от фермы — хозяйственные и складские здания, огромное помещение для стрижки овец. /79/

А чуть подальше среди деревьев — два аккуратных домика. Это школьный интернат. Нас встречает учитель Эдуарде Соварсо. В интернате двадцать восемь детей. Вот спальня мальчиков. Аккуратно заправлены койки, чисто, уютно. Спальня девочек в другом помещении. На одной из коек у подушки трогательно примостилась куколка с обиженным лицом.

Учебные помещения скромные, но повсюду чистота, на стенах детские рисунки, стенная газета.

Пять дней в неделю дети находятся в интернате, два дня—дома.

И все это на Огненной Земле, там, где властвовала «Огненная Земля». Интернат полностью содержится на государственные средства. К тому времени, о котором идет речь, уже через полгода после победы Народного единства в девятнадцати из двадцати пяти провинций Чили под контроль КОРИ перешло 381 крупное имение. Свыше пяти тысяч крестьян получили землю. Темпы

аграрной реформы нарастали. Для выкупа земли у латифундистов отпускаются большие средства. Бюджет КОРИ увеличился втрое и составляет более трех с половиной миллиардов эскудо. Эти деньги пойдут на выкуп земли для тридцати тысяч крестьян.

Я разговаривал со многими рабочими на нескольких фермах. И, пожалуй, лучше всех объяснил мне внутреннее состояние людей бывший объездчик диких лошадей Мануэль Симантранс. Ему пятьдесят восемь лет, но он крепок и ловок. Это старый приятель Франсиско Колоане, который нас познакомил и рассказал историю своего знакомства с Мануэлем. Объездчик охотился за дикими быками, и они вместо того, чтобы убегать, вдруг ринулись на него, забили рогами лошадь, и Мануэль оказался под нею. И то ли подумали быки, что он тоже мертв, то ли хотели показать человеку свое благородство, но они не тронули его. Вот тогда-то Франсиско и поехал к объездчику, чтобы подробнее расспросить об этой истории.

Мануэль сказал мне:

— Мы будем очень стараться, чтобы у нас все шло хорошо. Будем стараться потому, что раньше доходы шли хозяевам «Огненной Земли», а теперь на оплату миллионов литров молока, что бесплатно получают все дети Чили, на бесплатные интернаты, на строительство ста тысяч квартир, на все, что улучшает жизнь народа. /80/

На следующий день Франсиско Колоане показал мне запись в своем блокноте:

«Мы побывали на четырех фермах и у нефтяников Огненной Земли. Возвращались домой на огромном пароме. Спускаться вниз не хотелось. Мы стояли на палубе. Была ночь, были огромные звезды, были воды Магелланова пролива. И на душе было хорошо».

БРАТЬЯ

На медных рудниках в скалах диких Кордильер, в пустыне Атакаме и Сантьяго, на Огненной Земле и в обширных районах Патагонии — всюду, где довелось побывать, с удивительной теплотой и любовью встречали чилийцы советских людей.

На самом юге Латиноамериканского материка в центре провинции Магальянес — Пунта-Аренасе шло городское собрание коммунистов и тех, кто помогал им в избирательной кампании. Здесь и произошел эпизод, о котором хочу рассказать,

В собрании участвовало человек двести. Оно было торжественным, праздничным. Вместе с Франсиско Колоане и переводчиком мы приехали в город, когда собрание уже началось. Попали туда с большим опозданием. Устроиться тихонько сзади на свободных местах не удалось — Колоане здесь многие знали в лицо. Встретили его радостно, шумными аплодисментами, пригласили пройти вперед. Когда люди утихли, председательствовавший объявил, что вместе с Колоане прибыл советский писатель.

И вот тут-то и произошло совершенно невообразимое. Зал гремел от аплодисментов и здравий в честь Советского Союза. Со всех /81/ сторон неслись возгласы, в которых отчетливо выделялись слова «советико» и «коммуниста». Зал рукоплескал стоя.

Откровенно говоря, я растерялся. Надо было как-то унять эту бурю. И тут в голову пришла мысль, на которой хотелось бы остановиться. За рубежами нашей родины бывают тысячи и тысячи советских людей. Многие потом делятся впечатлениями, выступая в печати, по радио, телевидению. И о том, как их встречали, либо совсем не говорят, либо скороговоркой сообщают о теплых улыбках и рукопожатиях, торопясь при этом заверить, что вся теплота относилась не лично к ним, а к нашей стране.

Подобной оговорки можно бы и не делать за абсолютной очевидностью этой истины. Тем не менее люди словно стесняются рассказывать, как их встречали. А мы ведь знаем, как встречают, например, в той же Латинской Америке представителей США. Не очень тепло встречают. В лучшем случае — безразлично. И это тоже характеризует отношение не к данному гражданину, а к строю его страны. Так пусть они стесняются сообщать о своих встречах за рубежом.

Когда на собрании в Пунта-Аренасе я лихорадочно думал о том, как остановить шквал приветствий, и пришла в голову эта мысль: «А зачем? Почему надо мешать людям выразить свою любовь к нашей родине, к народам нашей страны, к нашему образу жизни? Нет, пусть бушует зал». И еще долго не умолкали приветственные возгласы и рукоплескания. А когда собрание кончилось,

трудно было уйти. Просто физически не отпускали. Задавали вопросы, жали руки, дружески хлопали по плечу. Или просто смотрели. Это ведь тоже немало. Я видел их глаза. Так смотрят родные.

Но может быть, это не показатель отношения к нам чилийцев? Это ведь было собрание только коммунистов и им сочувствующих. Нет, показатель. Я извездил немало чилийских городов и сел, встречался с самыми различными людьми и повсюду видел восторженное к нам отношение. Только выражалось оно по-разному.

В Сантьяго я присутствовал на собрании чилийских писателей. В нем принимали участие итальянский писатель Карл Леви, боливийский писатель Нестор Табоада Теран, испанский — Состре и другие. Гостей представили собравшимся. Как и положено в приличном обществе, их приветствовали аплодисментами. Не буду упираться на то, /82/ что советского представителя встретили с особой теплотой. Но я обратил внимание на рыжего человека, сидевшего поблизости от меня. Он был единственным, кто не аплодировал советскому представителю. Это-то и бросалось в глаза.

Первую речь произнес президент общества писателей Чили Луис Мерино Рейес. Когда он заявил, что абсолютно подавляющее число населения поддерживает правительство Народного единства, рыжий человек громко выкрикнул: «Это ложь!» И потом, на протяжении почти всей речи Рейеса, он бросал реплики, вызывающие возмущение собравшихся, требуя немедленно предоставить ему слово. И когда в ответ на заявление Рейеса, что слова тот не получит, зал одобрительно загудел, рыжий вскочил, закричав: «А я все равно буду говорить».

Говорить ему не дали. Первым бросился к нему романист и исследователь чилийского фольклора Диего Муньес, а за ним еще несколько человек. Рыжий отчаянно сопротивлялся, но под крики всего зала «вывести» его вытолкали за дверь, а потом и вовсе вышвырнули на улицу. Собрание спокойно продолжалось. Когда оно закончилось, ко мне подошло несколько человек. Поэтесса Мария Христиана Менарес сказала:

— Извините, пожалуйста, за этот инцидент, он нам очень неприятен.

Кто-то из иностранных писателей заметил:

— А все-таки зря не дали ему высказаться. Ведь явно все собрание против него. Ну, и пусть освищенный сошел бы с трибуны и не смог бы кричать потом, что нарушена демократия.

— Нет, нельзя было давать ему слова, — решительно возразила поэтесса. — Вы правы, что все собрание против него. И не желает его слушать. А он решил силой заставить нас подчиниться ему. Вот это вы считаете демократией?

Ее оппонент молчал.

— Нет, — вновь заговорила она горячо. — Мы хорошо знаем, о чем он будет говорить. Он выступает не только против единства, но и против всего прогрессивного, что сейчас проводится в стране. Так вот, демократия по-нашему — заглушить голос реакции. Подлинная демократия — это подчинение большинству. /83/

Поэтессу поддержали все стоявшие рядом.

— И знаете, — как бы доверительно сказала она, — в этом инциденте есть еще одна сторона, может быть, главная. Этот тип еще и ярый антисоветчик. И мы не желаем заставлять советского человека слушать клевету на Советский Союз.

К нам подошло еще несколько человек, и спор продолжался. Вернее, это был уже не спор, а беседа единомышленников. Писатели говорили о том, что реакционные силы, не желая мириться с новым строем, ведут атаку против всех мероприятий правительства и что пора положить этому конец.

Один из участников беседы заметил:

— А что касается Советского Союза, то я вполне согласен с Марией. Любой реакционер, выступающий против нового строя, неизменно оказывается и антисоветчиком. И, напротив, всякий антисоветчик рано или поздно проявляет себя как противник Народного единства. Поэтому мы не видим между ними разницы. И как ни парадоксально, но действия реакции еще более укрепляют нашу любовь к Советскому Союзу.

О том, как чилийцы относятся к нам, могу судить по личным впечатлениям. Я не встретил в Чили уголка, где бы любовь к Советскому Союзу не проявлялась. Порой она принимала самые неожиданные и трогательные формы.

Путешествуя по Огненной Земле вместе с Франсиско Колоане и руководителем организации по проведению аграрной реформы Америго Фонтано Гонсалесом, мы поздним вечером забрели в рабочий поселок нефтяников Весьентес. Глава семьи Карен Дисто, на вид ему лет тридцать, работает механиком на государственном заводе по переработке нефти. Заводом это предприятие можно назвать лишь условно, ибо там всего сорок рабочих. Впрочем, предприятие механизировано и продукции дает много. Жена Карена — Миста — жизнерадостная молодая женщина, безработная художница.

В небольшой комнате, разделенной на две низеньким стеллажом, с маленькими креслицами и столиком, кроме хозяев было трое их друзей, рабочих того же завода. Один из них, как и Карен, коммунист, двое — социалисты. В этот поздний вечер они сидели за учебником диалектики, на первой странице которого было написано: /84/ «Перевод с русского». Так за политической литературой, в спорах о будущем своей родины проводят не один вечер эти молодые люди. Наш приход был встречен бурной радостью. Они сразу узнали Франсиско Колоане и радовались тому, что в их доме знаменитый писатель. А когда Америго сказал, что вместе с ним и человек из Советского Союза, люди просто растерялись. Какое-то время с благоговением и молча смотрели на меня, пока Миста не сказала:

— Этого не может быть.

И тут все пришло в движение.

— Садитесь, вот сюда садитесь...

— Нет, вот здесь будет удобнее...

— Как же так, боже мой...

Миста вдруг стала наводить порядок на стеллаже, поправлять скатерть. Двое убежали на кухню. На столе появилось вино, а в руках красивого парня с пышными бакенбардами — гитара.

... Мы сидели до глубокой ночи. Как ни старался я говорить о Чили, разговор шел о Советском Союзе. Когда я сказал об этом, Карен улыбнулся и очень убежденно, как-то душевно ответил:

— Мы ведь ничего не знаем о вашей великой стране. Говорите, пожалуйста, мы просим вас.

— Так уж и ничего? А радио вы слушаете?

— Слушаем. Но Советский Союз нам трудно ловить. Мы каждый день слушаем Америку, и каждый день не верим.

... Паром через Магелланов пролив, который нам предстояло пересечь, чтобы попасть на мыс Последняя Надежда, отходил в четыре утра. И хотя до пристани было недалеко, Карен куда-то убежал и вернулся с двумя машинами. Это были повсеместно распространенные на Огненной Земле, да и в других городах Чили, широкие полугрузовики «Форд», с кабиной, рассчитанной на трех человек.

Когда пришло время прощаться, Миста отвела мужа в сторону. По глазам было видно, что она просит о чем-то. Улыбаясь, он утвердительно и радостно кивал и направился к маске клоуна на стене. Это была удивительная маска, на которую я обратил внимание, как только вошел в дом. Удивительное заключалось в том, что широко улыбающийся клоун готов был вот-вот расплакаться. То ли от того, что я видел маску с разных ракурсов, то ли от освещения, но в какие-то /85/ минуты казалось, будто он только улыбается. А всмотришься;— и видишь, какое большое горе на душе у этого человека, и неизвестно, хватит ли дальше сил балагурить, и хлынут сейчас слезы, и он забьется в истерике.

Маску создала Миста из черной марли. Сначала вылепила заготовку, накрыла ее марлей, пропитанной сильно вяжущим веществом, потом растягивала складки, делала морщинки, накладывала мазки золотой краской. Когда марля отвердела, ее сняли с заготовки. Я не знаю, можно ли называть эту маску произведением искусства, но смотреть на нее хочется долго. И не сразу уходят мысли о судьбе этого человека. Видимо, дольше чем надо смотрел я на него...

Карен снял со стены барельеф, а Миста тщательно завернула его в крафтбумагу и подошла ко мне: — Это в память об Огненной Земле.

Когда Карен еще снимал маску, я понял намерение супругов и твердо решил не брать такого подарка, тем более что Карен сказал:

— Это любимое творение Мисты.

Попытался как можно убедительнее объяснить, почему отказываюсь. Но Миста сказала:

— А вы не можете решать, брать или не брать. Это Огненная Земля посылает Москве. А у вас пусть он на хранении будет, и напишите мне, как будет себя чувствовать. Я ведь, действительно, очень люблю его.

...Машину, в которой мы ехали с переводчиком, вел Карен Дисто, вторую, с Колоане и Гонсалесом — его друг. Было темно до черноты. Шел дождь. Всю дорогу Карен сокрушался: «Ну, как же можно, всего на несколько часов. Что я завтра скажу товарищам по ячейке? Обидятся, почему не позвал».

Заводская ячейка коммунистов состоит из девяти человек. Почти каждый четвертый рабочий — коммунист. В те дни они готовились к созданию организации единого действия. Такие организации создавались повсеместно на предприятиях, в учреждениях, деревнях, учебных заведениях. Их были уже тысячи и тысячи.

Комитеты единого действия, созданные в период подготовки к президентским выборам, сыграли немалую роль в победе левых сил. /86/

Количество этих организаций умножилось к муниципальным выборам, где окончательно утвердилась их дееспособность. Теперь функции их расширились, и они стали надежной опорой нового строя.

... У пристани выяснилось, что паром задерживается минут на сорок.

Карен говорит:

— Это бывает не так уж редко. Течение очень капризно. Оно достигает двадцати километров в час, при ветре до ста километров, да еще дважды в сутки меняет направление. А во время прилива уровень воды поднимается на двенадцать метров. И ничего удивительного,— улыбается он.— Ведь сюда устремляются, здесь сталкиваются воды двух океанов. И неизвестно, какой из них сильнее и свирепее.

Карен достал из-за сиденья большой термос и чашечки. Это предусмотрительная Миста снабдила на всякий случай чаем.

Дождь не утихал. Мелкий, густой, тоскливый. Свет от фонарей увязал в нем и не пробивался на пристань. Волны были черными.

Мы сидели в кабине и пили чай. Карен рассказывал.

Этот остров Магеллан назвал Огненной Землей потому, что, проходя мимо него по проливу, увидел множество огней. Должно быть, горел газ. А теперь здесь один из главных источников чилийской нефти. Большие ее запасы обнаружены на дне Магелланова пролива. Но ставить вышки на таком коварном проливе невозможно. Поэтому к ней подбираются через наклонные штреки, идущие с берега.

Карен с гордостью рассказывал, как впервые в Чили была обнаружена нефть. Два года ее искали немецкие и французские специалисты, но нашел нефть чилийский инженер Эдуардо Симен и вовсе не там, где искали иностранцы. Это был довольно популярный человек, хотя имя его знали немногие. Он был известен больше по кличке «Осьминог», которой удостоили его футбольные болельщики как непревзойденного вратаря. Нефть он обнаружил 28 декабря, а этот день соответствует нашему первому апрелю. Поэтому никто ему не поверил. И только на следующий день открытие Симена признали.

Карен оборвал свой рассказ, словно спохватившись, и снова заговорил /87/ о Советском Союзе. Его теперь интересовало, как в нашей стране относятся к событиям в Чили, к их новому строю, как расценивают у нас положение на его родине. Ему было очень важно знать это. Он так и сказал: «Мне необходимо сообщить товарищам по ячейке точку зрения Советского Союза». Мое замечание о том, что могу высказать лишь свою точку зрения, поделиться личными впечатлениями, он пропустил мимо ушей. Слова советского человека он воспринимал чуть ли не как официальные заявления нашего правительства. И принимал эти слова с огромным уважением, радостью, даже с гордостью.

... Огненная Земля, Патагония, Последняя Надежда, Магелланов пролив... Что-то бесконечно далекое, романтическое, таинственное... Так, возможно, воспринимали чилийцы мою родину на другом берегу океана. Но всем своим существом они вместе с нами. Совсем близко. /88/

II. ДВОЕВЛАСТИЕ

В программе Народного единства сказано: «Народные и революционные силы Чили объединились не для борьбы за простую замену одного президента другим и не для того, чтобы на смену одной правящей партии пришла другая. Они объединились для того, чтобы осуществить коренные преобразования, которых требует положение в стране, на основе передачи власти старых правящих группировок рабочим, крестьянам, прогрессивным средним слоям города и деревни».

Выполнение этого пункта программы дало основание Сальвадору Альенде заявить, что возглавляемое им правительство является правительством трудящихся. Впервые в стране трудящиеся стоят у власти, принимают участие во всех сферах деятельности, начиная с совета национальной экономики и министерств до общественных организаций, таких, как комитеты защиты революции, заводские комитеты.

Выступая 8 января 1972 г. на митинге в Сантьяго в связи с пятидесятилетним юбилеем Компартии Чили, Луис Корвалан сказал: «Все, что делается ныне в Чили при правительстве, возглавляемом товарищем Сальвадором Альенде, направлено на достижение полной независимости родины, подлинной свободы, самой широкой демократии, на достижение того, чтобы все чилийцы освободились от нищеты, имели крышу /89/ над головой и справедливо оплачиваемую работу».

Американские монополии и чилийская олигархия не смирились с победой левых сил, не смирились с потерей власти, богатств.

Особенность этой обстановки состояла в том, что трудящиеся не имели всей полноты политической власти. Правительство, то есть исполнительная власть, состояла из представителей левых партий, а в Национальном конгрессе — законодательном органе — большинство принадлежало правым партиям.

Таким образом в стране создалось двоевластие. Пользуясь арифметическим большинством в Национальном конгрессе, реакция отклоняла или тормозила принятие многих прогрессивных законопроектов, вносимых правительством.

Например, в связи с инфляцией правительство внесло законопроект об увеличении зарплаты трудящимся за счет повышения налогов на десять тысяч представителей наиболее богатых слоев населения. Этот законопроект Национальный конгресс заморозил.

Один из важнейших органов государственной власти — Верховный суд — состоит из реакционеров, деятельность которых направлена на саботаж и подрыв мероприятий правительства.

В министерствах, ведомствах, государственных учреждениях, призванных проводить в жизнь мероприятия правительства, имелись не только его сторонники, но и реакционные элементы.

Неоднороден блок правых партий. В него входит крайне реакционная национальная партия, выражающая интересы крупных промышленников и латифундистов, чисто фашистские организации, такие, например, как «патриа и либертад» и христианско-демократическая /90/ партия, правое большинство которой стоит за насильственное свержение правительства Альенде. Правые партии, хотя формально не объединены, но заранее согласовывают свои действия против правительства.

Неоднородна христианско-демократическая партия: левое крыло партии далеко не во всем согласно с ее правым, реакционным большинством.

Правительство столкнулось с серьезными финансовыми и экономическими трудностями. По вине прежних правительств образовался огромный внешний долг — более четырех миллиардов долларов. В счет долга необходимо выплачивать ежегодно более двухсот миллионов долларов. А валютные поступления резко снизились. Во-первых, потому что международные банки прекратили кредитование. Во-вторых, из-за резкого падения цены на медь на международном рынке, хотя в прошлом она отличалась стабильностью. С 70 центов за фунт при правительстве

Фрея она упала до 48 центов. Как известно, основным источником валютных поступлений для Чили был экспорт меди, и падение цены только на один цент за фунт означает для страны убыток в 15 млн. долларов. А падение цены произошло не на один, а на 22 цента.

Были необходимы крупные капиталовложения для замены сильно изношенного оборудования на национализированных предприятиях. Сельское хозяйство находилось на очень низком уровне и также требовало капиталовложений, в стране насчитывалось более четырехсот тысяч безработных.

К трудностям экономическим прибавились трудности, связанные с действиями реакции. /91/

8 соответствии с программой Народного единства, несмотря на такие сложные условия, правительству предстояло изменить экономическую структуру, ликвидировав господство национального и иностранного монополистического капитала и латифундизма.

В стране были созданы три формы собственности:

1. Государственная. В нее вошли отрасли экономики, которые имеют стратегическое значение, все национализированные предприятия, как иностранные, так и местных компаний, банки.

2. Смешанная. Состоит из государственных и частных предприятий, в том числе торговых. Управляются они смешанной администрацией.

3. Частная. Средние и мелкие предприятия. Более 90 процентов экспорта и 60 процентов импорта перешло под контроль государства.

Уже в 1972 г. 66 процентов национального дохода приходилось на долю трудящихся. Безработица сократилась более чем на половину, широко развернулось жилищное строительство, повысилась зарплата низкооплачиваемым трудящимся и пенсии.

Значительных успехов добилось правительство в области образования. Большинство детей трудящихся в прошлом не имело возможности учиться. Благодаря принятым мерам к концу 1972 г. школы посещали 97 процентов детей. Легче стало получить среднее и высшее образование. Значительные успехи были достигнуты и в области здравоохранения.

Серьезные изменения произошли в сельском хозяйстве. К началу 1973 г. аграрная реформа в основном завершилась. Было покончено с крупным помещичьим землевладением, экспроприировано /92/ свыше 3500 латифундий. Более девяти миллионов гектаров земли перешло крестьянам. В стране начали действовать комитет по национальному планированию и комитет по национальной экономике. Правительство совместно с Единым профсоюзным центром разработало формы участия трудящихся в управлении экономикой. На предприятиях появились административные советы, состоящие из представителей государства и данного предприятия.

Формой участия трудящихся в управлении государственными заводами и фабриками явились также созданные самими трудящимися производственные комитеты, которые стали следить за выполнением планов, трудовой дисциплиной, за всей работой цехов.

На частных предприятиях возникли комитеты надзора за производством. Они вели борьбу с саботажем и не только не давали свертывать производство, но активно помогали увеличить выпуск продукции, обеспечить подвоз сырья, максимально использовать оборудование.

Народное единство покончило с политикой ориентации только на капиталистические страны, главным образом на США, как это было раньше, и стало проводить независимую политику суверенного государства.

Вторжение монополий США в страны Латинской Америки началось в 1947 году. Тогда же этим странам был навязан договор о «взаимной помощи». Таким образом был создан под иностранным контролем военно-политический блок, который усиливал политическую и военную зависимость латиноамериканских стран, ограничивал их суверенитет. В том же году под давлением /93/ империалистов Чили разорвала дипломатические отношения с СССР.

В последующие годы американский капитал все глубже проникал во все отрасли жизни Чили, фактически контролировал чилийскую экономику. И вдруг — полный суверенитет Чили. Никакого вмешательства извне. Не такова сущность империализма, чтобы смириться с этим.

Ряд банков, такие, как «Международный банк», «Межамериканский банк развития» и другие, прекратили кредитование чилийской промышленности. Многие фирмы США прекратили поставку запасных частей, чем поставили в тягчайшее положение многие предприятия, в

особенности по производству меди — ведь станки и оборудование были американскими. Резко сократились поставки оборудования, готовых изделий, продовольствия, медикаментов.

Началась прямая агрессия против правительства Чили. И хотя чисто военных действий нет, линии фронта не существует, агрессия налицо.

Сальвадор Альенде в одном из своих выступлений в декабре 1972 г. сказал: «Как говорил наш большой друг и товарищ, лауреат Нобелевской премии поэт Пабло Неруда, Чили превращается в «молчаливый Вьетнам», без грохота самолетов и разрывов гранат, но с теми же чувствами: миллионы наших соотечественников чувствуют то явное и неявное окружение, которое существует вокруг нашей страны». /94/

ТАЙНЫЙ СГОВОР

В марте 1972 г. газета «Вашингтон пост» начала публикацию серии статей журналиста Джека Андерсона, содержащих информацию о секретных документах компании «Интернейшнл телефон энд телеграф» — ИТТ, свидетельствующих о том, что высшее руководство этой компании планировало вмешательство во внутривнутриполитическую жизнь Чили, чтобы не допустить избрания в 1970 г. Сальвадора Альенде на пост президента.

О разоблачениях Андерсона лондонская газета «Обсервер» писала: «24 страницы памяток и писем, представленных для всеобщего обозрения, рассказывали в злобещих подробностях, как официальные представители ИТТ обсуждали между собой и с видными деятелями ЦРУ и государственного департамента, в какой мере было возможно помешать Альенде стать президентом Чили, страны, в которой ИТТ имела значительные капиталовложения».

Документы характеризуют ИТТ как фактически самостоятельное государство с доступом к высшим должностным лицам Вашингтона, своим собственным разведывательным аппаратом и даже своей системой засекречивания материалов.

Документы говорят о том, что руководство ИТТ поддерживало тесные контакты с Уильямом Броу, который в 1970 г. руководил латиноамериканским отделом секретной службы ЦРУ. Совместно они разрабатывали планы создания экономического хаоса в Чили, надеясь, что это толкнет чилийскую /95/ армию к совершению переворота, который помешает Альенде прийти к власти.

Член совета директоров ИТТ и ее исполкома Джон Маккоун, бывший руководитель ЦРУ, сыграл определенную роль в этом заговоре. 8 газете приводится секретное сообщение, которое Маккоун получил 9 октября 1970 г. от Уильяма Мерриама, вице-президента ИТТ, ведавшего вашингтонскими отделениями компании,

Мерриам писал следующее: «Мы продолжаем обращаться к отдельным представителям вооруженных сил Чили в надежде побудить их возглавить какое-либо восстание». В этом же сообщении говорилось, что попытки спровоцировать армейское руководство на выступление пока остаются безуспешными.

О заговоре, имевшем целью военный переворот в результате экономического давления, говорится также в секретном сообщении по телексу от 29 сентября 1970 г., полученном президентом ИТТ Гарольдом Дженнином от одного из его вице-президентов Э. Дж. Джеррити. В этом сообщении перечислялись основные задачи ИТТ в деле дезорганизации экономики Чили, заключавшиеся, в частности, в следующем:

1. Банки не должны возобновлять кредиты или должны затягивать их предоставление.
2. Компании должны задерживать посылку денег, поставки, отправку запасных частей и т. д.
3. Сберегательные и кредитные компании в Чили переживают трудности. Если оказать нажим, они будут вынуждены закрыть свои двери и тем самым создать в стране напряженное положение.
4. Мы должны прекратить оказание всякой технической помощи.

В документах приводится заявление руководства ИТТ о том, что ИТТ готова пожертвовать «сумму, выражающуюся семизначной цифрой, чтобы помешать Альенде прийти к власти».

В откликах чилийской печати на разоблачения деятельности ИТТ говорилось, что агенты ЦРУ находились и находятся в постоянном контакте с рядом чилийских политических деятелей всех уровней.

Об этом, в частности, писал директор национального телевидения Аугусто Оливарес в статье «Политический стриптиз».

31 марта 1972 г. в Сантьяго была создана специальная комиссия /96/ по расследованию фактов вмешательства иностранных концернов и ЦРУ во внутренние дела Чили.

3 апреля 1972 г. «Эль Сигло» опубликовала интервью с Джеком Андерсоном. ИТТ, по его словам, не отказалась от мысли свергнуть правительство Альенде, и что он в ближайшее время опубликует новые материалы.

23 марта 1972 г. Государственный департамент США заявил, что США не занимались «никакой неподобающей деятельностью во время выборов в Чили в 1970 г.».

Представитель ЦРУ Уильям Броу посетил вице-президента ИТТ Джеррити-младшего в его нью-йоркской квартире, чтобы предложить ИТТ принять участие в планах создания хаоса в чилийской экономике и тем самым вызвать военный переворот и отстранить Альенде от власти.

Один из деятелей, представляющих ИТТ в Чили, Джек Нил. Он выразил глубокую озабоченность президента компании ИТТ и председателя ее правления Гарольда Дженнина развитием событий в Чили «не только с точки зрения наших огромных капиталовложений, но и в связи с угрозой всему полушарию».

1 апреля 1972 г. «Бизнес уик» сообщал, что, по заявлению бывшего директора ЦРУ Джона Маккоуна, руководители ИТТ действительно обсуждали меры, направленные против избрания Альенде. Маккоун не отрицал достоверность документов, опубликованных Джеком Андерсоном.

3 июля в печати США появились новые разоблачительные документы, проливающие свет на закулисную деятельность ИТТ по организации заговора с целью свержения Альенде.

Из этих материалов следует, что 1 октября 1971 г. вице-президент ИТТ Уильям Мерриам представил так называемый «план действий», состоящий из 18 пунктов, с целью свержения Альенде в «течение последующих 6 месяцев». План ИТТ включал проведение широкой экономической войны против Чили, которая должна была осуществляться специальной группой, подрывную деятельность в чилийских вооруженных силах, консультации с иностранными правительствами относительно способов оказания давления на правительство Альенде и организации дипломатического саботажа. /97/

Делом ИТТ занялась сенатская комиссия по иностранным делам Конгресса США, в распоряжении которой, как сообщала в июле 1972 г. «Нью-Йорк таймс», имелось «несколько сот страниц документов».

В ходе работы комиссии стали известны также подробности деятельности ИТТ во время президентских выборов 1964 г. в Чили. Как пишет «Вашингтон пост» 6 апреля 1973 г., «по сравнению с масштабами американской поддержки христианскому демократу Э. Фрею в его борьбе против Альенде за 6 лет до того, о которой ранее не сообщалось, события 1970 г. кажутся «мелочью». На эту кампанию, по имеющимся сведениям, было израсходовано до 20 млн. долларов из американских средств. В ней участвовало 100 американских сотрудников».

«Вашингтон пост», подводя итоги работы сенатской комиссии, писала в редакционной статье от 5 апреля 1973 г.: «Правительство официально заняло в 1970 г. позицию невмешательства. Тем не менее и тогда, и позже США использовали свое влияние в международных банках, чтобы помешать предоставлению Чили всяких новых кредитов на том публично высказанном основании, -что финансовое положение и кредитоспособность Чили ненадежны. Не Соединенные ли Штаты своими собственными делами способствовали этой самой «ненадежности»?

Бывший посол США в Чили Э. Корри заявил в конце марта 1973 г. в сенатской подкомиссии: «Правительство США желало поражения Альенде, и только лунатик мог бы думать иначе».

Уильям Мерриам также заявил в сенатской подкомиссии о существовании плана недопущения Сальвадора Альенде на пост президента Чили в 1970 г. План этот был согласован с руководителем латиноамериканского отдела секретной службы ЦРУ Уильямом Броу и предусматривал экономическую войну против Чили.

ИТТ тесно связана с ЦРУ, среди ее сотрудников немало агентов ЦРУ, она имеет большие возможности для получения разнообразной информации, в том числе разведывательной.

Что же такое «Интернэйшнл телефон энд телеграф»? Почему она -так бесцеремонно вмешивается во внутренние дела иностранного государства? /98/

Эта крупнейшая компания, занимающая среди монополий США восьмое место, владела в Чили значительными капиталовложениями. До прихода к власти правительства Народного единства ей принадлежало 70 процентов чилийской телефонной сети, много предприятий в сфере услуг. Ее годовой торговый оборот больше, чем у всей Чили. ИТТ имеет огромные капиталовложения во многих странах мира, ее интересы распространены примерно на 70 стран. От предприятий в Западной Европе ИТТ получает почти половину своих доходов. На этих предприятиях занято более 200 тыс. человек. ИТТ располагает своим собственным международным аппаратом. Ответственные посты в административных советах ИТТ занимают бывшие крупные политические деятели. Там долгое время работал бывший посол Англии в США Каччин, Маккоун и другие. Несмотря на разоблачения ИТТ продолжает свою подрывную работу против народа Чили.

Во внутренние дела Чили вмешиваются и компании по производству меди: «Кеннекот коппер корпорейшн» и «Анаконда коппер корпорейшн».

По навязанному Чили в 1951 г. соглашению ее правительство имело право использовать внутри страны только 20 процентов меди, производимой там компаниями США, запрещалась продажа меди социалистическим странам, устанавливался ряд других ограничений.

Зарубежные медные монополии выкачали из Чили огромные суммы. В декабре 1972 г. Сальвадор Альенде, выступая на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, говорил, что только североамериканские компании по производству меди в Чили вывезли из страны за последние 42 года более четырех миллиардов долларов, тогда как их первоначальные вложения составили всего 30 миллионов долларов.

После национализации предприятий по производству меди американские монополии развернули и финансировали подрывную деятельность с целью свертывания производства меди и препятствию ее реализации. Из Чили уехали американские специалисты, работавшие на предприятиях по производству меди. Было искусственно вызвано недовольство правительством среди части чилийского технического и административного персонала. Американские монополии прекратили поставку запасных частей, без которых предприятия не /99/ могли нормально работать. Компании начали увиливать от выполнения своих обязательств по капиталовложениям, как это предусматривалось соглашением о меди.

Тот же Уильям Мерриам, давая показания в сенатской подкомиссии по делу ИТТ, признал, что «Анаконда», «Кеннекот» и некоторые другие провели ряд совещаний, на которых обсуждались меры против правительства Народного единства.

Одной из таких мер явилось резкое, искусственно спланированное снижение цен на медь на мировом рынке.

Монополии США начали чинить препятствия продаже чилийской меди. Они наложили эмбарго на счета, имущество и медь Чили, находившиеся за границей.

11 февраля 1972 г. суд штата Нью-Йорк удовлетворил иск компании «Кеннекот» и наложил эмбарго на банковские счета медной корпорации Чили. 24 февраля было наложено эмбарго на текущие счета государственной авиакомпания «ЛАН», Национальной горнорудной компании Чили «ЭНАМИ», Центрального и Государственного банков, горнорудной компании «Компания де асеро дель Пасифико» (КАП) и корпорации промышленного развития (КОРФО). Распоряжение об этом отдал верховный судья южного района города Нью-Йорк.

В марте компания «Анаконда» также добилась в федеральном суде США решения об эмбарго на находящиеся в банках США счета Чилийской медной корпорации.

В качестве ответной меры чилийское правительство наложило арест на имущество «Анаконды» и ее текущие счета и акции, находившиеся в распоряжении различных чилийских компаний.

9 марта по решению суда штата Нью-Йорк было наложено эмбарго на отгрузку двумя фирмами запасных частей и оборудования для меднорудных предприятий Чили.

В апреле 1972 г. в Париже состоялось совещание по вопросу внешних долгов Чили. В ходе совещания основные кредиторы Чили всячески старались не допустить заключения соглашения между Чили и странами-кредиторами об отсрочке платежей на льготных условиях. В частности, пытались навязать Чили контроль со стороны Международного валютного фонда. Тем не менее под давлением /100/ Франции, Италии и Швеции 20 апреля было подписано соглашение об отсрочке платежей, к которому присоединились и США.

Медные монополии США оценивают свои убытки от национализации в 750 млн. долларов. По данным чилийского правительства, сверхприбыли от эксплуатации природных ресурсов страны, полученные американскими медными компаниями за последние 15 лет, намного покрывают «убытки» от национализации. На основании этого чилийское правительство считает, что его «долг» компании «Кеннекот» составляет 10 млн. долларов, а компании «Анаконда» — 18 млн. долларов.

14 августа по требованию компании «Анаконда» американский суд наложил новое эмбарго на банковские счета Чили. Газета «Ультима ора» расценила это как «объявление тотальной войны против Чили».

8 сентября 1972 г. компания «Кеннекот» отозвала своих представителей из специального трибунала, рассматривавшего вопрос о выплате чилийским правительством компенсаций за национализацию медных рудников. Руководство компании заявило, что оно будет проводить политику наложения эмбарго на текущие счета чилийских предприятий, находящиеся в банках США, и осуществлять всевозможные репрессивные акции по отношению к Чили. Компания «Кеннекот» «...объявила, по существу, финансовую войну против правительства Альенде. Речь идет об очевидной попытке закрыть международные рынки для чилийской меди — основного источника доходов этой страны».

Октябрь 1972 г. — период наиболее активной деятельности внутренней реакции — явился месяцем самых ожесточенных атак компании «Кеннекот» на экономику Чили. 5 октября парижский трибунал большой инстанции удовлетворил иск «Кеннекот» и наложил эмбарго на чилийскую медь стоимостью 6800 тыс. франков.

Частные банки Канады и Голландии приняли решение прекратить выдачу кредитов Чили до урегулирования спора с «Кеннекот».

Как сообщал корреспондент Юнайтед Пресс Интернэйшнл из Парижа 29 ноября 1972 г., «парижский гражданский суд снял запрет на выплату 6,8 млн. франков за партию чилийской меди, но заявил чилийской стороне, что она должна дать обязательство о выплате /101/ аналогичной суммы, так как, хотя Чили имеет суверенное право использовать свои природные ресурсы, французский закон не признает национализации без справедливой компенсации».

Таким образом, спор с «Кеннекот», хотя и завершился в данном случае победой Чили, решен не окончательно.

Правительство Чили в этот период использует все возможности для нейтрализации акций «Кеннекот», подрывающих экономику Чили. 22 декабря в Вашингтоне закончился первый тур переговоров с правительством США по вопросу уплаты внешних долгов Чили, имевших, по сообщениям посольства Чили в Вашингтоне, «положительный характер». 11 января 1973 г. стало известно, что японское правительство предоставит Чили ряд займов на сумму около 2700 млн. иен. В счет этого займа Чили закупит в Японии горношахтное, электротехническое и рыболовное оборудование, а также оплатит услуги японских специалистов. 15 января было заключено соглашение с Испанией о предоставлении Чили кредита на сумму около 42 млн. долларов.

Компания «Кеннекот», потерпев поражение во Франции, продолжала расширять сферу экономических репрессий против Чили. 5 января юристы «Кеннекот» добились вынесения гамбургским судом решения о наложении эмбарго на 3 тыс. тонн чилийской меди, доставленной на советском судне в Гамбург.

23 января земельный суд Гамбурга отменил судебное постановление о наложении эмбарго на чилийскую медь, взыскав судебные издержки с компании «Кеннекот». Победа чилийской государственной внешнеторговой фирмы «КОДЕЛКО» и ее западногерманского партнера-

получателя фирмы «Норддойче раффинери» создала прецедент для борьбы с происками американских монополий в будущем.

30 января было заключено соглашение между правительствами Чили и ФРГ об отсрочке платежей на основе соглашения между Чили и странами-кредиторами, подписанного на заседании «Парижского клуба» в апреле 1972 г.

Одновременно с диверсией в Гамбурге компания «Кеннекот» пыталась добиться наложения эмбарго на груз чилийской меди в Ливорно (Италия), но итальянский суд отклонил ее притязания. /102/

Однако положение продолжало оставаться напряженным. 27 февраля печать сообщила о трех процессах в Италии, начатых «Кеннекот», в связи с отказом трех итальянских компаний выплатить ей стоимость приобретенной ими чилийской меди на сумму 4 млн. долларов.

Буржуазная печать, пытаясь представить монополии США защитниками «принципа правильного и справедливого возмещения убытков», продолжает говорить о «чрезмерности» требований Чили.

Согласно сообщению корреспондента агентства ЮПИ от 22 апреля 1973 г., президент Чили Альенде заявил, что его страна в одностороннем порядке созывает международный трибунал для посредничества в своих спорах с монополиями США. По словам Альенде, правительство Народного единства намерено продемонстрировать готовность использовать существующие общепринятые легальные Пути для разрешения спора.

Действия американских монополий вызвали возмущение у всех прогрессивных людей мира. Докеры французского порта Гавр, голландского — Роттердам отказались выгружать чилийскую медь, чтобы помешать ее захвату. В резолюции палаты депутатов конгресса Венесуэлы, в частности, говорится: «Палата депутатов конгресса Венесуэлы решительно осуждает экономическую агрессию, жертвой которой стала Чили, и от имени венесуэльского народа выражает полную солидарность с чилийским народом в его борьбе за достижение полной экономической независимости». /103/

НЕ СМИРИЛИСЬ

Единым фронтом с американскими монополиями и часто по их планам и под их руководством действовали реакционные силы внутри страны.

К началу 1973 г. местная олигархия по-прежнему располагала сильными позициями в Национальном конгрессе, государственном аппарате, судебных органах. Она все еще владела огромными средствами массовой информации.

Пользуясь правом, которым конституция предоставляет свободу действий оппозиционным партиям, все эти радиостанции, газеты, телевидение ведут яростную клеветническую кампанию, направленную на создание в стране условий для свержения правительства.

Против правительства выступает и ряд групп, именующих себя «левыми». Особо выделяется ультралевая группа — «Революционное движение левых» (сокращенно — МИР).

Чего хотят «левые»? Они хотят «ускорить» революционный процесс, происходящий в стране, требуют немедленной и полной национализации всей промышленности, в том числе средних и мелких предприятий, немедленной экспроприации всей земли.

Ультралевые требуют немедленно приступить к вооруженным действиям против правой оппозиции.

Таким образом, «левые» хотят вооруженного столкновения. Но ведь этого же, как мы видели выше, как раз и добивается реакция. Этого добиваются и иностранные монополии. В широко опубликованных /104/ документах ИТТ есть инструкция, где, в частности, говорится: «...Спровоцировать ультралевых на насильственные действия, которые создадут предлог для военного вмешательства».

Практически действия «левых» также направлялись на свержение правительства Народного единства, на запугивание средних и некоторых других слоев населения.

Видный чилийский писатель и журналист Хоакин Гутьеррес писал, что члены правого реакционного блока проникли в некоторые ультралевые организации, а в ряде случаев сами

организовали группы «ультралевых» террористов, которые используют с провокационными целями, превращая их в пугало для средних слоев, искажая с их помощью истинное представление о политике правительства.

Резко усилились антиправительственные действия и правых и «левых» в конце лета и в особенности осенью 1972 г. Это был новый план свержения правительства Сальвадора Альенде, план открытого мятежа. Усилился саботаж и террор, дело шло к вооруженным столкновениям. Провоцировались беспорядки в ряде городов, в том числе в столице Чили Сантьяго.

Был совершен налет на дом министра труда и социального обеспечения Марейи Бальтра, а машину, в которой она ехала, обстреляли. Нападением подверглись дома министра экономики, развития и реконструкции Карлоса Матуса и главнокомандующего вооруженными силами Чили генерала Карлоса Пратса.

1 сентября 1972 г. в Сантьяго начались уличные беспорядки.

На сентябрь реакция Чили наметила «генеральное наступление». Было запланировано в ходе осуществления так называемого «сентябрьского плана» создать в стране обстановку террора, выбить из-под правительства Народного единства политическую почву, разжечь гражданскую войну. На 18 сентября намечалась студенческая демонстрация, которая, по мысли правых, явилась бы сигналом к общенациональной политической забастовке. Вскоре Альенде заявил о раскрытии заговора против конституции.

30 сентября в городе Сан-Хавьеро на толпу рабочих на полной скорости был направлен грузовик. В результате погиб рабочий Педро Толедо Толоса. В тот же день было совершено нападение на помещение /105/ комитета социалистической партии, которое пытались поджечь, и обстрелян автобус с рабочими.

В городе Вальдивия правые экстремисты забросали камнями радиостанцию «Камило Энрикес». 2 октября они совершили нападение на помещение Компартии в Сантьяго. 3 октября в столичном Театре при поддержке членов фашистских организаций «патриа и либертад» и «Роландо матус» состоялся митинг реакционеров, на котором выступил Альберто Лаббес, кандидат в сенаторы от национальной партии, заявивший: «Мы физически в состоянии защитить Чили».

8 октября, по сообщению Пренса Латина, произошли два взрыва на нефтепроводе в городе Талькауано. В результате взрывов возник пожар.

По сообщению корреспондента Юнайтед Пресс Интернэйшнл из Сантьяго, 11 октября в столице Чили состоялась антиправительственная демонстрация, организованная правыми элементами.

В этот день началась крупнейшая забастовка владельцев грузового транспорта. Организовал забастовку профсоюз владельцев частных грузовиков, возглавляемый центристской частью христианско-демократической партии. Поводом для забастовки послужило намерение правительства создать федеральную транспортную службу в провинции Айсен. В провинциях Талька и Курико было объявлено чрезвычайное положение.

Однако забастовка продолжала расширяться. 12 октября к водителям грузовиков присоединились таксисты. Чрезвычайное положение было введено в 13 провинциях страны.

13 октября правительство установило контроль над радиостанциями в целях предотвращения распространения клеветнических сведений о внутривластном положении в связи с забастовкой.

15 октября на чрезвычайном положении находились уже 17 из 25 провинций страны.

Правительство приняло решительные меры по урегулированию положения. Оно организовало охрану предприятий от провокаций, привлекло добровольцев из молодежи в помощь рабочим грузового сообщения, выделило для государственного сектора 1500 новых грузовиков. Было улучшено снабжение автоколонок бензином. Установлен /106/ контроль над средствами информации. Иностранцев лишили чилийского гражданства за саботаж. В провинции Сантьяго ввели комендантский час с 12 ночи до 6 утра.

Во время забастовки, которая длилась около месяца, произошли серьезные волнения в ряде городов. Экстремистские и фашиствующие элементы совершили свыше 70 диверсионных актов, они взрывали мосты, железнодорожные обустройства, воздвигали на шоссе дорогах

баррикады и разбрасывали острые предметы для проколов покрышек автомобилей, нападали на активистов Народного единства.

Владельцы автотранспорта не выпускали машин в рейс. Возникли серьезные перебои в снабжении населения и промышленности важнейшими товарами.

Большие размеры приняла забастовка в области торговли, в особенности на крупных и средних предприятиях оптовой торговли. Из-за нехватки продовольствия в ряде мест население оказалось в критическом положении.

Незаконная забастовка предпринимателей и торговцев нанесла большой ущерб экономике республики. По предварительным данным корпорации аграрной реформы, на 10 ноября 1972 г. чилийское сельское хозяйство потеряло около 300 млн. эскудо. Погибли десятки тысяч кур, испорчено большое количество сельскохозяйственных продуктов. Потеряно около 10 млн. литров молока.

По опубликованным данным Национального управления планирования (ОДЕПЛАН), незаконная забастовка владельцев грузовиков и торговцев нанесла стране ущерб, оцениваемый более чем в 5 млрд. эскудо.

В октябре в центральных районах Сантьяго правые экстремисты терроризировали лавочников, заставляя их прекратить торговлю. Одновременно совершались нападения на представителей власти.

Корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс сообщил из Сантьяго, что 17 октября на железной дороге Сантьяго — Картахена произошел взрыв. В этот же день экстремисты обстреляли грузовик с продовольствием, взорвали автоцистерну со сжиженным газом. В пассажирский автобус бросили гранату с зажигательной смесью.

20 октября провалилась попытка реакции организовать забастовку /107/ инженеров, врачей и банковских служащих. Интеллигенция создала новую массовую организацию, поддерживающую правительство Народного единства — «Патриотический фронт работников умственного труда». Крестьяне организовали «Национальный крестьянский комитет», также проводящий политику правительства,

24 октября реакция решила провести так называемый «день молчания», который стал бы акцией гражданского неповиновения правительству. В этот день ряд врачей, юристов, банковских служащих, студентов и школьников — в основном в буржуазных районах Сантьяго — не вышли на работу, не явились на занятия. Однако большинство населения провело этот день в нормальном трудовом ритме — работали все предприятия, рестораны, стадионы и т. д.

По свидетельству газеты «Эль Сигло» от 25 октября 1972 г., за 13 дней правые совершили 53 акта саботажа. Повреждена телефонная сеть, железнодорожные линии, подожжено несколько домов. За этот период убыток составил около 100 млн. эскудо.

Саботаж владельцев автотранспортных фирм и части коммерсантов, отмечал Корвапан, нанес большой ущерб национальной экономике и серьезно обострил трудности в снабжении населения товарами первой необходимости. В некоторых провинциях в течение нескольких дней не было хлеба. Трудящиеся выдержали это испытание и еще теснее сплотились вокруг своего правительства.

На пресс-конференции 22 октября Сальвадор Альенде заявил: «(Чилийское правительство имеет достаточно сил для подавления любой попытки государственного переворота, потому что на его стороне верные своему долгу вооруженные силы, потому что за ним стоит народ».

Еще раньше Генеральный секретарь ЦК социалистической партии Чили Карлос Альтамирано на одном из митингов, имея в виду правых, сказал: «Пусть они не играют с огнем, провоцируя народ и создавая обстановку хаоса, ибо насилию реакции мы можем противопоставить революционное насилие, и, если реакция будет следовать своей политике, они встретятся с нами, ибо мы не отступим и не уступим правым улицу».

Правительство действовало решительно, к фашистским организациям «патриа и либертад» и «Роландо Матус» был применен «Закон /108/ о безопасности государства». В 20 провинциях объявили чрезвычайное положение, а в двух — комендантский час. Были национализированы чилийское отделение американской компании «Доу Кемикл» и крупные чилийские компании,

принимавшие участие в забастовке, в том числе компания по оптовой торговле продовольственными товарами СЕНАДИ.

В создавшихся условиях коалиция Народного единства пришла к выводу о необходимости реорганизовать правительство.

В новый состав, кроме деятелей партий Народного единства, вошли представители профсоюзов и вооруженных сил.

Единый профсоюзный центр трудящихся Чили (КУТ) объединяет более миллиона рабочих и служащих. В состав правительства вошли председатель и генеральный секретарь КУТ. Таким образом было усилено представительство рабочего класса в правительстве. Вошли в него и представители трех родов войск. Пост министра внутренних дел занял главнокомандующий армии генерал Карлос Пратс. Он заявил, что армия и карабинеры обеспечат порядок и спокойствие в стране, что они выполняют «профессиональный долг в интересах нации».

В связи с реорганизацией правительства ЦК Коммунистической партии Чили сделало заявление, в котором, в частности, говорилось: «...Создание правительства с участием представителей трех родов вооруженных сил и при ярко выраженном представительстве рабочего класса и народного движения вызвано необходимостью, продиктованной политической обстановкой в стране... Мы уверены, что действия народа и его правительства обеспечат продолжение революционного процесса в соответствии с положениями программы, которая привела Сальвадора Альенде на пост президента республики».

Партии и правительство Народного единства призвали весь трудовой народ, все прогрессивное население страны дать отпор реакции, повести решительную борьбу с саботажем, увеличить промышленное производство. И трудящиеся не остались безучастными к призыву, проявили большую сознательность.

Рабочие и другие слои трудящихся начали понимать, что личная судьба и судьба родины зависят от их участия в борьбе с реакцией, /109/ саботажем, от их участия в подъеме производства. Они начали сознавать свою ответственность за нормальную работу предприятий, за развитие экономики всей страны.

На многих предприятиях вместо сокращения производства, которого добивались правые, выпуск продукции стал возрастать. Например, на металлургическом комбинате в Уачипато выпуск продукции повысился на 34 процента. На фабрике «Фабрилана», принадлежавшей ранее текстильному магнату Яруре, пряжи стало производиться вдвое больше прежнего. Шахтеры национализированного угольного бассейна Лота-Швагер увеличили добычу с 3490 тонн угля в день а 1970 году до 5570 тонн в 1972 году.

Во время забастовки было много добровольцев, которые участвовали в различных областях производства и обслуживания, бесплатно трудились в нерабочее время, участвовали в погрузочно-разгрузочных работах на транспорте, несли круглосуточное дежурство по охране предприятий и т. д. Многие предприятия торговли трудящиеся взяли в свои руки и обеспечили их работу.

Среди людей, добровольно участвовавших в таком патриотическом начинании, были все слои трудового населения: рабочие, служащие, студенты, интеллигенция, домашние хозяйки, представители вооруженных сил и даже коммерсанты. Из-за отсутствия общественного транспорта в связи с забастовкой трудящиеся вынуждены были преодолевать пешком огромные расстояния до места работы, и они ходили.

Партии и правительство Народного единства проводили огромную разъяснительную работу среди населения, разоблачали клеветнические измышления правых, разъясняли причины трудностей, во многом унаследованные от предыдущих правительств, разъясняли, что эти трудности вызваны экономическим бойкотом Чили со стороны империалистов, саботажем и диверсиями внутренней реакции.

Нехватка продовольствия — одна из важнейших проблем, вставших перед правительством.

Какими причинами она вызвана? Главными являются следующие:

1. Уменьшились возможности у правительства делать закупки продовольствия и товаров первой необходимости за границей.

Такие товары ранее импортировались в Чили в большом количестве. /110/ В связи с махинациями монополий цены на медь на мировом рынке, как было сказано выше, значительно снизились и поэтому резко сократились валютные возможности правительства. Кроме того, на мировом рынке повысились цены на продовольственные товары.

2. Появились «черный рынок» и спекуляция товарами первой необходимости.

Спекуляция дефицитными товарами на «черном рынке» приняла большие размеры. Надо не забывать, что в период забастовки значительная часть снабжения населения товарами, примерно две трети, находилась в руках частных предпринимателей, причем часть торговцев принимала участие в саботаже, в срыве нормального снабжения населения. На других коммерсантов оказывали сильное давление реакционеры с целью заставить их попридержать потребительские товары. Кроме того, реакционеры активно способствовали спекуляции и при помощи газет, радио распространяли клеветнические слухи о том, будто вскоре в продажу не будут поступать вообще те или иные товары, например сахар, растительное масло, спички, промышленные изделия и т. п. Реакция угрожала средним и мелким торговцам, честно выполнявшим свои обязанности.

3. Повысилась покупательная способность населения.

В результате увеличения заработной платы низкооплачиваемым трудящимся, повышения зарплаты на 100 процентов многодетным рабочим, увеличения минимальной зарплаты рабочим на 66 процентов, повышения пенсий и т. д. трудящиеся стали покупать значительно больше продуктов, чем раньше. Увеличение спроса населения увеличило в какой-то мере дефицит продовольственных и некоторых других товаров первой необходимости.

В результате таких измышлений и давления на торговцев зажиточные и неустойчивые средние слои населения начали покупать продукты «впрок», «на всякий случай», а те торговцы, которые принимали участие в забастовке, прятали продукты, продавали их из-под полы.

О тактике реакции с оголенным цинизмом писала «Меркурио»: «В той степени, в какой победит «черный рынок» и в какой возрастут /111/ очереди за продуктами, в той же мере марксизм в нашей стране будет сокрушен».

Обречь десятки тысяч трудящихся на голод, заставить сотни тысяч простаивать часами в очередях за продуктами, перенести на «черные рынки» товары, без которых невозможна нормальная жизнь — вот к чему стремилась реакция, чтобы вызвать недовольство населения.

Несмотря на меры, которые принимало правительство, в том числе разъяснительного характера, реакция в известной мере добивалась своего. Недостаток товаров первой необходимости, в особенности продуктов питания, восстанавливал какую-то часть населения против правительства, вызывал недовольство домашних хозяек и средних слоев населения.

Подрывная деятельность правых и ультралевых оказала свое влияние и на некоторую часть рабочих. Были случаи, когда наиболее отсталые рабочие, в особенности из тех, кто недавно пришел из деревни, необоснованно, не считаясь с реальной возможностью требовали еще большего повышения зарплаты, чем было установлено правительством. На медном руднике «Чукикамата», а позже и на «Теньенте» удалось даже спровоцировать кратковременные забастовки.

Правительство сталкивалось с серьезными трудностями в снабжении населения продовольствием и предметами первой необходимости, но недостатки этих товаров в действительности были не так уж велики. Все дело в искусственно созданном «черном рынке», в укрывательстве продуктов и товаров, в заготовках их впрок-

Снабжение населения продуктами питания, товарами первой необходимости и борьба со спекуляцией являлись постоянной заботой правительства и партий Народного единства.

Еще в октябре 1971 г. на собрании актива столичной организации Компартии Чили специально рассматривался вопрос о снабжении населения. Было установлено, что недостает только некоторых продуктов, в частности мяса, которого не хватало и раньше, но тогда это не так ощущалось: трудящимся просто не на что было его покупать.

С приходом к власти Народного единства материальное положение /112/ населения улучшилось. На активе приводились данные о том, что в первом полугодии 1971 г. по сравнению с

тем же периодом 1970 г. потребление мяса увеличилось на 120 процентов. Примерно такое же положение и по некоторым другим продуктам и товарам.

Чтобы увеличить производство мяса, правительство приняло ряд мер. В частности, установило контроль над убоем скота и распределением мяса. Предусматривался импорт племенного скота, создание крупных ферм рогатого скота, свиноводческих и птицеводческих ферм.

Была создана Национальная комиссия по распределению и сбыту продуктов питания и предметов первой необходимости. В ее функции входил контроль за производством и торговлей этими товарами.

Правительство запретило закрывать предприятия, производящие предметы первой необходимости, и магазины, торгующие ими на период летних отпусков. Министерство внутренних дел получило особые полномочия в борьбе со спекуляцией.

Речь шла только о контроле над распределением, но ни в коем случае не ущемлялись интересы мелких и средних торговцев. Более того, их деятельность поощрялась государством, им, как и мелким и средним предпринимателям, выделялся кредит.

Вокруг мер, принимаемых правительством по обеспечению населения товарами потребления, реакция начала новую клеветническую кампанию. Меры против спекулянтов преподносились как ущемление прав трудящихся, а контроль над распределением основных продуктов — как всеобщее нормирование.

Забастовка, проведенная реакцией, нанесла стране большой ущерб, однако цели своей не добилась. Правая оппозиция потерпела очередной крах, затеянный ею мятеж провалился, забастовка захлебнулась. Впоследствии о целях забастовки Луис Корвалан писал так: «Враг добивался вооруженного столкновения, кровавых уличных схваток между сторонниками правительства и силами оппозиции. Таким путем он хотел создать обстановку политического хаоса, анархии и ввергнуть страну в гражданскую войну». /113/

ТЕРРОР

Наступил новый этап борьбы: подготовка к выборам в Национальный конгресс, которые были назначены на 4 марта 1973 г.

Реакция считала, что на этот раз вопрос о ее победе предрешен. В самом деле, может ли население поддерживать правительство после всех акций саботажа и диверсий, создавших значительные трудности в экономике, после антиправительственных выступлений представителей средних и других слоев чилийского общества!

Правые силы не сомневались, что Народное единство не досчитается многих голосов, ранее поддерживавших его, и на предстоящих выборах оно потерпит поражение. Реакция не сомневалась в своем торжестве, в том, что получит не менее двух третей мандатов в парламенте. А это открывало бы перед ней огромные возможности. Такое подавляющее большинство голосов позволяло бы вносить поправки в конституцию, которые могли свести на нет революционные преобразования в стране, отклонять предлагаемые правительством законопроекты, выдвигать всевозможные «конституционные» обвинения против министров и смещать их, создавать невыносимые условия работы правительству и такими действиями на «законном» основании, «конституционным путем» сместить президента.

Несмотря на уверенность в победе на выборах, реакция усилила действия, направленные на создание экономического хаоса, совершала акты диверсий, террора, саботажа и содействовала спекуляции, «черному рынку», мешала распределению товаров и при помощи средств массовой информации преподносила это народу как результаты якобы неспособности правительства обеспечить нормальную жизнь страны. /114/

Наряду с попыткой завоевать власть, получив на выборах большинство в Национальном конгрессе, реакция делала все возможное для захвата власти насильственным путем.

8 января 1973 г. печать Чили сообщила о том, что в Сантьяго выстрелом из револьвера в упор был убит 59-летний коммунист-ветеран Томас Пино Навиа. 10 января неизвестные подложили взрывчатку под дверь здания филиала Чилийского института культурных связей с СССР в г. Вальпараисо. 14 января вооруженные молодчики из штурмовых отрядов национальной партии

обстреляли местное отделение компартии в местечке Пуэнте-Альте неподалеку от Сантьяго. 15 января правые напали на комсомольцев, собравшихся на встречу с генеральным секретарем ЦК коммунистического союза молодежи Чили Гладис Марин.

19 января генерал Пратс, министр внутренних дел Чили, обратился ко всем политическим партиям Чили с призывом «к благоразумию и доброй воле». В своем обращении он отметил, что с 6 по 17 января было зарегистрировано 20 серьезных инцидентов, связанных с предвыборной кампанией. В большинстве инцидентов применялось холодное и огнестрельное оружие, что категорически запрещено законом о контроле над ношением оружия. В ходе столкновений, сказал Пратс, было убито 3 человека, ранено 50, арестовано за незаконное ношение оружия — 15.

8 февраля группа молодежи, писавшая на стенах предвыборные лозунги в поддержку правительства Альенде, была обстреляна с нескольких автомашин. Один из этой группы был сбит машиной. 12 февраля группа провокаторов в районе Кинты напала на сторонников Народного единства, был ранен секретарь райкома комсомола Хосе Уэрта. 14 февраля телевидение католического университета в Сантьяго, использующее 13-й канал, начало незаконные передачи на район Консепсьон.

За короткий период с 6 января по 18 февраля 1973 г. было убито 4 человека и ранено 120 человек.

Несмотря на то, что 19 февраля все партии приняли решение прекратить любые виды предвыборной пропаганды и распустить все группы, занимавшиеся ведением пропаганды, 20 февраля вооруженный /115/ отряд христианско-демократической партии напал на помещение местной организации компартии в одном из пролетарских пригородов Сантьяго. В результате стычки был смертельно ранен один из нападавших 18-летний Хайме Контрерас. В связи с его смертью руководство ХДП опубликовало грубое антикоммунистическое заявление. На его похоронах 21 февраля второй председатель ХДП Бернардо Лейтон открыто обвинил правительство Альенде в смерти Контрераса.

22 февраля в г. Темуко было совершено покушение на министра сельского хозяйства Чили Роланда Кальдерона, 17 членов ультраправой партии бросали бутылки с зажигательной смесью в машину, в которой ехал министр.

23 февраля Пренса Латина сообщила, что в Сантьяго совершено покушение на префекта Хайме Файвозича членами организаций «Роландо Матус» и «патриа и либертад», пытавшимися опрокинуть автомобиль, в котором ехал префект, направив на его машину грузовик.

Как сообщила «Эль Сигло» 23 февраля, сторонники оппозиции в отделении Национальной электротехнической компании (ЭНДЕСА) в г. Талька провели закрытое собрание и обсудили в присутствии видных деятелей ХДП вопрос о подготовке к национальной забастовке. Было предложено сформировать боевые группы для саботажа производства, создавать запасы продовольствия, питьевой воды и горючего. Этот план разоблачили работники ЭНДЕСА.

О провокационной деятельности реакции «Эль Сигло» писала: «Правые стремятся к гражданской войне. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать заявления правых деятелей, которые изо дня в день призывают к свержению правительства. Сначала они толкали на «гражданское неповиновение», потом — на «гражданское сопротивление» и в конце концов — на «гражданское наступление». Эта эскалация имеет целью не что иное, как гражданскую войну. Они готовы на все, чтобы защитить свои привилегии, и если они не ввязались еще в кровавую авантюру, то только потому, что у них нет достаточно сил».

Накануне выборов Луис Корвалан говорил: «Мы категорически заявляем, что коммунисты вместе с другими партиями Народного /116/ единства полны решимости помешать кровопролитию. Мы уверены, что большинство чилийцев независимо от того, за кого они отдадут свои голоса, в таких чрезвычайных условиях выступят на стороне законного правительства, а не на стороне империализма и реакции».

2 марта прогрессивная печать опубликовала документальные материалы о подготовке ультраправыми силами Чили при поддержке из-за рубежа ряда новых заговоров с целью свержения законного правительства. В газетах напечатано факсимиле письма Артуро Маршалла,

одного из главарей ультраправых, бежавшего в Боливию после разоблачения очередного заговора. Письмо адресовано главарию организации «патриа и либертад» Пабло Родригесу.

В нем говорится о посылке с «надежным лицом» 15 тыс. долларов на осуществление «предварительно разработанного плана». Газеты подчеркивают, что речь явно идет об оружии для организации вооруженных столкновений.

Большие надежды в предвыборной кампании реакция возлагала на раскол блока Народного единства, на взрыв его изнутри. Она пыталась использовать мелкобуржуазные элементы, находящиеся внутри блока, для разжигания разногласий.

Реакция всеми силами стремилась раздуть даже самые незначительные разногласия, которые возникали между партиями Народного единства.

Коммунистическая и социалистическая партии, весь блок Народного единства принимают необходимые меры, чтобы сплотить трудящихся, сплотить все силы, выступающие за революционные преобразования, вокруг правительства.

На президентских выборах в 1970 г. все партии, выступавшие против блока Народного единства, действовали самостоятельно, главные партии выставляли своих кандидатов в президенты. На выборы Депутатов в Национальный конгресс в 1973 г. реакционные партии объединились в так называемую демократическую конфедерацию. В нее вошли: христианско-демократическая партия, национальная партия, национально-демократическая партия, партия радикальной демократии, левые радикалы.

Конфедерация правых партий не имела единой избирательной /117/ платформы. Их объединяла ненависть к правительству Народного единства, желание любыми средствами устранить его.

Хотя против блока левых партий и действовали довольно большие силы, само Народное единство было далеко не таким, каким оно вступало в борьбу на президентских выборах в 1970 г. Оно значительно окрепло, закалилось и добилось замечательных успехов в своей деятельности, направленной на улучшение жизни трудящихся. Готовясь к выборам в Национальный конгресс, коалиция левых партий объединилась в федерацию партий Народного единства. В нее вошли коммунистическая, социалистическая и радикальная партии, движение Единого народного действия, Независимое народное действие и левые христиане.

Федерация партий Народного единства имела четкую, ясную программу. Она опубликовала предвыборную платформу, в которой были указаны конкретные меры, необходимые для выполнения программы Народного единства. Главная цель — добиться большинства в Национальном конгрессе, завоевать всю полноту власти. Для этого предстояло прежде всего сплотить рабочий класс, трудящихся и все прогрессивное население на выполнение программы Народного единства.

«Наша основная задача заключается в том,— писал Луис Корвалан,— чтобы сплотить вокруг правительства и его революционной программы подавляющее большинство чилийцев. Это вполне возможно потому, что программа Народного единства отвечает не только интересам рабочего класса, но и чаяниям средних социальных слоев, высшим интересам страны. Иными словами, речь идет о том, чтобы изолировать основных врагов, привлечь на нашу сторону те слои населения, которые еще находятся под их влиянием. Необходимо устранить слабые стороны в проведении нашей политики в этой области и дать решительный отпор наскокам ультраправых сил, которые своими авантюристическими действиями льют воду на мельницу реакции».

Платформа Народного единства предусматривала такие меры, как обеспечение независимости страны и срыв блокады, организованной империалистами, обеспечение экономического развития страны и снабжение населения, ликвидация «черного рынка», совершенствование /118/ власти и укрепление правительства Народного единства, углубление аграрной реформы и демократизация судебных органов.

Отдельный список кандидатов в депутаты выставил Народно-социалистический союз, который в Национальном конгрессе поддерживает блок Народного единства.

* * *

4 марта 1973 г. в Чили состоялись выборы в Национальный конгресс. Всего было зарегистрировано свыше пяти с половиной миллионов избирателей, причем на этих выборах впервые приняла участие молодежь в возрасте от 18 до 21 года. Ранее в выборах могли участвовать только лица, достигшие 21 года. Предстояло переизбрать 25 сенаторов из 50 и полностью переизбрать 150 депутатов Национального конгресса. На 175 мест в обе палаты был зарегистрирован 361 кандидат.

Благодаря мерам, принятым правительством, выборы прошли в спокойной обстановке.

В голосовании приняло участие 3660 тысяч человек, или 81,2 процента избирателей. За кандидатов блока Народного единства проголосовало 43,39 процента избирателей, то есть значительно больше, чем во время президентских выборов. Если на предыдущих парламентских выборах левые партии получили 57 депутатских мандатов и 18 сенаторских, то в 1973 г. они соответственно получили 63 мандата и 20.

Это была блистательная победа Народного единства. Выборы показали, что, несмотря на все провокации правых, трудящиеся поддерживают партии Народного единства и правительство Сальвадора Альенде.

Об итогах выборов президент заявил, что это «триумф для Чили, для ее институтов и демократических свобод».

Луис Корвалан отметил, что рухнули расчеты реакции занять господствующее положение в парламенте. Правительство, возглавляемое президентом Сальвадором Альенде, заявил он, единственное /119/ в истории страны, увеличившее свою базу среди избирателей по прошествии двух с лишним лет после прихода к власти.

В связи с итогами выборов федерация партий Народного единства опубликовала заявление, в котором, в частности, говорится: «Результаты этих выборов означают решительную поддержку избирателями правительства и программы Народного единства, их наказ — неуклонно продолжать революционные преобразования нашего общества и укреплять народную власть».

Время, прошедшее после выборов, показало, что реакция не сложила оружия. Она взяла решительную ставку на развязывание гражданской войны. Провокации правых партий начались с новой силой. Их газеты «Меркурио», «Сегунда» и другие усилили клеветническую кампанию против правительства и лично Сальвадора Альенде. Реакция накаляла обстановку, пытаясь создать такое же положение, как в сентябре 1972 г.

6 марта «Эль Сигло» сообщила, что в провинции Ньюбле известный реакционный лидер профсоюза владельцев грузовиков Леон Вильярин распространяет в г. Чильяна инструкции транспортникам с призывом начать новую незаконную забастовку.

17 марта произошло столкновение между жителями столичного пригорода Ла-Флорида и вооруженной группой молодежной организации ХДП. Убито два члена ХДП. Мать одного из убитых обвинила ХДП в смерти сына, который получал еженедельно 1000 эскудо за участие в вооруженных столкновениях.

18 марта, по сообщению Ассошиэйтед Пресс, в Бюро городского благоустройства Сантьяго, расположенном в центре столицы, произошел взрыв бомбы. 21 апреля члены организации «Роландо Матус» и молодежной группы ХДП напали на редакцию газеты «Ультима ора». На следующий день правые экстремисты взорвали бомбу у подножия памятника Че Гевара.

Реакционные партии заранее спланировали и в конце апреля осуществили провокации против правительства Народного единства и лично президента. Предлогом для провокаций послужила предполагаемая реорганизация системы образования. Реакция организовала в Сантьяго демонстрации якобы протеста против реорганизации, а затем превратила эти демонстрации в кровавые столкновения. Заговорщики /120/ начали разжигать на перекрестках улиц костры, строить баррикады, парализовали движение транспорта, совершили нападения на ряд государственных учреждений, на помещения левых партий и молодежных организаций, на банк. Часть заговорщиков прорвалась к президентскому дворцу и забросала его камнями.

За два дня, в течение которых происходили беспорядки, в Сантьяго было ранено около ста человек и один человек убит.

Во время бандитских нападений реакции находящиеся под ее контролем радиостанции организовали клеветнические, подстрекательские передачи с призывом к населению «дать бой марксизму».

Правительство приняло должные меры к прекращению уличных беспорядков. Трудящиеся выступили с решительным протестом против провокационных, бандитских действий контрреволюции. У президентского дворца состоялся митинг в поддержку правительства, на котором выступил Сальвадор Альенде с призывом к сплочению всех прогрессивных сил страны, к бдительности и спокойствию.

Для борьбы с правительством реакция использует все возможности. Арифметическим большинством голосов были отклонены поправки президента к проекту конституционной реформы о трех секторах национальной экономики, хотя по конституции для такого отклонения требуется большинство в две трети голосов. Проект реформы был внесен депутатами христианско-демократической партии. В случае его принятия этот закон дал бы возможность возврата многих предприятий их бывшим владельцам. /121/

КАК ФОРМИРУЕТСЯ ФАШИЗМ

Еще в период подготовки к убийству главнокомандующего сухопутными войсками генерала Рене Шнейдера в 1970 году крайне реакционно настроенный молодой адвокат Пабло Родригес Грес, мечтавший об установлении в Чили фашистского режима, был связан с одним из главных организаторов покушения — генералом Роберто Вио Марамбиа. Уже тогда он подбирал головорезов из уголовных И деклассированных элементов, которым, по сути, было глубоко безразлично, какие «идеи» защищать, против кого бороться, только бы иметь возможность «красиво» жить, бесшабашно и безнаказанно убивать, точно так, как это происходит в гангстерских кинофильмах. Это были люди, не имевшие понятия о моральных устоях и каких бы то ни было принципах и не желавшие их знать. Для них не имело значения, в кого разрядить «кольт», кого изуродовать дубинкой с натканными в ней гвоздями. Они не задумывались над тем, что именно поджечь, что взорвать, куда бросить бутылку с зажигательной смесью. Для них имело лишь значение, сколько за это заплатят.

Вот таких головорезов и стал подбирать в свой отряд Пабло Родригес. Подобный гангстерский отряд отъявленных негодяев был находкой для самой реакционной так называемой национальной партии Чили. Конечно, чтобы не компрометировать себя перед лицом общественности, она ни официально, ни формально не связывала себя с шайкой Родригеса, но щедро финансировала ее, помогала добывать оружие, поощряла во всех провокациях. /122/

Пользуясь такой поддержкой, Пабло Родригес довольно быстро сколотил отряд человек в двести.

Уже через неделю после победы Народного единства на президентских выборах вся эта банда объявила себя политической организацией «националистического движения» «патриа и либертад».

Ее сущность определялась не только символом типа свастики, какой они себе придумали, но и ярко выраженными действиями фашистского образца, самим ее организационным построением. Оставаясь на содержании крупного капитала, в полной мере отрабатывая полученное террором и диверсиями, «патриа и либертад», обрастая новыми, достойными ее зачинателей кадрами, обособилась, заявила о своей самостоятельности и своих целях. Национальная партия, финансируемая из тех же истоков, что и «патриа и либертад», создала свою молодежную террористическую организацию «Роландо Матус».

Объявив главной целью борьбу против коммунизма, «патриа и либертад» начала обвинять правые партии в нерешительности, подбивая их к более активному сопротивлению правительству, стремясь завербовать на свою сторону наиболее реакционные их элементы. Построена эта организация по старым фашистским образцам на военный лад, с соответствующими подразделениями. Они находятся на выучке опытных офицеров в отставке, бывших командиров кадровой армии из богатых и аристократических семей и давно известных носителей самых крайних реакционных идей.

Существование в Чили подобной организации стало возможным потому, что она широко финансировалась крупным капиталом, а ее террористическая подрывная деятельность не только не пресекалась верховным судом, призванным стоять на страже государственных законов, но и всемерно поощрялась реакционными силами, господствующими в суде.

Вот один из бесчисленных примеров, показывающих, как это происходило на практике.

В ночь с 24 на 25 марта 1972 года главари «патриа и либертад» вместе с реакционно настроенными военными отставниками решили убить президента Сальвадора Альенде, захватить президентский дворец «Ла Монеда» и совершить государственный переворот. /123/

Благодаря бдительности органов национальной безопасности и партий Народного единства заговор был своевременно раскрыт.

24 марта отряды, специально уполномоченные властями, оцепили несколько помещений мятежников и, имея на то все основания, в полном соответствии с законом, произвели в них обыск. Это даже не был обыск в обычном понимании слова, когда представителям власти приходится разгадывать тайны, чтобы обнаружить спрятанное преступниками. В данном случае оружие лежало в помещениях, точно на складах, и его не пришлось искать. Было изъято незаконно приобретенное и содержащееся лицами, не имевшими на то права, сознательно игнорирующими категорические предупреждения властей, не только огнестрельное, но и самое разнообразное оружие. В том числе пластиковые бомбы, бутылки с зажигательной смесью, железные прутья, кастеты и другие средства террора.

Схваченные на месте преступления, уличенные в незаконном хранении оружия и подготовке заговора, были арестованы главари «патриа и либертад» — Пабло Родригес, Серхио Перес Кабесас, Роберто Тим и другие, а также реакционные отставники генерал Альберто Грин, бывшие офицеры — Фернандо Нифальд и Адольфо Балас. Бывший майор Артуро Маршелл, которому предстояло вместе с группой подчиненных непосредственно осуществить убийство, бросив своих собратьев, успел унести ноги в Боливию. Уже находясь там, он опубликовал в боливийской газете «Ультима ора» заявление о том, что главной целью заговора было устранение президента Сальвадора Альенде и создание военного националистического правительства.

Таким образом, официальные органы имели неопровержимые данные, в том числе вещественные доказательства, в частности, а виде оружия, для того чтобы судить главарей разбойничьих отрядов. Налицо, за решеткой, были эти главари и их подручные. Оставалось провести следствие и вынести справедливый приговор верхушке движения «патриа и либертад», что нанесло бы чувствительный удар реакции. Потому-то верный своему реакционному существу судебный аппарат отказался возбудить судебное преследование, «не усмотрел» в их неопровержимых и тяжелых преступлениях состава преступления, и освободил их. /124/

Такова практика антинародного чилийского суда, верного ставленника крупного капитала. Это не случайный, а типичный пример того, как Верховный суд страны, нарушая все законы, поощряет разбой, террор, диверсии, направленные на свержение законного правительства.

Невольно вспоминается слово «Lex» — закон, которое бросается в глаза уже на подходах к зданию Верховного суда. Как я уже писал выше, оно высечено гигантскими буквами под самой крышей, оно выложено на траве у входа и отлито в бронзе на статуе Фемиды. Вспоминается и встреча с председателем Верховного суда Рамиро Мендесом в его кабинете, установленном как бы в продолжение наружной рекламы могучими томами закона.

Отвечая на мои вопросы, Рамиро Мендес решительно утверждал, будто принцип пожизненного назначения судей — единственно правильный.

— Но лично я войду в историю Чили тем, — говорил он, — что оставлю свой пост досрочно, и как только мне исполнится семьдесят, выйду на пенсию. Это будет первый в нашей истории случай, и он даст основание провести закон, по которому пост председателя Верховного суда можно будет занимать лишь до семидесяти, а члена Верховного суда — до шестидесяти пяти лет.

Этот разговор происходил в 1971 году, когда до семидесяти Рамиро Мендесу оставалось около полугода, но он по-прежнему на старом посту. Выходит, не очень можно верить сеньору Мендесу. Да и как верить! Разве уйдет реакция добровольно с политической арены!

Подобные действия судебных органов являлись огромным стимулом для расширения сферы действия фашиствующих организаций типа «патриа и либертад», вооруженных отрядов «Роландо Матус» и любых враждебных народу сил.

Как далеко стали простираться действия «патриа и либертад», можно судить по тайным документам ее главарей. Копии этих документов для опубликования в советской печати получили в свое время у чилийских друзей журналисты В. Волков и Х. Кобо и рассказали о них на страницах «Нового времени». Из приведенных материалов видно, что с 21 марта по 1 апреля 1973 года в Сантьяго на /125/ улице Рафаэль Каньяс в доме № 214 заседал так называемый расширенный национальный совет «патриа и либертад», принявший множество «рекомендаций», пожалуй, для всех слоев населения кроме рабочего класса, к которому еще не рисковали соваться со своими рекомендациями. Все их советы были направлены на создание новых экономических и политических трудностей, нового напряжения нервов трудящихся, новых форм саботажа.

Авантюризм, бандитизм, методы, пропагандируемые гангстерскими фильмами, таинственные и страшные акции вроде тех, что пугают зрителей «Фантомаса», перемешанные с политическими лозунгами и призывами,— все это было взято на вооружение главарями «патриа и либертад» и изо дня в день рушилось на головы населения Чили. Так было и с операцией «САКО»,

Одновременно в ряде городов и в столице на заборах и стенах появилась таинственная надпись: «САКО» проводится в жизнь» «САКО» — в переводе на русский язык — «мешок».

Что же это за «мешок», который проводится в жизнь? Оказывается, это слово составлено из начальных букв фразы: «Система организованного гражданского действия». Эта «система» наставляет различные слои населения, как они должны себя вести, что и в каких случаях делать, а чего не делать, по какому руслу вести саботаж, как игнорировать правительственные решения и еще уйма советов и рекомендаций, направленных в одну точку,— создать в стране невыносимые условия для жизни, чтобы взорвать изнутри правительство Народного единства.

Промышленникам частного сектора по этой «системе» рекомендовалось:

«1. Укрывать не менее 20 процентов поступающих материалов, что позволит создать запас на случай чрезвычайных обстоятельств.

2. Создать склад запасных частей в подвальных помещениях вне предприятия, поддерживая лишь минимальный ритм производства...

10. Распределять продукцию предприятия только через посредников «САКО». В случае репрессивных мер со стороны правительства государственному сектору должна поставаться продукция самого низкого качества и в минимальных количествах». /126/

Промышленникам давалось двенадцать подобных рекомендаций. В том числе их призывали выгонять с работы тех рабочих и служащих, кто поддерживает Народное единство, а там, где это не удастся, составлять на таких трудящихся черные списки, которые были бы всегда наготове. Неустойчивую часть работников «САКО» советовало всячески поддерживать, переманивать на сторону реакции, стимулировать материально, выдавая завтраки, обеды, рабочую одежду.

Чтобы не отпугнуть промышленников дополнительными затратами, их тут же предупреждали, что речь идет лишь о мелких подачках, «не влияющих существенным образом на расходы предприятия».

Своим сторонникам в сельских районах «САКО» рекомендовало:

«1. Отвечать на все вопросы наших анкет и сообщать активистам «САКО» надежную информацию.

2. Производить основные продукты питания на лучших высокопродуктивных землях, разбитых на малые участки, трудные для обнаружения.

3. Поставлять Обществам сельскохозяйственной кооперации искаженные сведения о производительности на единицу площади.

4. Создавать ячейки самообороны и систему информации.

5. Взять на учет всех активистов Народного единства, держать их под постоянным наблюдением в целях запугивания...».

Рассказывая далее о плане «мешок», В. Волков и Х. Кобо писали:

«Специалистам — противникам Народного единства — авторы инструкций рекомендуют прежде всего представлять «патриа и либертад» самую подробную и многообразную информацию: о себе, о производстве, на котором они работают, в том числе сведения об объеме продукции, об оборудовании, системе финансирования, запасах материалов и запасных частей, всех видов энергоснабжения. Особо подчеркивается: «указать аварийные источники электроэнергии». Специалистам предписывается не делиться своими техническими навыками и знаниями со сторонниками Народного единства, при возможности запутать на месте архивы и документацию».

Специальные рекомендации были разработаны для женщин. Им предлагалось: «Проводить постоянные кампании по психологическому /127/ запугиванию, распространяя различные слухи и страшные истории, предназначенные для женщин и детей из семей сторонников Народного единства». Обеспечение соответствующими материалами «патриа и либертад» берет на себя.

Далеки от педагогических концепций строки обращения к студентам: «Не помогайте сторонникам Народного единства, не давайте им книг. Садитесь рядом с ними только для того, чтобы вывести у них информацию».

Результаты рекомендаций коммерсантам особенно наглядно показывают, как «патриа и либертад» пыталась дезорганизовать нормальную жизнь в стране. Их подбивали к тому, чтобы «по возможности не продавать ничего сторонникам Народного единства или обеспечивать их в самых малых количествах и плохими товарами... Не сообщать заранее ни одному стороннику Народного единства о времени продажи товаров, дне и часе их поставки». Далее коммерсантам предлагается получить от «патриа и либертад» списки лиц, которые «должны обеспечиваться в первую очередь», за это им будет подсказано «где, как получить товары и как их перевозить».

Нельзя сказать, что антинародное движение «патриа и либертад» являлось единой, сплоченной силой. Оно полно внутренних противоречий, идет склока среди его главарей. В этой внутренней борьбе они пользуются теми же кровавыми методами насилия и расправы, какие применяют и против сторонников Народного единства,

4 мая 1973 года была организована очередная вылазка головорезов из «патриа и либертад» в самом шумном районе столицы — в торгово-деловом ее центре. Хулиганствующие оравы с кастетами на руках, размахивая дубинками и цепями, выкрикивая антиправительственные призывы, стремясь посеять панику среди многочисленных прохожих, двигались по улице Уэрфанос.

И вдруг, кого-то заметив, бросились к зданию главного гнездилища «патриа и либертад». Оттуда раздались выстрелы. Двое из метнувшихся к зданию, рухнули на асфальт, остальные рассеялись. Оказалось, убит руководитель столичной организации «патриа и либертад» Марио Агилар и ранен главарь ее молодежных военизированных отрядов Эрнесто Миллер. /128/

Многочисленные свидетели этой сцены, люди самых разных убеждений и ориентации, подтвердили, что схватка произошла между враждующими группами из одной и той же «патриа и либертад». И дело не в том, что вину за это террористы попытались, как и все беды, свалить на Народное единство, а в убедительном доказательстве кровавой грызни в лагере антинародного движения. Тем не менее прогрессивные силы страны понимали, что «патриа и либертад» являлась, хотя и малочисленной, но по существу фашистской партией, способной при благоприятных для нее условиях стать серьезной угрозой демократии страны. Народное единство, трезво оценивая обстановку, решительно заявляло, что у него достаточно, возможностей, чтобы справиться и с этой разновидностью антинародных сил. /129/

СОБЫТИЯ НА «ТЕНЬЕНТЕ»

Невыносимые условия жизни шахтерского поселка Севель, созданного в скалах при самом крупном в мире подземном медном руднике «Теньенте» я описал в начале книги. В этом поселке в нечеловеческих условиях проживало двенадцать тысяч горняков. Учитывая это, уже в первый год своего существования правительство Народного единства приняло решение построить для шахтеров дома в ближайшем к шахте городе Ранкагуа, предоставить в их распоряжение специальные автобусы для сообщения между городом и местом работы, а Севель как чудовищное

порождение капитализма закрыть. К тому времени, когда я там был, уже опустело три дома, Новые квартиры для их обитателей были выстроены в Ранкагуа.

С тех пор прошло три года. И вот читаю в «Новом времени» корреспонденцию о Севеле В. Волкова. Он рассказывает: «Взобравшись на трехтысячметровую высоту в шахтерский поселок Севель, мы нашли его почти пустым. Руководители государственной «Соседад минера Эль-Теньенте» переселили рабочих в специально построенный поселок в Ранкагуа — на высоте остались только дежурные смены. Автобусы каждый день доставляют шахтеров и медеплавильщиков в их дома в долине».

Страна, осаждаемая реакцией, переживающая в этой связи невероятные трудности политического и экономического характера, сумела практически за два года осуществить столь грандиозное мероприятие — ликвидировать многотысячный поселок нищеты и построить благоустроенный жилой район в центре провинции О'Хигинс — Ранкагуа. /130/

Но вместе с радостными вестями идут тревожные, вызывающие гнев и возмущение. Реакция пыталась остановить весь комплекс медных копей «Теньенте». Она понимала, на что замахнулась. Один день простоя этого комплекса — один миллион долларов убытка. Остановить поток меди — главного богатства страны — значит дезорганизовать ее экономику. Однако план реакции простирался дальше. Всеобщая забастовка на «Теньенте», то есть на руднике, медеплавильном заводе и двух обогатительных фабриках, означала бы раскол рабочего класса, его отрыв от Народного единства.

Эта преступная акция, этот двойной удар были хорошо продуманы, подготовлены и спланированы. Начать политическую забастовку под прикрытием экономических требований профсоюзов, затем организовать «забастовку солидарности с шахтерами «Теньенте» на самом крупном в мире руднике, где добыча руды идет открытым способом, «Чукикамата», втянуть в эту орбиту всю горнорудную промышленность, вовлечь в забастовочное движение другие заводы и фабрики и вызвать всеобщую стачку в национальном масштабе.

Таковы были планы реакции, и она не пожалела денег для их осуществления и пожала некоторые плоды. Однако осуществить свои замыслы ей не удалось. Основная масса рабочих «Теньенте» не дала себя спровоцировать. Комбинат продолжал работать. Однако наименее сознательная, отсталая часть рабочих и значительное количество служащих поддались на провокацию, проводимую руками некоторых лидеров профсоюзов правого толка, и оставили свои рабочие места.

Частичная «забастовка» не устраивала реакцию, и она направила на «Теньенте» и в Ранкагуа огромные силы из своего антинародного арсенала. Сюда из Сантьяго были переброшены специальные отряды террористов и провокаторов, сюда были направлены все рупоры лживой информации.

В Ранкагуа было совершено множество террористических актов и диверсий. Террористы нападали на помещения коммунистической, социалистической и других левых партий, на редакции прогрессивных газет, взорвали динамит в помещении Союза коммунистической молодежи, пытались взорвать радиостанцию «Либертадор», захватили /131/ радиостанцию «Ранкагуа», откуда посылали в эфир антиправительственные призывы.

Отряды из «патриа и либертад» и «Роландо Матус» пытались взорвать линию высокого напряжения, идущую на комбинат «Теньенте», вывели из строя электроподстанцию, в результате чего остановились поезда из Сантьяго и Ранкагуа в южные провинции.

Специальные отряды террористов нападали на рабочих, отказавшихся идти на поводу у реакционных профсоюзных лидеров, шантажировали семьи шахтеров, угрожали расправой. И не только угрожали. В течение лишь одной недели около ста раз нападали на автобусы с рабочими, направлявшимися на комбинат.

Реакции удалось спровоцировать так называемый «марш забастовщиков» в Сантьяго, послуживший сигналом для новых вылазок террористов и совершения диверсий в различных городах страны, ибо рупоры ее средств массовой информации превращали жалкую кучку провокаторов и обманутых, прибывших в столицу, в национальных героев, а их «марш» чуть ли не в национальное явление. Частичная «забастовка» нанесла государству огромный экономический

ущерб. Вице-президент чилийской меднорудной корпорации Хорхе Аппате сообщил, что из-за затянувшейся хотя и частичной «забастовки» страна вынуждена была прервать поставки меди Англии, ФРГ и Венгрии.

Прибывший на «Теньенте» для встречи с горняками Сальвадор Альенде дал оценку событиям, происходящим на комбинате. Он доказал, что частичная «забастовка» носит не экономический характер, как считают те, кто поддались на провокацию, а ярко выраженный политический и является составной частью плана реакции, направленного на свержение правительства Народного единства, на срыв основных социально-экономических преобразований. В высшей степени убедительно звучали его слова, обращенные к рабочим, о том, что сегодня их «защитниками» стали те, кто никогда раньше не интересовался судьбой трудящихся и не заботился об их интересах.

И в самом деле, бурную деятельность в гуще происходящих событий на «Теньенте» развернули люди, вообще никакого отношения к комбинату не имевшие, равно как и к вопросам профсоюзного /132/ движения. Даже в так называемый «комитет профсоюзного действия», пытавшийся разжигать забастовочные страсти, принуждавший шахтеров бросать работу, входили бывшие латифундисты, необозримые земли которых находились в ближайшей зоне и были экспроприированы правительством.

Но кто поверит, что им, извечным эксплуататорам трудового люда, исходящим в злобе против обезглавившего их Народного единства, вдруг дороги стали интересы рабочих.

Нет, это они лишь ищут новые формы использования рабочих в своих интересах, это еще одно доказательство, что незаконные требования экономического характера и «забота» правых профсоюзных лидеров из «Теньенте» лишь ширма для сокрытия подлинного политического характера частичной «забастовки».

Основная масса рабочих «Теньенте» и трудящиеся страны, с негодованием отвергшие «забастовки солидарности», хорошо разобрались в очередном генеральном маневре реакции и дали ей решительный отпор. 80% шахтеров и 30% служащих комбината, несмотря на пропаганду и запугивание ряда местных профсоюзных боссов, несмотря на террористические преследования и шантаж, заняли свои рабочие места.

Кадровый состав шахтеров еще не забыл, как бросили одновременно работу более двухсот специалистов «Теньенте» в знак протеста против национализации меднорудной промышленности. Это были ставленники монополий, и они считали, что без них производство остановится.

Не остановилось. Рабочие выдвинули из своей среды шахтеров высшей квалификации, в короткие сроки были обучены молодые кадры, и вакуума, на который рассчитывали бросившие работу, не случилось. Кое-кто из того же ряда остались на руднике, но остались для того, чтобы вредить. Вот теперь в качестве зачинщиков дезорганизации производства они и показали свои зубы.

Ну что ж, говорили рабочие, пусть и эти уходят. Справились раньше, справимся и сейчас. И эту точку зрения рабочего класса полностью поддерживало правительство, все партии Народного единства и Единый профцентр страны. /133/

Кадровый состав шахтеров еще не забыл, как бросили одновременно работу более двухсот специалистов «Теньенте» в знак протеста против национализации меднорудной промышленности. Это были ставленники монополий, и они считали, что без них производство остановится.

Не остановилось. Рабочие выдвинули из своей среды шахтеров высшей квалификации, в короткие сроки были обучены молодые кадры, и вакуума, на который рассчитывали бросившие работу, не случилось. Кое-кто из того же ряда остались на руднике, но остались для того, чтобы вредить. Вот теперь в качестве зачинщиков дезорганизации производства они и показали свои зубы.

Ну что ж, говорили рабочие, пусть и эти уходят. Справились раньше, справимся и сейчас. И эту точку зрения рабочего класса полностью поддерживало правительство, все партии Народного единства и Единый профцентр страны. /133/

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Планы реакции свергнуть правительство при помощи забастовочного движения, которое бы взяло начало на «Теньенте» и распространилось на всю страну, рухнули.

Не удалось низвергнуть правительство и средствами массового террора и еще одной попыткой военного мятежа.

Каждый натиск, каждый массированный удар реакции неизбежно отражался на условиях жизни народа. Правые и крайне реакционные партии, накопившие большой опыт подавления свободы, «обогащали» его все новыми методами.

Действиям реакции противостояли коалиция левых партий и общественных организаций, рабочий класс Чили, все честное трудовое население, хорошо разобравшееся в том, кто подлинный друг, а кто враг. Это и помогало выносить огромные лишения.

Провал военного мятежа в июне 1973 года, на который реакция возлагала, казалось бы, последние надежды, не остановил ее. Она решила вернуться к уже испытанному ею средству, но применить его более беспощадно и более широко.

Главный вид транспорта Чили — автомобильный. Сплошным потоком шли мощные многотонные грузовики по дорогам страны, протянувшейся между берегом океана и горными хребтами более чем на четыре тысячи километров. Шли машины, груженные медью, сырьем для заводов и фабрик и их готовыми изделиями, продуктами питания и предметами первой необходимости для населения. В автоцистернах, размером порой больше железнодорожных, перевозились /139/ бензин, знаменитое чилийское вино, молоко. Пассажирское сообщение в городах и между городами осуществлялось главным образом на автобусах.

Остановить автотранспорт Чили — значит остановить жизнь страны. Вот это и решила сделать реакция. Она уже пробовала это делать в октябре 1972 года, и удар по национальной экономике оказался весьма ощутим. И вот спустя почти год, она решила повторить этот удар, но с неизмеримо большей силой.

Основная масса машин находится в частных руках. Значительная часть их владельцев входит в объединение, которое возглавляет ярко выраженный фашист Леон Вильярин. В объединение входят и те, кто владеют одной-двумя машинами, и те, кто имеют целые парки грузовиков или автобусов.

26 июля 1973 года, менее чем через месяц после военного мятежа, Вильярин организовал забастовку пятидесяти тысяч владельцев грузовиков и автобусов. Опустели дороги, остановилось движение на автобусных линиях, не вышли из парков многие такси. Эта акция, представляющая грубейшее нарушение национального законодательства, была взята под защиту оппозиционным большинством в Национальном конгрессе.

Далеко не все владельцы транспорта и водители поддались на провокацию. Патриотическая организация транспортников «МОПАРЕ» отказалась участвовать в забастовке. На нее и направила главный удар реакция. Решила создать для них такие условия, при которых они все равно не смогли бы работать. Началось блокирование всех путей и дорог, по которым шли машины «МОПАРЕ». Решили не просто блокировать, а террором. Вооруженные банды из «патриа и либертад» и организованные Вильярином нападали на машины, поджигали их, обстреливали, разбрасывали на дорогах пластиковые бомбы и металлические шипы, перерывали дороги, взрывали мосты, избивали водителей, убивали их.

Реакция пыталась блокировать и заправочные станции, перекрыть все пути движения горючего. Блокировать тем же способом — диверсиями. Террористы разрушали бензоколонки, взрывали нефтепроводы, железные дороги. За две недели было совершено более 270 террористических актов. /140/

Из-за трудностей в подвозе сырья и топлива до сорока процентов предприятий работало лишь на четвертую часть своей мощности, в том числе крупнейший в стране сахарный завод «Иванса» и заводы молочной продукции. Семена и удобрения не доставлялись на поля, что ставило под угрозу весенний сев. Гибли добытая рыба и другие скоропортящиеся продукты. В ряде мест без

кормов оставался скот. Крупные потери несла решающая отрасль промышленности — меднорудная.

Для нормализации положения с транспортом во все двадцать провинций страны были направлены специальные уполномоченные, наделенные широкими правами. 10 августа саботажникам в ультимативной форме было предложено возобновить работу транспорта в течение сорока восьми часов. Как сообщало Ассошиэйтед Пресс, уже через сутки восемь тысяч владельцев автотранспорта выпустили свои машины на линии.

При бешеном сопротивлении реакции началась реквизиция транспорта саботажников, отказывавшихся выполнить распоряжение правительства. Они разряжали аккумуляторы, выводили из строя важные детали, создавали «лагеря по охране» своих парков. Однако в большинстве районов реквизиция шла в спокойной обстановке.

14 августа с обращением к народу выступил по радио и телевидению Сальвадор Альенде. Президент сделал анализ происходящих событий, раскрыл подлинный антинародный политический характер «забастовки», привел данные, показывающие, какой урон она принесла национальной экономике. Приведя факты о действиях террористов, повлекших к человеческим жертвам, президент сказал: «Это фашизм в действии».

Для быстрого восстановления работы транспорта был создан оперативный комитет в составе министров внутренних дел, национальной обороны, общественных работ и транспорта, экономики, горнорудной промышленности и генерального секретаря правительства.

Мероприятия правительства активно поддерживались народом. Бензозаправочные станции, базы автотранспорта «МОПАРЕ» были взяты под вооруженную охрану. Автомашины формировались в колонны, которые также сопровождались вооруженной охраной. Повсеместно /141/ добровольцы, молодежь патрулировали дороги, наблюдали за порядком в местах скопления автомашин. Особенно трудные дни переживали водители из патриотического движения транспортников «МОПАРЕ». Они работали по 14—16 часов в сутки, делая лишь короткие перерывы для сна и еды.

Вопреки яростному сопротивлению реакции повсеместно шла реквизиция машин. Функционировать в первую очередь начал автобусный транспорт. На многих реквизированных грузовиках стали работать добровольцы. Грузовики и автобусы, выпущенные на линию, охранялись рабочими, которых выделял Единый профсоюзный центр страны,

ПРЕОДОЛЕВАЯ ТРУДНОСТИ

Незаконная «забастовка» владельцев грузовых машин, бесчисленные террористические и диверсионные акты в столице и во многих городах страны, военный мятеж, спровоцированные беспорядки и столкновения на улицах, создание «черного рынка» и множество других антинародных акций, совершенных реакционными силами, создали большие трудности в снабжении населения продуктами питания и предметами первой необходимости. К этому добавилось еще кое-что.

Международный империализм при помощи своих научно-исследовательских центров десятилетиями разрабатывал и совершенствовал методы лживой пропаганды и одурманивания людей. И все это «богатство» чилийская реакция взяла на вооружение. Один из методов заключается в том, чтобы, ухватившись за какой-либо достоверный или правдоподобный факт, нанизать на него, подтасовать к нему любые небылицы, и люди поверят, ибо первый факт — они это знают — соответствует истине.

Учитывая трудности в снабжении населения и нехватки в этой связи некоторых продуктов, во много раз преувеличивая подлинные трудности, созданные самой же реакцией, она не забывала об уроках, преподанных ее зарубежными собратьями. Вот как это делалось.

Выше сообщалось о том, что в связи с «забастовкой» владельцев грузовиков в 1972 году и других незаконных акций погибло, в частности /142/, десять миллионов литров молока. И вот несется оглушительный, ни на час не прекращающийся вопль на всех волнах и частотах реакционных радиостанций, по всем программам их телевидения: правительство обещало

каждому чилийскому ребенку ежедневно и бесплатно пол-литра молока. Пусть ответят миллионы детей, получили ли они вчера и сегодня хоть один грамм.

Что касается молока, действительно, реакции удалось, чтобы в дни «забастовки» и беспорядков оно досталось далеко не всем детям. Но валя вину за это на правительство, все враждебные народу рупоры кричали: да разве только молоко осталось лишь обещанием — и пошла клевета, уже не прикрытая и фиговым листком. Безудержная, наглая, масштабная, зацепившаяся за факт с молоком, в расчете, что факт подлинный, а по чьей вине нет молока, не все разберутся. А коль подлинный — значит, и все остальное правда.

Правительство, строго придерживаясь Конституции, принимало все меры к тому, чтобы демократическим путем разрядить напряженность, готово было пойти на определенные уступки, не носящие, естественно, политического характера, которые бы не служили помехой в осуществлении коренных социально-экономических преобразований. Однако экономические требования «профсоюзного характера» для Вильярина и его вдохновителей были лишь ширмой, плохо скрывавшей их подлинные политические цели.

В течение десяти дней власти, проявляя максимум терпения, ежедневно встречались с руководителями конфедерации хозяев автомобильного транспорта для решения вопроса о возобновлении работы всего автопарка.

Начиная забастовку, ее организаторы выдвинули шесть требований. Спустя короткое время прибавилось еще одно. По мере того как представители власти выражали готовность удовлетворить их, количество требований все нарастало и дошло до четырнадцати. В результате длительных и трудных переговоров было, наконец, найдено решение всех проблем и на 24 августа назначено официальное подписание заранее подготовленного и полностью согласованного акта о прекращении забастовки.

Подобное решение разбивало планы реакции, направленные на /143/ свержение правительства. И Вильярин выдвигает новые махрово-реакционные политические требования, не имевшие ничего общего ни с объявленными ранее целями «забастовки», ни с точкой зрения многих, втянутых в нее водителей. Вильярин потребовал, чтобы президент одобрил предложенную оппозицией в парламенте конституционную поправку о трех формах собственности и организации экономики. Эта реформа означала бы возврат многих предприятий прежним владельцам. Он также потребовал принятия правительством закона об аграрной реформе, которая давала бы возможность бывшим латифундистам вернуться на экспроприированные у них земли в качестве хозяев. Иными словами, Вильярин выставил требования, чтобы правительство отказалось от главных и решающих достижений Народного единства, от основы основ своей программы. Науськиваемый внешней и внутренней реакцией, являясь ярым ее представителем, Вильярин заявил также, что соглашение между правительством и владельцами грузовиков должно быть оформлено в виде закона, а это требовало пять кругов «чтений» и обсуждений в Национальном конгрессе, на что ушло бы до двух месяцев. Каждый же день саботажа, выдаваемого за «забастовку» наносил стране убыток в 200 миллионов эскудо.

Новые требования Вильярина сопровождались невиданным еще ранее разгулом террора и диверсий, организуемого им при помощи фашистских «патриа и либертад» и «Роландо Матус», Подобная подрывная деятельность давала властям все основания привлечь Вильярина к ответственности за нарушение закона о внутренней безопасности государства. Были представлены неопровержимые доказательства, по которым Вильярина должны были взять немедленно под стражу и судить. Но реакция не боялась этого. Ведь в высших судебных органах окопались ее надежные агенты. И председатель апелляционного суда Эмилио Уллоа, как один из них, грубо и нагло попирая закон, отпустил Вильярина на свободу под залог.

Подобные действия, охранявшие реакционные силы от закона, полная безнаказанность ее наемников поощряли к новым акциям террора и диверсий. И новые акции начались.

Чтобы остановить поток добровольцев, севших за руль автомашин, предоставленных государством, «забастовщики» организовали /144/ вооруженные банды, которые обстреливали автоколонны, поджигали и взрывали машины. Эти банды воздвигли баррикаду на дороге Сантьяго — порт Сан-Антонио, по которой шли основные потоки продовольствия в столицу. Две

вооруженные банды перерезали пути Сантьяго в крупнейший порт столицы Вальпараисо и на Талаганте. Таким образом, была совершена попытка блокировать столицу, полностью отрезать ее от важнейших центров страны и источников продовольственного и сырьевого снабжения. К тому времени в Сантьяго оставалось всего 800 тонн зерна, что составляло немногим более 300 граммов на человека. Учитывая критическое положение, рабочие порта и железнодорожники Сан-Антонио, работая сутками, разгрузили два судна с зерном и отправили в столицу первый хлебный эшелон. Но он застрял в самом начале пути, так как фашиствующие банды взорвали железнодорожное полотно в 30 километрах от Сан-Антонио.

За неделю до этого, в конце августа, группа военных моряков шикovala радиостанцию крупнейшего в стране порта Вальпараисо, захватила ее и обратилась к населению и армии Чили с призывом не подчиняться властям.

Ко всему комплексу огромных трудностей, созданных реакцией внутри страны, надо добавить множество судебных процессов, возбуждаемых иностранными монополиями, блокирование чилийской меди, пиратские захваты ее, прекращение кредитов, предусмотренных договорами, и многие другие акции, совершавшиеся за рубежом, но чувствительно подрывавшие экономику Чили,

Как же правительство могло выдержать столь массированные удары, наносимые одновременно с разных сторон со все нарастающей силой в самые болевые точки, в самые жизненно важные центры государственного организма?

Было бы ошибкой считать, будто Народному единству противостояли лишь разрозненная кучка представителей промышленного капитала, латифундистов, их наемников и нескольких политических партий, каждая из которых имеет свою программу. Конечно, противоречия между ними немалые, они не представляют собой нечто цельное, но перед лицом Народного единства — самого ненавистного врага каждой из этих групп и всех их вместе взятых, они отставили /145/ на задний план собственные противоречия и пусть не организационно, но объединились в единую мощную силу, обладающую для антинародной борьбы огромными капиталами, всеми средствами массовой информации, огнестрельным оружием различных видов и весомой поддержкой своих собратьев из-за рубежа.

Мозговой центр чилийской реакции, где отключены все его отделы и клетки, ведающие честью, совестью, гуманностью, тоже нельзя считать собранием недорослей. Это матерые короли бизнеса, могущественные представители клана, ведущего изощренную борьбу на международной арене с себе подобными конкурентами, набившие руку на угнетении народа и подавлении его свободы, не ограниченные понятием человеческого достоинства при выборе методов борьбы.

И этот мозговой центр реакции был убежден, что столь мощных ударов, какие нанесла она Народному единству, будет достаточно, чтобы рухнуло ненавистное ей правительство.

Как же правительство Сальвадора Альенде выдерживало это? немыслимый натиск?

Прежде всего потому, что правительство это народное и отражало подлинные чаяния народа. За короткий срок оно провело грандиозные социальные преобразования, направленные только на благо трудового люда.

Его главная сила была в единстве. Единстве славной Коммунистической партии, созданной более пятидесяти лет назад верным ленинцем Луисом Рекабарреном, накопившей огромный опыт борьбы за народное дело, ее единстве с социалистической партией Чили, вставшей на защиту интересов народа, их единстве с другими левыми партиями, которые и образовали все вместе Народное единство, ставшее крепостью. Ее не могли одолеть ни бесконечная осада, ни удары прямой наводкой.

Ее верными и надежными защитниками стали страдавшие десятилетиями рабочий класс и крестьянство, все трудовое население, впервые почувствовавшие себя людьми, а не роботами капитала, впервые получившие возможность участвовать в управлении промышленностью, сельским хозяйством, государством. /146/

Причины своих поражений хорошо поняла реакция. Был разработан новый план свержения правительства, куда более жестокий, изощренно коварный и подлый.

Новый план содержал по меньшей мере три главных раздела.

Первый. Продолжать во все нарастающих масштабах сеять панику среди населения, увеличивая число террористических и диверсионных актов, дезорганизовать работу предприятий, не прекращать «забастовку» владельцев грузовых машин и, чтобы остановить и весь государственный транспорт, взрывать мосты, выводить из строя дороги, нефтепроводы, обрекать народ на голод.

Второй. Расколоть единство рабочего класса, оторвать и постаять себе на службу наименее сознательную ее часть, натравить друг на друга людей одного класса, одинаково чуждых интересам монополий, противопоставить друг другу различные слои трудящихся и разжечь между ними борьбу.

Третий. Расколоть вооруженные силы, подобрать из их верхушки тщеславных, падких на деньги карьеристов, которые бы могли во имя интересов капитала совершить мятеж, возглавить его и силой современного оружия свергнуть правительство.

Потерпев поражение на президентских выборах, а затем еще более чувствительные провалы на муниципальных и парламентских выборах, убедившись, что население поддерживает Народное единство и расколоть ряды рабочего класса и всего трудового населения не удастся, реакция все свои усилия направила на военный переворот. В ее арсенале оставалось единственное и главное средство фашизма — оружие. Только кровь тысяч людей, только массовый, безудержный террор и поголовное истребление всех сопротивляющихся могли привести к захвату власти. На этот путь и встала реакция.

Как уже отмечалось, расчет на вооруженные силы она делала давно. В течение трех лет, особенно в последний перед мятежом период, многие военные руководители находились под массированным воздействием монополий и других реакционных сил, суливших военным головокружительные карьеры, реально ощущая, как обещания подкрепляются солидным финансированием. И реакции удалось найти то, что она искала. Нашлись среди высшего офицерства /147/ предатели Родины, пошедшие к ней на услужение во имя личной карьеры, растоптавшие восхваляемый ими «традиционный нейтралитет» вооруженных сил, хотя понимали, что цена их карьеры — кровь народа.

У реакции были основания рассчитывать на поддержку их планов определенными кругами верхушки армии. 42 процента офицеров являются представителями крупной буржуазии. Это выходцы из семей латифундистов, владельцев заводов, банков, акционеров монополий, 39 процентов офицеров представляют зажиточные слои населения и 19 процентов из мелкобуржуазных, хотя и небогатых семей.

Эти данные, относящиеся к концу шестидесятых годов, характеризуют командный состав армии Чили и в настоящее время. В самом деле, в течение грех лет коренные социально-экономические реформы и преобразования коснулись всех областей жизни страны, за исключением армии и вооруженных сил в целом. Начиная с 1952 года, ее снабжали оружием, обучали, финансировали Соединенные Штаты Америки. В военные учебные заведения Пентагона направлялись значительные контингенты чилийского офицерства. Вся армия организационно построена по типу западных буржуазных армий. Чили была в списке стран, которым США отпускали в кредит современные боевые самолеты. В 1973 году, по давно разработанному плану, чилийский военно-морской флот, где реакционные тенденции командного состава особенно ощутимы, должен был участвовать в совместных маневрах с военно-морским флотом США.

После прихода к власти правительства Народного единства империалистические силы США фактически объявили Чили политический и экономический бойкот. Под различными предлогами было прекращено кредитование, разорваны договоры, по которым на ряд монополий США ложились определенные обязательства экономического характера. А вот что касается вооруженных сил, то здесь осталось все без изменений, вплоть до финансирования. Пентагон в значительной мере сохранил свое влияние на чилийскую армию. Несмотря на все это, в армии были силы, не желавшие выступать против законного правительства. Некоторые являлись сторонниками Народного единства, другие просто лояльно относились к нему, /148/ оставаясь верными долгу и конституции. Таких сил, к сожалению, было немного. По свидетельству французского еженедельника «Монд дипломатик», из 25 генералов чилийской армии в поддержку

правительства выступали не более пяти-шести. Однако они занимали в вооруженных силах высокие посты, и именно это обстоятельство являлось существенной помехой для реакции, которая не раз пыталась совершить военный переворот, начиная с первого дня прихода к власти Народного единства.

О том, что на военный переворот возлагались большие надежды с момента, когда победа Народного единства на президентских выборах 1970 года стала неотвратимой, свидетельствует множество фактов, начиная с мятежа генерала Вио Марамбиа и убийства генерала Рене Шнейдера. Еще в 1970 году теоретический журнал чилийской армии «Мемориал дель эхерсито де Чили» писал о том, что вмешательства вооруженных сил «домогаются представители социальных слоев, чьим богатствам и имуществу грозят реформы, подготовляемые либо проводимые правительством. Это меньшинство стремится вернуть себе власть при помощи военных, которым льстят, называя их спасителями отечества». Трехлетняя провокационная деятельность реакции, направленная на свержение правительства, показала ей, что пока верные правительству генералы и офицеры занимают определенные посты в вооруженных силах, осуществить военный переворот не удастся. И первым, кто подвергся отчаянным ее атакам, был командующий сухопутными войсками, а потом и министр обороны генерал Карлос Пратс. Реакция искусственно создавала поводы, цеплялась за любую возможность, чтобы публично, по всем своим каналам массовой информации компрометировать его.

Так, в напряженнейший момент, когда генерал Пратс узнал об антиправительственном сговоре внутри армии и направился во дворец «Ла Монеда», его «мерседес» был остановлен. Остановлен точно так, как была в свое время остановлена машина генерала Рене Шнейдера, для злодейской расправы над ним. Наперерез Пратсу выскочил «рено», и «мерседес» вынужден был затормозить так, что машина пошла юзом. Тут же «мерседес» сзади прижали еще две машины. /149/

Это была точная копия «рисунка» покушения на Рене Шнейдера и его убийства, расследованием которого занимался Пратс, конечно же, хорошо знавший, как оно свершилось. Он успел выхватить револьвер и выскочить на тротуар до того, как появились неизвестные из окруживших его машин. Генерал сделал несколько предупредительных выстрелов вверх и один в колесо «рено», чтобы задержать ее.

Если в данном случае и затевалось покушение, то оно явно провалилось. А вот создать скандальную историю вокруг имени командующего можно было, ибо как раз в этом месте «неожиданно» оказалось множество людей с фотоаппаратами и кинокамерами. Они засняли, как выскочила из «рено» женщина и с отчаянными воплями и кулаками бросилась на генерала.

Это были отнюдь не фотолюбители. Их «творения» незамедлительно появились в реакционной прессе и на экранах телевизоров с самыми нелепыми обвинениями в адрес генерала, с бесстыдно-клеветническими комментариями. И эти кадры могли произвести впечатление, ибо на них был генерал с пистолетом, а рядом кричавшая женщина.

Без передышки день за днем реакция столь же подло выдвигает против Карлоса Пратса все новые и новые обвинения. Как уже говорилось, он лично руководил подавлением мятежа, проводившемся под командованием майора Роберто Супера. И вот те, кто организовывал этот мятеж и бесчисленные террористические акты, кто направлял руку убийц на безоружных и честных водителей транспорта, отказавшихся участвовать в саботаже, те, чьи руки обагрились кровью патриотов, подняли вой, будто командующий сухопутными войсками «лично стрелял в своих собратьев по оружию».

Это было очередной наглой клеветой. Однако уместно спросить ее авторов: если бы и стрелял он в изменников родины, нарушивших присягу и направляющих в своего командующего стволы автоматов и пулеметов — что же ему в такой обстановке, подставляя лоб, но не стрелять в предателей? Право стрелять в представителей законного правительства и возводить это в доблесть они оставляли за собой. /150/

Против Карлоса Пратса организуются все новые провокационные акции. Вскоре после того, как Сальвадор Альенде в августе 1973 года назначил генерала Пратса министром обороны, жены нескольких реакционных генералов вместе с группой женщин из богатой среды устроили перед домом Карлоса Пратса скандальную демонстрацию. Не применяя силы, охрана генерала пыталась

урезонить распоясавшихся дамочек. В ответ на это реакционные генералы, подняв шум о расправе над бедными беззащитными женщинами, потребовали отставки Карлоса Пратса со всех постов.

В поддержку этого требования поднялся такой вой реакционных сил, такие нападки и клевета на командующего, на какие раньше реакция не решалась.

В беседе для печати 23 августа генерал Пратс сказал: «В демонстрациях перед моим домом участвовало несколько жен генералов. Не все они вели себя подобающим образом. В связи с этим я должен был бы уволить в отставку их мужей, что только привело бы к расколу в армии и ускорило бы государственный переворот. Я подал в отставку с обоих постов. Президент нашел мои доводы убедительными и принял мою отставку».

Подобным нападкам и клевете подвергались все генералы и офицеры, верные конституции и правительству, в частности генеральный директор корпуса карабинеров генерал Марино Супельведа. Уже зная о готовившемся мятеже, затеянном Роберто Супером, генерал Супельведа объявил чрезвычайное положение в провинции Сантьяго. И хотя эта мера была своевременной, что и подтвердилось на следующий день, правая печать и телевидение осыпали «го упреками в «слабости нервов». В конце концов реакции какими-то путями удалось сместить и его.

Еще до этого организованным и массированным нападкам подвергся командующий военно-морским флотом адмирал Рауль Монторо, который также вынужден был подать в отставку. Места смещенных командующих родами войск были заняты наиболее реакционными военачальниками. Что касается ряда командиров среднего звена и просто рядовых, не желавших участвовать в путче, то хунта сама разделалась с ними еще до переворота. /151/

Практически хваленый нейтралитет вооруженных сил был нарушен задолго до путча, и реакционно настроенные генералитет и офицерство глубоко влезли в политические дела, грубо вмешиваясь в жизнь страны в ее критические периоды.

В тайне от властей в армии велась огромная подрывная работа. С одной стороны, реакционная военщина под всякими предлогами не принимала решительных мер против мятежников, террористов, диверсантов, саботировала указания правительства, сознательно не выполняла своих прямых функций по защите безопасности государства, практически способствовала созданию хаоса в стране. С другой стороны, не имея на то полномочий правительства, делала все, чтобы задушить движение рабочего класса и всего трудового населения, начавших организовываться в отряды для защиты своих предприятий. Собственно говоря, и отряды эти повсеместно возникали только потому, что армия и карабинеры, то есть военная полиция, не выполняли своих прямых функций. В обход властей реакционные военачальники под видом борьбы за соблюдение закона «О контроле над оружием» систематически проводили репрессии против сторонников и защитников Народного единства.

Якобы в поисках нарушителей этого закона вооруженные силы врываются на заводы и фабрики, производили обыски., угрожали, разгоняли рабочие отряды.

Налеты отличались большой жестокостью и подчас кончались кровавой расправой. Например, 6 августа 1973 г. войсковая часть под командованием генерала Мануэля Торреса де ла Крус совершила варварскую облаву в Пунта-Аренасе. Под дулами автоматов многих рабочих заставили лечь на снег, и они оставались в таком положении несколько часов, пока шли облава и обыски. Один рабочий, не подчинившийся произволу, был тут же прошит пулеметной очередью, второму нанесен удар штыком. Подобные акции проводились в ряде районов страны при участии крупных воинских частей. За короткий срок налетам подверглись более двухсот промышленных предприятий. Подобные налеты и прочесывания, проводившиеся с целью устранения и разгрома рабочих отрядов, входили в планы реакции по подготовке свержения правительства. /152/

***

Сигналом к военному перевороту послужил мятеж на военном флоте в Вальпараисо. Мятежники захватили порт, телеграф, радио и другие важные центры этого второго по величине города Чили. Затем военная хунта в составе командующего сухопутными войсками генерала Аугусто Пиночет, командующего ВМФ адмирала Хосе Торибио Мерино Кастро, командующего ВВС Густава Ли Гусмана и командующего корпусом карабинеров Сесара Мендоса Дурана передали ультиматум, требующий отставки президента Сальвадора Альенде.

О том, как развивались события во дворце «Ла Монеда» в день переворота, о великом подвиге выдающегося борца за свободу чилийского народа, одного из крупнейших демократических деятелей Латинской Америки президента Чили Сальвадора Альенде и его героической смерти подробно рассказал премьер-министр Революционного правительства Кубы Фидель Кастро. Привожу почти полностью этот рассказ, переданный из Гаваны агентством Пренса Латина.

«В 6.20 утра 11 сентября в резиденции президента Альенде на улице Томаса Моро раздался телефонный звонок. Президента предупреждали, что начинается государственный переворот. Он сразу же поднял по тревоге свою личную охрану и принял решение отправиться в президентский дворец, чтобы со своего президентского поста защищать правительство Народного единства. В сопровождении 23 человек охраны, вооруженных автоматическими винтовками, двумя пулеметами и 3 базаками, они прибыли в президентский дворец в 7.30 утра на четырех машинах.

С винтовкой в руке президент вошел во дворец через главный вход. В это время дворец «Ла Монеда», как обычно, охраняли карабинеры.

Уже находясь внутри дворца, Альенде собрал сопровождавших его людей, сообщил им о серьезности положения и о своей решимости бороться до самой смерти, защищая конституционное, законное, народное правительство Чили от фашистского переворота, /153/ проанализировал имеющиеся возможности и отдал первые распоряжения относительно обороны «Ла Монеда».

В течение часа С. Альенде трижды выступил по радио с призывом к народу. Он заявил о своей готовности защищаться до конца. В 8.15 представитель фашистской хунты обратился к президенту с предложением о сдаче, уходе со своего поста и о предоставлении ему самолета, на котором он мог покинуть страну вместе с родственниками и сотрудниками. Президент отверг это предложение, сказав, что «генералы-предатели не знают, что такое человек чести». Затем в своем кабинете президент провел краткое совещание с группой прибывших во дворец высших офицеров корпуса карабинеров, которые отказались защищать правительство. Со словами презрения С. Альенде приказал им уйти из дворца немедленно. Во время этого совещания в «Ла Монеду» прибыли адъютанты трех родов войск. Президент заявил им, что сейчас не время доверять военным, и попросил их покинуть дворец. Тем не менее он дружески распрощался с майором Суаресом, занимавшим пост военно-воздушного адъютанта в течение нескольких лет.

Через несколько минут после ухода адъютантов и офицеров корпуса карабинеров руководитель гарнизона карабинеров, охранявших дворец, выполняя инструкции своего начальства, направил одного из своих подчиненных ко всем карабинерам, находившимся во дворце, с приказом покинуть его. Карабинеры начали покидать дворец, унося с собой часть вооружения. Танки и бронетранспортеры карабинеров, предназначенные для обороны «Ла Монеда», также покинули свои позиции.

Между тем в «Ла Монеду» начали прибывать министры, секретари, советники. Прибыли дочери президента Беатрис и Исабель, многочисленные сторонники и члены партий блока Народное единство, чтобы в этот критический час находиться вместе с президентом.

Примерно в 9.15 начался обстрел президентского дворца. Пехотные подразделения общей численностью около двухсот человек пошли в наступление по улицам, прилегающим к площади Конституции, открыв стрельбу по дворцу. Число охранявших «Ла Монеду» не превышало 40 человек. С. Альенде приказал отвечать на /154/ огонь и сам лично принимал участие в этой перестрелке. Пехота отступила, неся многочисленные потери.

Тогда фашисты ввели в бой танки. Одни танки двигались по улице Монеда, другие — по улицам Театинос, Аламеда, Моранде. Несколько танков появилось на площади Конституции. Выстрелом из базуки один танк был уничтожен. Другие открыли огонь по кабинету президента. Их поддерживали пулеметы с бронетранспортеров.

В 10.45 президент собрал всех находившихся во дворце и сказал, что для борьбы, которая должна развернуться в будущем, потребуются руководители и исполнители, и поэтому все, у кого нет оружия, должны при первой же возможности покинуть дворец. Те, у кого есть оружие, должны находиться на своих боевых постах. Однако никто из присутствующих не согласился покинуть «Ла Монеду».

Между тем бой продолжался. Фашисты выдвигали новые ультиматумы, угрожая, что если защитники не сдадутся, то в бой будут введены самолеты чилийских ВВС.

В 11.45 президент собрал своих дочерей и всех женщин, находившихся во дворце (всего 9 человек), и приказал им покинуть «Ла Монеду», поскольку считал, что они могут погибнуть, и тут же попросил у нападающих 3-минутную передышку, чтобы эвакуировать женщин из дворца. Фашисты отказались дать передышку, однако в этот момент войска начали отходить от дворца, чтобы дать возможность самолетам атаковать «Ла Монеду». Это временное прекращение огня дало возможность женщинам покинуть дворец.

Примерно в 12 часов дня начался воздушный налет. Первые ракеты с самолетов взорвались во дворе «Ла Монеды».

Подходил к концу третий час боя. Снаряды были уже на исходе. Тогда президент приказал взломать дверь склада вооружения гарнизона карабинеров, охранявших дворец. Он сам пересек зимний двор «Ла Монеды», и видя, что дверь склада не поддается, приказал взорвать ее гранатами. В складе было найдено четыре пулемета, большое количество винтовок «СИК», патроны, противогазы и каски. После того, как оружие было разобрано, Альенде приказал всем занять свои места и сам с оружием в руках воскликнул: «Так /155/ пишется первая страница этой истории! Мой народ и Америка допишут остальное!»

В этот момент начался новый воздушный налет. От взрыва бомб вылетели стекла из окон, и их осколки нанесли Альенде легкое ранение. Это была первая рана, которую он почувствовал.

Через несколько минут началась новая комбинированная атака с использованием самолетов, танков, артиллерии и пехоты.

Именно в этот момент С. Альенде совершил самый настоящий подвиг. Несмотря на огонь, охвативший дворец, Альенде с базукой в руках ползком пробрался в свой кабинет и одним выстрелом вывел из строя танк, стоявший на улице Моранде. Несколько мгновений спустя второй защитник подбил еще один танк.

Фашисты ввели в бой новые танки и бронетранспортеры, усилив огонь по входу во дворец, охваченный пламенем. Президент с несколькими защитниками спустился на первый этаж и отразил попытку фашистов проникнуть во дворец со стороны улицы Моранде. Тогда фашисты временно прекратили огонь и обратились к защитникам дворца с просьбой выслать двоих парламентариев.

Фашисты обратились к парламентариям с требованием сдаться, предлагая президенту и другим защитникам покинуть дворец и направиться в любую страну, куда они захотят. С. Альенде заявил о готовности защищать дворец до последней капли крови, выражая не только свое мнение, но и мнение всех защитников. Сопротивление продолжалось.

В 1.30 президент поднялся на второй этаж, чтобы осмотреть боевые порядки защитников.

К этому времени фашистам удалось захватить первый этаж дворца, но участники обороны продолжали отражать их атаки на втором этаже. Только к двум часам дня нападающим удалось прорваться в одно из помещений второго этажа. С. Альенде с несколькими товарищами забаррикадировался в красном зале. В тот момент, когда он пытался преградить вход фашистам, пуля угодила ему в живот. С. Альенде оперся на стул и продолжал стрельбу по наступающим фашистам до тех пор, пока вторая пуля, попавшая в грудь, не сразила его. Уже мертвого его буквально изрешетили автоматной очередью. /156/

Увидев, что президент мертв, его личная охрана бросилась » контратаку и заставила фашистов отступить. Затем они перенесли тело С. Альенде в кабинет президента, усадили на президентское кресло, надели президентскую ленту и обернули его чилийским флагом.

Даже после смерти президента защитники дворца продолжали сопротивление. Лишь к четырем часам дня пожар, продолжавшийся в течение нескольких часов, погасил последнее сопротивление.

Многие были удивлены, узнав, что 40 человек удерживали «Ла Монеду» в течение семи часов, отражая мощные атаки артиллерии, танков, авиации и пехоты.

С. Альенде был твердым и решительным в выполнении своего обещания умереть, защищая дело народа. Его сила духа, организаторский талант и личный героизм удивительны. Ни один президент на этом континенте не совершал подобного подвига. Много раз благородные намерения

подавлялись грубой силой, но никогда еще эта грубая сила не встречала такого сопротивления со стороны человека идеи, оружием которого всегда было слово».

Сальвадор Альенде родился и вырос в семье трудовой интеллигенции. Ее прогрессивные, демократические взгляды имели глубокие корни. Еще прадед Сальвадора был одним из тех, кто восстал против испанского господства в Чили и участвовал в борьбе за независимость. Совсем юным включается в революционное движение и Сальвадор.

Первые репрессии обрушились на него в 1930 году, когда Альенде едва исполнилось 22 года. За активные выступления против военной диктатуры его исключают из университета и предают суду военного трибунала.

Этот первый удар реакции не сломил молодого борца. Напротив, еще раз повторяет он клятву, данную у гроба отца, всю свою жизнь посвятить великому делу борьбы за социальную справедливость. Этой клятве он оставался верен до последнего вздоха.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в двадцатых годах активизируется рабочее движение в Чили. В 1922 году создается коммунистическая партия, во главе с верным /157/ ленинцем Луисом Рекабарреном. Нарастающий революционный подъем вынуждает правительство идти на определенные уступки рабочему классу. В частности, вводится восьмичасовой рабочий день, В течение десятилетия совершаются бесчисленные государственные перевороты, сопровождающиеся репрессиями против демократического движения. Волны забастовок подавляются реакционными правительствами.

В 1933 году президент Алессандри, получивший при помощи олигархической верхушки чрезвычайные полномочия, с особой жестокостью подавляет забастовки в Сантьяго, Вальпараисо и крестьянские выступления. Правящие круги усиливают связи с фашистскими Германией и Италией, поощряют создание фашистских организаций внутри страны. Компартия уходит в подполье.

Именно в это тяжелое для демократических сил время, активный участник революционного движения Сальвадор Альенде становится одним из основателей социалистической партии в Чили. Его авторитет среди трудового народа растет, и вскоре он становится депутатом парламента от Вальпараисо.

В 1936 году по инициативе компартии создается Народный фронт, куда входят коммунистическая, социалистическая, радикальная, демократическая партии и Конфедерация трудящихся Чили. С тех пор и до конца своих дней Сальвадор Альенде неустанно призывал все прогрессивные силы к сотрудничеству с коммунистической партией. Даже в самые мрачные для Чили годы, когда компартия подвергалась жесточайшим преследованиям и находилась в глубоком подполье, Альенде выступал за союз с коммунистами, хорошо понимая, что подобные призывы для него самого чреваты тяжелыми последствиями.

В 1938 году Народный фронт одержал победу на президентских выборах. В новом правительстве, возглавляемом Педро Агирре Серда, портфель министра здравоохранения получает врач по образованию Сальвадор Альенде, К тому времени ему было лишь тридцать лет, а за плечами накопился уже немалый опыт политической борьбы.

Правительства Серда, а затем Рохаса осуществили ряд прогрессивных планов. Были установлены дипломатические отношения с /158/ Советским Союзом, в 1945 году была объявлена война фашистской Германии и милитаристской Японии. Однако коренные социально-экономические преобразования осуществить не удалось. Практически вся экономика оставалась в руках иностранных монополий и местной олигархии.

В 1946 году к власти приходит Гонсалес Видела, оставивший после себя кровавый след. Компартия была запрещена, дипломатические отношения с Советским Союзом разорваны, жесточайшим репрессиям подверглись рабочий класс и все демократическое движение. А на следующих президентских выборах в 1952 году впервые среди кандидатов в президенты появилось имя Сальвадора Альенде.

Член Политической комиссии ЦК Компартии Чили В. Тейтельбойм, вспоминая тот период, говорил: «Сальвадор Альенде всегда выступал за сплоченность рабочего класса, всегда подчеркивал необходимость сохранения и укрепления единства социалистов и коммунистов. В

1952 году, когда Коммунистическая партия подверглась жестоким репрессиям и работала в условиях подполья, когда более 50 тысяч чилийских патриотов были лишены права голоса как люди «второго сорта», Сальвадор Альенде поднял знамя революционной борьбы. Не боясь преследований, он выступил за союз с коммунистами и призвал к совместной борьбе все первичные организации социалистов, особенно на фабриках, заводах, в профсоюзных организациях. Это было сделано для того, чтобы позже открыть возможность для более тесного сотрудничества уже в рамках Народного единства.

Я хорошо помню эту кампанию президентских выборов. Мы были маленькой группой, Сальвадор Альенде знал, что не победит на этих выборах, что даже голосов соберет немного, но то был посев на будущее. Тогда особенно ярко проявилась важнейшая черта его характера — стойкость в борьбе с трудностями, которых было в его жизни гораздо больше, чем побед.

Он хорошо знал, что в суровой борьбе рождаются предпосылки будущих успехов. Он верил в народ. Даже в самые тяжелые дни он накапливал опыт для нового наступления. Он знал: всякое поражение народа есть лишь временное поражение... /159/

В 1958 году Альенде не хватило 30 тысяч голосов, чтобы быть избранным на пост президента. Тогда-то мы впервые испытали на себе развязанную реакцией и империализмом кампанию физического и психологического террора. Реакция превратила Чили в настоящий полигон — экспериментальную лабораторию лжи и клеветы в огромных масштабах. Объектом травли стали руководители Народного единства, лично Сальвадор Альенде, единство социалистов и коммунистов, чилийский пролетариат.

В 1964 году правые смогли победить на выборах только с помощью денег и тех рецептов, которые разрабатывались в Белом доме и ЦРУ».

На президентских выборах 1970 года, как известно, коалиция левых партий, образовавших Народное единство, единодушно выдвинула своим кандидатом Сальвадора Альенде и он одержал победу. Альенде был первым в истории Чили президентом, правительство которого осуществило коренные социально-экономические преобразования. Впервые чилийский народ познал свободу. Впервые иностранные монополии были изгнаны из страны, потеряли в Чили свои позиции, лишились источников баснословного барыша. Впервые была национализирована крупная промышленность и экспроприированы земли крупных латифундистов.

Международный империализм и чилийская реакция смириться с этим не могли. Три года объединенные силы внутренней и внешней реакции вели отчаянную борьбу против законного правительства Сальвадора Альенде и, убедившись, что его не склонить на свою сторону и не сломить, убили его.

Сегодня, как сказал Л. И. Брежнев: «Мы склоняем головы перед светлой памятью героически павшего Президента Республики Чили, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Сальвадора Альенде. Он был одной из самых чистых и благородных фигур современной политической жизни, был до конца предан делу народа и отдал за него свою жизнь».

Имя Сальвадора Альенде навсегда останется в истории Чили, в истории народов Латинской Америки, борющихся за свободу и национальную независимость, в сердцах всех народов мира. Оно будет звать на защиту идеалов, за которые он погиб. /160/

Захватив власть, хунта упразднила конституцию, объявила о роспуске Национального собрания и всех государственных и общественных институтов. Путчисты арестовали ряд членов правительства и передали по радио список 68 политических деятелей, которым приказали явиться в министерство обороны.

В столице, в провинциальных центрах и городах все посты, включая ректоров высших учебных заведений, захватили военные. Коммунистическая, социалистическая и другие левые партии, все общественные организации, включая Единый профцентр Чили, были запрещены и объявлены вне закона. Их помещения, равно как и все левые газеты, телецентры, радиостанции, кроме самых махровых «Меркурио» и «Терсера де ла ора» — органа крайне правой национальной партии, подверглись разгрому. Характерно, что спустя несколько дней после путча хунта разрешила выход и «Пренсы» — газеты христиано-демократов, правое крыло которых во главе с

бывшим президентом Фреем сыграло особо предательскую роль организаторов и пособников переворота. Не устая выступая с фарисейскими заявлениями о том, что их партия решительно против насильственных действий, что все вопросы должны решаться демократическим путем, на деле они оказали решающую помощь хунте, подтолкнув ее к свершению переворота. И в первые же дни после путча их лидеры поспешили заверить хунту в своей лояльности кровавому режиму.

Начиная с рокового дня 11 сентября опустели воинские гарнизоны и казармы. Пехота, артиллерия, танковые части по заранее разработанному плану рассредоточились по всей стране, заняли центры и окраины городов, особенно скапливаясь в рабочих районах, и эта огромная военная машина находилась в непрерывном движении, заполнив грохотом, лязгом и стрельбой территорию страны. Низко над населенными пунктами гудели военные самолеты и вертолеты, близ побережья двигались корабли с расчехленными стволами орудий.

В устрашение народу была поднята и приведена в действие вся армия. Она не только наводила страх на людей своим видом и грохотом, но именно действовала. Действовала, как это бывает на война. Только здесь с одной стороны была вооруженная до зубов /161/ армия, а с другой стороны — мирный народ. Это был единственный способ, с помощью которого хунта смогла захватить и на том этапе удержать власть, ибо ей было оказано отчаянное сопротивление.

На защиту завоеваний Народного единства поднялись тысячи и тысячи чилийцев. Очаги сопротивления военной хунте сразу же возникли в промышленных пригородах и в центре Сантьяго, во многих провинциях. Упорное сопротивление войска хунты, оснащенные современным оружием, встретили в Консепсьоне, Араука, Каутине, в районах медных рудников «Чукикамата» и «Эль-Сальвадор», в Антсфагасте, Осорно, Вальпараисо, Чильано, Пуэрто-Альто и в других провинциях и городах.

Одним из центров сопротивления стала Вальдивия, куда хунте пришлось перебросить с других участков значительные силы пехоты, поддерживаемые танками и авиацией. На многих предприятиях рабочие забаррикадировались, и хотя понимали, что силы несоизмеримо неравные, сражались насмерть. Так, в частности, было на столичной текстильной фабрике, которую войска разрушили полностью, истребив всех ее защитников, в том числе раненых.

Как сообщали иностранные агентства, только в первые дни после переворота было истреблено около шести тысяч трудящихся, «уличенных» в том, что они являются сторонниками Народного единства. Все тюрьмы переполнились. В казематы были превращены подсобные помещения стадионов, а сами стадионы — в концентрационные лагеря. Арестованными заполнили трюмы военных кораблей, здания министерства обороны и военных академий, военные гарнизоны. На корабли в Вальпараисо было загнано более трех тысяч человек. Заключенных, которым нигде не оказалось места, увозили на острова.

Западногерманская газета «Унзере цейт» опубликовала рассказ вернувшихся из Чили моряков ФРГ, находившихся там во время переворота. Они сообщили, что из порта Вальпараисо неоднократно выходило в море судно «Майпу», на борту которого находились арестованные. Оно возвращалось примерно через три часа без них. А до ближайших портов от Вальпараисо не менее четырех-шести часов хода. Значит, констатировала газета, арестованных сбрасывали в море. /162/

Когда вся мировая печать заполнилась сообщениями о массовом истреблении населения, военная хунта заявила о том, что в Сантьяго создано тридцать пять военно-полевых судов. Но это отвратительный фарс. Полевые суды разбирали «дела» единиц, десятков, а сотни и сотни расстреливались на улицах, заводах и фабриках, в местах заключения без разбора и следствия.

Многочисленные очевидцы кровавой резни, вырвавшиеся из фашистского ада, в который черные генералы превратили страну, поведали миру о их чудовищных зверствах. О том, что видели своими глазами, рассказали свидетели — подданные Англии, Франции, Западной Германии, США, многих латиноамериканских и других государств и иностранные журналисты.

Английская газета «Гардиан» опубликовала в те дни статью своего корреспондента, где говорилось: «Здесь, в Сантьяго, действительно произошли ужасные события: явная кровавая расправа в техническом университете, трупы в реке Мопочо, разрушение текстильной фабрики «Сумар». Но сообщения, поступающие из отдельных районов страны на юге, наводят на мысль, что там репрессии носили еще более жестокий характер. От рассказов очевидцев О том, что,

например, происходило и происходит в южном городе Темуко, волосы встают дыбом. Сотни людей там арестованы. Единственное обвинение против них – поддержка правительства С. Альенде».

Мексиканская журналистка Патрисиа Бастидос Карлос рассказала, как солдаты окружили здание университета, где она находилась вместе со студентами, и открыли стрельбу. Одному студенту пуля попала в голову, девушке — в грудь. Тогда они вывесили белый флаг. «Нас выгнали всех на улицу,— говорила она,— руки на затылке. Девочек 15—16 лет обыскивали, ругали последними словами, грубо хватали, били. Тех, кто не мог быстро идти, толкали прикладами... Потом нас погрузили на военные машины и повезли в центр, к генеральному штабу. Там уже было полно арестованных. Нас отправили в казармы «Такна». Там тоже было все переполнено. На улице стояли грузовики, переполненные арестованными». На центральном стадионе, куда наконец загнали студентов, Карлос находилась три дня. На допросе, рассказала она, ее били палкой по плечам, по ногам /163/ и животу... «Около двенадцати часов ночи увели на допрос группу мужчин. Потом мы слышали выстрелы. Через некоторое время привели только часть из них. Остальных, очевидно, расстреляли. Всю ночь нас освещали сильными прожекторами и держали под дулом пулеметов» Солдаты то и дело заряжали и разряжали их. От этого лязга можно было сойти с ума. Мы думали, что нас всех сейчас расстреляют. Допросы продолжались всю ночь». Подобные свидетельства очевидцев самых различных мировоззрений были опубликованы в десятках стран.

Хунта официально объявила, будто на столичном стадионе заключено семь тысяч человек. Однако все, кому удалось выбраться оттуда, свидетельствовали, что там было не менее пятнадцати тысяч обреченных. Они содержались в ужасающих условиях, почти без пищи. Часть из них находилась на скамьях стадиона за проволочной решеткой, под направленными на них стволами пулеметов и автоматов, остальными были забиты подсобные помещения и раздевалки под трибунами. Многих заставляли стоять на коленях, их били по ногам, а малейшего подозрения в неповиновении было достаточно для расстрела на месте на глазах у всех. Из глубин спортивных сооружений доносились крики пытаемых и выстрелы.

Здесь, на крупнейшем стадионе столицы, которым гордились чилийцы, где шли крупнейшие футбольные и другие соревнования, было совершено чудовищное по своему зверству убийство Виктора Хара. Поэт, композитор, певец, не расстававшийся со своей гитарой, он был любимцем молодежи и трудового люда Чили. Его песни звучали по всей стране. Виктор Хара не бросил гитары, когда его схватили и загнали на стадион. Конечно же, видя кошмар, творившийся там, он хорошо понимал, чем это может кончиться, если он начнет петь. И коммунист Виктор Хара ударил по струнам и запел революционную песню. Ее подхватили заключенные.

Взбесившийся от ярости офицер приказал отрубить гитаристу руки. И эта инквизиция была совершена. Но теряя силы, ослабевшим голосом Хара продолжал петь. Ему проломили голову и уже мертвого, в «назидание» остальным заключенным, повесили перед трибуной.

Волны кровавого, безудержного террора неслись по всей стране. /164/ В те дни французская газета «Монд» писала: «Большинство наблюдателей считает, что этот государственный переворот — один из самых кровавых в Латинской Америке с начала нынешнего столетия».

С упорством маньяков, методично, один за другим военщина оцепляла и прочесывала кварталы городов и населенных пунктов, особенно в рабочих районах, в поисках сторонников Народного единства. Реакционные газеты, сыгравшие немалую роль в том, что хунта захватила власть, систематически печатали фотографии политических и общественных деятелей, за головы которых, как в самые мрачные времена фашизма, хунта сулила огромные «вознаграждения» предателям, готовым выдать за барыш народных вожаков.

Хунте удалось схватить выдающегося борца за рабочее дело, профессионального революционера. Генерального секретаря Коммунистической партии Чили Луиса Корвалана. В 1932 году, когда Луису было шестнадцать лет, он вступил в партию. С тех пор вся его жизнь принадлежала народу. Он героически переносил преследования реакции, аресты, ссылки, концлагеря, пытки, и ничто не могло сломить его воли к борьбе за светлые идеалы своего народа. В годы правления кровавого президента Гонсалеса Видела в глубоком подполье выходила «Эль

Сигло» — боевой орган чилийских коммунистов, звавший народ на борьбу. Ее редактором был Корвалан. С 1958 года Луис Корвалан — Генеральный секретарь чилийской компартии. Неценима его роль в создании Народного единства, в победе блока левых партий на президентских выборах в 1970 году, в осуществлении коренных социально-экономических преобразований за последующие три года.

Кровавая хунта схватила Луиса Корвалана, и сообщение об этом вызвало невиданную бурю протестов, пронесшихся над миром, против готовившейся расправы и остановило занесенный над ним топор палачей.

Трудно предвидеть, что может прийти в голову опьяненной кровью военщине, но в момент, когда писалась эта глава, хунта боялось расправиться с нестигаемым борцом Лючо, как любовно называли его в народе.

Пламенный революционер, бесстрашный коммунист Корвалан и /165/ в застенках продолжал борьбу. Оттуда, из глухого каземата на весь мир разнесся его голос: «С помощью военного переворота нельзя остановить борьбу народа... Я люблю свободу, но меня не пугает тюрьма. Совесть моя спокойна, я не боюсь смерти».

Только великая, неистребимая вера в народ, в его правое дело, в его неизбежную победу над силами реакции могли продиктовать ему эти слова. Только великая убежденность коммуниста, подлинно революционная стойкость и непревзойденная воля вселили в него спокойствие перед нависшей над ним угрозой, которое устрасило даже его палачей.

Преступная банда генералов хунты схватила члена Политкомиссии ЦК Компартии Чили Родриго Рохаса, члена ЦК Компартии Паскуаля Барраса, бывшего префекта провинции Сантьяго Хулио Стуардо и других политических деятелей.

Репрессиям подверглись многочисленные иностранные подданные, аккредитованные в Чили, иностранные студенты и специалисты, работавшие там по приглашению правительства. На посольство Кубы «гориллы» совершили вооруженное нападение. Акты произвола и насилия были допущены в отношении учреждений и граждан ряда стран, в том числе и Советского Союза.

В ответ на это СССР, ряд других социалистических стран прервали дипломатические отношения с Чили, где произвол и попираание самых элементарных, общепризнанных норм международного права стали «нормой» для новоявленных правителей. В ходе обсуждения в Совете Безопасности ООН вопроса о кровавых злодеяниях хунты было указано, что своими действиями она бросает вызов всему международному общественному мнению.

Этот вызов возмутил человечество. Волны народного гнева прокатились по всем континентам. Бесчисленные демонстрации протеста трудящихся против кровавого разгула военщины прошли в десятках стран мира. Президенты, парламенты, правительства, государственные и партийные деятели, крупнейшие представители науки и культуры от имени своих народов заклеили позором организаторов фашистской резни в Чили, выразили горячую поддержку героическому чилийскому народу. Всемирный Совет Мира на внеочередном экстренном заседании принял обращение к правительствам /166/ и народам планеты — остановить руку палачей чилийского народа. Возмущенный голос протеста против варварских преступлений хунты прозвучал с трибуны Международной конференции солидарности с народом Чили, состоявшейся в Финляндии. Конференция приняла «Декларацию о немедленном разворачивании во всем мире движения солидарности с народом Чили».

В течение нескольких дней это движение приняло громадные размеры. От имени женщин ста десяти стран Международная демократическая федерация женщин заявила решительный протест против разгула фашистского террора в Чили, призвала к созданию международного трибунала для расследования преступлений военной хунты, потребовала немедленного освобождения Луиса Корвалана и всех загнанных в тюрьмы чилийских патриотов.

С подобными призывами выступили профсоюзные, молодежные и все демократические международные организации.

Великое негодование и гнев против чудовищных кровопролитий в Чили, решительные требования освободить Луиса Корвалана выразили все народы Советского Союза. Волна митингов протесте прокатилась из края в край нашей Родины. Еще до ареста Луиса Корвалана чувства

советских людей были выражены в Заявлении Центрального Комитета КПСС по поводу военного переворота в Чили. В этом заявлении, в частности, говорилось:

«Свержение правительства С. Альенде явилось кульминацией подрывных действий чилийской реакции. При поддержке внешне' империалистических сил на протяжении всех трех лет нахождения народного правительства у власти она открыто нарушала законы и конституцию, препятствовала осуществлению программы коренных социально-экономических преобразований в интересах трудового народа и независимого развития страны, дезорганизовывала экономическую жизнь, совершала террористические акты. Сейчас реакция, нагло поправшая волю народа, растоптавшая элементарные демократические нормы, осуществляет расправу с прогрессивными деятелями. Поступают сообщения об арестах членов партий коалиции Народного единства, других прогрессивных организаций трудящихся и репрессиях в отношении Единого профсоюзного центра Чили. Центральный Комитет КПСС решительно осуждает действия /167/ реакционных сил в Чили, попрание ими демократических институтов и конституционных норм, их злоешие планы репрессий против прогрессивных партий и организаций.

В этот трудный для чилийского народа час, выражая чувства советских коммунистов, всех советских людей ЦК КПСС заявляет о своей полной солидарности с братской Коммунистической партией Чили, с социалистической партией, с другими партиями Народного единства, со всеми трудящимися Чили, которые, несмотря на удары реакции, остаются верными делу борьбы за независимость, демократию и социальный прогресс — те благородные цели, за которые мужественно боролись Сальвадор Альенде, правительство Народного единства, трудовой народ Чили.

ЦК КПСС выражает твердую уверенность в том, что никакие репрессии, никакой террор не способны сломить волю народа, преградить путь экономического и социального прогресса».

Нет никаких сомнений в том, что без поддержки, а порой и организующей роли империализма военная хунта не решилась бы на столь чудовищное истребление демократических сил страны. О причастности американских монополий и ЦРУ к перевороту и финансированию этой кровавой акции появилось множество сообщений в печати различных стран.

В американских газетах вновь заговорили о документах, в свое время преданных гласности журналистами США и неопровержимо доказавших, что одна из крупнейших корпораций «Интернейшнл телефон энд телеграф компани» (ИТТ) и ЦРУ принимали активное участие в попытках свержения правительства Сальвадора Альенде в 1970 году. Провал этого заговора и его разоблачение не остановили империалистических сил.

Теперь стало ясно, сообщается в печати, почему, прекратив финансирование и кредиты Чили, обусловленные государственными соглашениями, Пентагон продолжал оказывать финансовую помощь их вооруженным силам, ни на один день не прекращая опеки над ними. Значительное количество американских военных инструкторов различных уровней и рангов постоянно находились в армии Чили, имея открытый доступ ко всем родам войск.

Сообщается, что в ином свете выглядит теперь и «забота» американских /168/ монополий о «забастовщиках», саботажниках, террористах, выразившаяся в щедром финансировании этих врагов Народного единства. Совершенно очевидно, что без такой помощи не могли бы коммерсанты и владельцы мелких предприятий долгими месяцами держать мертвым грузом товары, пряча их от населения, ибо фирмы неизбежно потерпели бы крах. Да и владельцы грузовых автопарков не согласились бы обречь на длительные простои свои машины, если бы им не возмещались «убытки», не могли бы без помощи извне получать значительное количество оружия и террористы.

Печать обращает внимание и на некоторые весьма странные «совпадения». Перед самым переворотом американский посол в Чили срочно вылетел в Вашингтон, а военные корабли США направились к берегам Чили. Однако, как только появились сообщения о том, что переворот свершился и хунта захватила власть, корабли повернули обратно.

Появились в печати и другие сообщения о прямых или косвенных уликах, подтверждающих причастность монополий США и ЦРУ к организации переворота.

О тесной их связи с военной хунтой свидетельствуют и другие весьма весомые факты. Так, например, едва успев захватить власть, она заявила, что американским монополиям вновь будет открыт доступ к их бывшим владениям в Чили — к горнорудным богатствам. А Межамериканский банк развития, в свое время заморозивший займы правительству Альенде, уже спустя несколько дней после переворота предоставил новым правителям заём в 65 миллионов долларов. Как отмечает «Вашингтон пост», решающий голос в этом банке принадлежит финансовым кругам и монополиям США. Впрочем, факт этот широко известен.

Многочисленные разоблачения печати привели к тому, что лидер демократического большинства в американском сенате Мэнсфилд потребовал создания комиссии для расследования обвинений ЦРУ и крупных монополий США в их вмешательстве во внутренние дела Чили и причастности к совершенному там военному перевороту.

В связи с протестами мирового общественного мнения против /169/ злодеяний хунты и разоблачением ее хозяев, по чьим указкам она действовала, чилийская военщина задним числом придумала и огласила версию, оправдывающую, как, должно быть, ей кажется, ее фашистские деяния.

Ничего оригинального сочинить она не могла и позаимствовала опыт из арсенала германского фашизма. Мир не забудет неуклюжей, нелепой и тупой провокации против Георгия Димитрова, обвиненного фашистами в поджоге рейхстага с целью установить «господство коммунистов».

Столь же нелепа и лжива выдумка хунты, будто в развалинах разрушенного ею дворца «Ла Монеда» найдены планы заговора, «планы убийства высших армейских офицеров, руководителей оппозиции, журналистов» с целью установления в стране «коммунистической диктатуры».

Эта бредовая выдумка широко муссировалась реакционной чилийской печатью, пытавшейся обвинить в обреченной на провал версии «заговора» Луиса Корвалана.

Мировое общественное мнение рассматривает роковые события в Чили не изолированно и не только как трагедию чилийского народа. Жесточайшее подавление демократических свобод на чилийской земле является новой попыткой мирового империализма задушить все нарастающее движение народов латиноамериканского континента за национальную независимость.

Представители Компартии Чили опубликовали в колумбийской газете «Вос пролетариа» заявление, в котором говорится:

«Чилийские трудящиеся не позволят, чтобы фашизм властвовал в стране, так как они сознают, что это может привести к господству фашизма во всей Латинской Америке. Народ пока отступил, но он готовится для нанесения решающего удара в соответствующий момент. Превыше всех тех унижений, которым мы подвергаемся, превыше скорби по погибшим является решимость дать отпор путчистам и перейти в контрнаступление. Народ — готовится!»

Когда бомбардировщики хунты уже сбрасывали на Сантьяго свой смертоносный груз, когда была их артиллерия и танки, уничтожившие правительственные радио- и телецентры, главари хунты /170/ предложили президенту Сальвадору Альенде самолет, чтобы он покинул страну.

С негодованием отвергнув это предложение, и перед тем, как надеть каску и взять в руки оружие, чтобы стоять насмерть и умереть как солдат, Сальвадор Альенде в последний раз обратился к народу через единственную уцелевшую радиостанцию «Магальянес». Он начал так:

«Соотечественники! Вероятно, это последняя возможность обратиться к вам. Авиация разбомбила «Радио Порталес» и «Радио Корпорасьон».

Сообщив, как подло предала народ хунта, президент продолжал: «Перед лицом этих фактов мне остается лишь сказать трудящимся: «Я не отрекусь!» В этих исторически сложившихся обстоятельствах, я своей жизнью оплачу верность народу. И говорю вам, я уверен, что семена, которые мы посеяли в благородном сознании тысяч и тысяч чилийцев, нельзя будет вырвать окончательно.

У них есть сила,— говорил он о предателях.— Они могут, конечно, взять верх. Но они не остановят социальных процессов ни с помощью преступлений, ни с помощью силы.

История принадлежит нам и ее делают народы. Трудящиеся моей отчизны! Я хочу поблагодарить вас за вашу верность, за ваше доверие, оказанное мне. Я был лишь выразителем великих чаяний справедливости, я дал вам слово, что буду соблюдать Конституцию и законность,

и так я поступал. И в этот решительный момент, в этот последний раз, когда я могу обратиться к вам, я хочу сказать — извлеките урок из того, что произошло: иностранный капитал, империализм в союзе с реакцией создал условия, при которых вооруженные силы сломали традицию, которой был верен гечерал Репе Шнейдер и верность которой подтвердил капитан А.райя, жертвы тех же социальных элементов, которые сегодня врываются в ваши дома, послушные чужой руке, стремясь отвоевать власть, чтобы защищать привилегии и интересы.

Я обращаюсь к скромной женщине нашей отчизны, к крестьянке, которая поверила нам, к работнице, которая больше трудилась, к матери, которая знает, как мы заботились о детях, я обращаюсь /171/ к специалистам моей отчизны, к техническим специалистам — патриотам, которые работали, не взирая на бойкот и мятеж своих коллег, защищавших привилегии капитала.

Я обращаюсь к молодежи, к тем молодым людям, которые пели, которые привнесли радость и боевой дух в нашу борьбу.

Я обращаюсь к чилийцу: к рабочему, крестьянину, интеллигенту, к тем, которых будут преследовать, потому что уже много часов, как в нашей стране действует фашизм, насаждая терроризм, взрывая мосты, уничтожая воздушные линии, газо- и нефтепроводы, и все это совершается при молчании тех, кто обязан был бы воспротивиться этому.

История их осудит наверняка. Радио «Магальянес» заставят замолчать, и, может быть, спокойный металл моего голоса не дойдет до вас.

Неважно! Нас все равно услышат! Я всегда буду с вами, во всяком случае, я останусь в вашей памяти как человек достойный, верный делу трудящихся. Народ должен защищаться, но не должен приносить себя в жертву. Народ не должен дать себя уничтожить, но и не позволит унижить себя.

Трудящиеся моей страны! Я верю в Чили и в ее будущее. Найдутся в Чили люди, которые преодолеют все, и в этот горький и тяжкий момент, когда стране пытаются навязать предательство, знайте, что недалек тот день, когда вновь откроются светлые горизонты, чтобы люди достойные строили лучшее общество.

Да здравствует Чили! Да здравствует народ! Да здравствуют трудящиеся! Это мои последние слова.

Я уверен, что жертвую не напрасно, я уверен, что, по крайней мере, это будет моральным уроком, который покарает низость, трусость, предательство».

Последнее обращение Сальвадора Альенде к народу, его спокойный, сильный и добрый голос услышали люди Чили. Услышали раскаленную правду и приняли как программу борьбы.

Сальвадор Альенде говорил: «Народ должен защищаться, но не /172/ должен приносить себя в жертву. Народ не должен дать себя уничтожить, но и не позволит унижить себя».

Чилийский народ принял это завещание. Чтобы не дать себя истребить, народ пока отступил. Но он собирает силы, чтобы не дать унижить себя. Спустя почти месяц после переворота газета «Гардиан» писала: «Положение в Чили намного серьезнее, чем заставляют предполагать самодовольные коммюнике военной хунты». Как писала «Нью-Йорк тайме», тот факт, что в последнее время вооруженное сопротивление хунты несколько стихает, не означает ослабления борьбы.

И это верно. Сторонники Народного единства уходят в подполье.

В своем обращении к народу Сальвадор Альенде говорил: «Найдутся в Чили силы, которые преодолеют все...» И эти силы нашлись. Они собираются, организовываются для решающей схватки.

Несмотря на фашистский разгул, охвативший страну, сломить народ не удалось. Ушла в подполье коммунистическая партия и собирает, перегруппировывает свои ряды. Во многих районах страны организуются подпольные группы сторонников Народного единства, партизанские отряды. Между ними налаживается связь, идет подготовка к созданию Центра по руководству сопротивления, куда войдут не только деятели Народного единства, но и значительные группы самых различных слоев трудового населения, в том числе представители левого крыла христианско-демократической партии, которые только теперь в полной мере осознали подлинные цели реакции. Одновременно в различных районах страны вспыхивают вооруженные

столкновения патриотов с армейскими подразделениями, которые все время находятся в напряженной готовности, боясь мести народа.

На территории Аргентины чилийскими патриотами создан Фронт народного действия. Организуются патриотические силы чилийцев и в других латиноамериканских странах.

В своем последнем предсмертном обращении Сальвадор Альенде сказал: /173/ «...Я уверен, что семена, которые мы посеяли в благородном сознании тысяч и тысяч чилийцев, нельзя будет вырвать с корнем, окончательно».

Жизнь неумолимо подтвердила эти слова. За три года Народного единства трудящийся Чили почувствовал, что он не раб, а человек. И нет такой силы, которая бы заставила его вновь превратиться в раба.

Это увидели и поняли все. С тревогой пишет «Вашингтон пост» о том, что Народное единство «действительно в немалой степени улучшило судьбу чилийцев, находившихся на самых низких ступенях социальной лестницы. Благодаря ему многие рабочие и крестьяне в большей мере почувствовали себя участниками жизни страны, чем прежде. Это такие завоевания... которыми опасно пренебречь».

Не берусь судить, из каких побуждений пишет об этом «Вашингтон пост». Может быть, лишь призывает хунту рассмотреть действительность сквозь кровавый туман, заслонивший ей глаза. Но кара, которая постигнет тех, кто «пренебрег» завоеваниями народа, неотвратима, как неотвратим был Нюрнберг уже в первые дни зарождения германского фашизма. И пусть справляют сегодня кровавый шабаш черные генералы Чили над трупами тысяч чилийцев, но смотрят по сторонам и готовятся к тому, что их ждет. Пусть и они прочтут обращение Коммунистической партии Чили «К чилийскому народу», напечатанное в подполье и распространенное нелегально среди населения 11 октября 1973 года, спустя месяц после переворота.

Газета Итальянской компартии «Унита» рассказала миру об этом обращении, изложив его содержание на своих страницах.

В этом документе дан глубокий анализ причин переворота, положения в стране и намечена конкретная программа действий. Идея государственного переворота в Чили, говорится в обращении, родилась в кабинетах ЦРУ в непосредственном сговоре с монополиями ИТТ и «Кеннекот коппер корпорейшн».

Оценивая события в стране после путча, Чилийская компартия отмечает, что репрессии против коммунистов не случайны. В них видит военная хунта главного своего врага. Поэтому она объявила Коммунистическую партию вне закона. Она объявила вне закона также /174/ все политические партии и организации, которые руководствуются учением Маркса — Энгельса — Ленина. Но марксизм нельзя запретить. Как идеология рабочего класса, как система научных знаний, призванная служить орудием преобразования мира, он будет существовать века. И так же невозможно запретить, отменить деятельность Коммунистической партии, которая руководствуется марксистско-ленинской идеологией.

Мы представляем прежде всего интересы рабочего класса, говорится в обращении. Эти интересы совпадают с интересами трудящихся, всего народа. В этом залог нашей грядущей неизбежной победы.

В настоящее время «главной задачей коммунистов и представителей всех прогрессивных и демократических сил является сохранение и расширение единства. Только объединенные действия всех кругов, готовых дать отпор военной диктатуре, способны принести победу. Только объединенными усилиями можно осуществить исторические задачи, стоящие перед чилийским рабочим классом и всем народом». Именно по этому пути, по пути консолидации, ведущему к победе, идут сегодня все демократические силы народа. После переворота их ряды увеличились. Те, кто еще колебался, кого разлагала лживая пропаганда, кто роптал в связи с трудностями, создаваемыми реакцией, кто верил правым лидерам, отбросили прочь все сомнения, когда увидели, чего добивалась реакция. Сегодня в полной изоляции остались только кровавая хунта вместе с самой крайней реакцией, поддерживаемые реакцией внешней. Весь чилийский народ против фашистского режима, навязанного стране силой оружия, и тот, кто еще не вступил в активную борьбу, посильно помогает подпольным организациям.

...Я слышал последнее обращение к народу Сальвадора Альенде, записанное на пленку корреспондентом советского радио в Чили. Слышал, что происходило дальше. Только две-три секунды длилось молчание. И вдруг вспыхнула песня. Боевая революционная песня чилийского народа. Ее пели коммунисты, демократы, все, кто в эту минуту находился на радиостанции «Магальянес». В эту песню ворвался молодой, сильный голос и тут же был подхвачен теми, кто находился у микрофонов. Это были призывы к борьбе, вера в силы /175/ народа. Их слова, под аккомпанемент песни, неслись над страной. Их не мог забить слышавшийся гул самолетов. Может быть, тех же, что разбомбили «Радио Порталес» и «Радио Корпорасьон». Теперь они шли на «Магальянес». Это понимали те, кто были у микрофонов. Они знали, что вызывали вражеский огонь на себя, знали, что это последние минуты их жизни, но и песня, и революционные призывы звучали как победный гимн, как слава жизни.

Микрофон замолк вдруг. Мы не слышали бомбового удара. Но ощутили его каждой своей клеткой. Не шелохнувшись, сидел огромный переполненный зал, и казалось, раздайся сейчас клич, как один поднялись бы советские люди, чтобы смести с лица земли новое фашистское логово.

Это видел находившийся в зале член Политкомиссии ЦК Компартии Чили В. Тойтельбойм. Наши чувства известны чилийскому народу. Это помогает ему бороться. Так говорят в своем обращении к народу чилийские коммунисты. И вместе с ними каждый из нас повторяет сегодня последние слова Сальвадора Альенде:

«Я верю в Чили и в ее будущее. Найдутся в Чили люди, которые преодолеют все, и в этот горький и тяжкий момент, когда стране пытаются навязать предательство, знайте, что недалеко тот день, когда вновь откроются светлые горизонты, чтобы люди достойные строили лучшее общество». /176/